

ноябрь – декабрь
6 (92) 2019 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**
- 6 ПОЛЕТАЕВА М. А.**
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
К ГРАЖДАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)
- 15 РЕМИЗОВ В. А., САДОВСКАЯ В. С.**
ЛИБЕРТАРИАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ
- 25 БАРКОВ А. В.**
РАЗВИТИЕ ВОЕННЫХ МУЗЕЕВ СССР
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е ГОДЫ)
- 36 МАЛЕЕВ В. С.**
СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ ТУРИЗМ
В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ И СОХРАНЕНИЕ
НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
- ИЗ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ**
- 47 МАРЕЕВ С. Н.**
КУЛЬТУРА ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ПАРАДОКСЫ И. КАНТА)
- 53 ТИХОНОВА В. А., КАСАТКИНА С. А.**
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАРЕЕВ – УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ
- 58 МАРЕЕВА Е. В.**
СЕРГЕЙ МАРЕЕВ И ИЛЬЕНКОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ИДЕАЛЬНОГО
- 71 МАЙДАНСКИЙ А. Д.**
СЕРГЕЙ МАРЕЕВ О ТРУДОВОЙ ПРИРОДЕ СОЗНАНИЯ
- 82 БЫЧКОВ С. Н.**
СЕРГЕЙ МАРЕЕВ И «ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

88 ЛАЗУТКИН В. А.

ДИАЛЕКТИКА И ЖИЗНЬ. ПАМЯТИ С. Н. МАРЕЕВА

93 РИХТЕР ГУДРУН

СЕРГЕЙ МАРЕЕВ И КРУГ ИЛЬЕНКОВА: МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

97 ПШЕННИКОВ В. В.

СЛОВО О МАСТЕРЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

102 ХАМИДОВ А. А.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕРГЕЕ МАРЕЕВЕ

ЭСТЕТИКА 108 УЛЬЯНОВА Л. Н., ШУРАЛЕВ Р. И.

ТРАНСГРЕССИВНЫЙ ОПЫТ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

117 ФОКЕЕВА М. П.

ПОНЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ
В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИКИ ТРАВМЫ

123 СКОРОБОГАЧЕВА Е. А.

ПИРАМИДАЛЬНОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ
РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА. К ВОПРОСУ
СОХРАНЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ТРАДИЦИЙ

129 АНДРЕЙКИНА М. В.

МУЗЫКА И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА:
ОТ УЧЕНИЯ ПИФАГОРА К ТЕОРИИ А. Ф. ЛОСЕВА

137 ЗОРИЛОВА Л. С.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ВЫДАЮЩИХСЯ
РУССКИХ ОПЕРНЫХ ПЕВЦОВ В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 20–40-х ГОДОВ XX ВЕКА

ТЕХНОЛОГИИ 146 ХРИСТИДИС Т. В.

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОГО
ВОСПИТАНИЯ 153 БОРИСЕНКО Т. С.**

ПОТЕНЦИАЛ АРТПЕДАГОГИКИ
В ГАРМОНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО
ЛЮБИТЕЛЬСКОГО КОЛЛЕКТИВА ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«МАСТЕРСТВО ХОРЕОГРАФА»

November – December
6 (92) 2019
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY AND HISTORY OF CULTURES** **6 POLETAEVA MARINA A.**
THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS
OF EUROPEAN CULTURAL POLICY: FROM MULTICULTURALISM
TO CIVIC INTEGRATION (FOR EXAMPLE GERMANY)
- 15 REMIZOV VYACHESLAV A., SADOVSKAYA VALENTINA S.**
LIBERTARIANISM AND MODERN RUSSIA
- 25 BARKOV ALEKSANDR V.**
THE DEVELOPMENT OF MILITARY MUSEUMS
OF THE USSR IN THE INTERWAR PERIOD (1920–1930th)
- 36 MALEEV VITALIY S.**
SOCIALLY RESPONSIBLE TOURISM IN SMALL CITIES
OF RUSSIA AND PRESERVATION OF INTANGIBLE
CULTURAL HERITAGE
- FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT** **47 MAREEV SERGEY N.**
CULTURE VS CIVILIZATION (I. KANT'S PARADOXES)
- 53 TIKHONOVA VALERIYA A., KASATKINA SVETLANA A.**
SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV – SCIENTIST AND EDUCATOR
- 58 MAREEVA ELENA V.**
SERGEY MAREEV AND ILYENKOV'S CONCEPT OF THE IDEAL
- 71 MAIDANSKY ANDREY D.**
SERGEY MAREEV ON THE LABOUR NATURE
OF CONSCIOUSNESS

82 BYCHKOV SERGEY N.

SERGEY MAREEV AND "PHILOSOPHY OF SCIENCE"

88 LAZUTKIN VLADIMIR A.

DIALECTICS AND THE LIFE. IN MEMORY OF S.N. MAREEV

93 RICHTER GUDRUN

SERGEY MAREEV AND ILYENKOV CIRCLE: MY MEMORIES

97 PSHENNIKOV VYACHESLAV V.

A WORD ABOUT THE MASTER OF MATERIALIST DIALECTICS

102 KHAMIDOV ALEKSANDR A.

A FEW WORDS ABOUT SERGEY MAREEV

AESTHETICS 108 ULYANOVA LARISA N., SHURALEV RUSLAN I.

TRANSGRESSION IN THE CONTEXT
OF AESTHETIC EXPERIENCE

117 FOKEEVA MARIYA P.

THE CONCEPT OF ARTISTIC TRUTH IN TRAUMA AESTHETICS

123 SKOROBOGACHEVA EKATERINA A.

PYRAMIDAL THEORETICAL CONSTRUCT
OF THE DEVELOPMENT OF ART. ON THE ISSUE
OF PRESERVATION AND EVOLUTION OF TRADITIONS

129 ANDREYKINA MARINA V.

MUSIC AND MATHEMATICAL LOGIC: FROM THE DOCTRINE
OF PYTHAGOR TO THE THEORY OF A.F. LOSEV

137 ZORILOVA LARISA S.

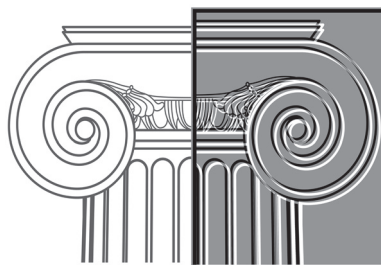
CREATIVE PERSONALITY OF OUTSTANDING RUSSIAN
OPERA SINGERS IN THE CONTEXT OF MASS MUSICAL
CULTURE OF THE 20–40th OF THE XX CENTURY

**TECHNOLOGIES OF SOCIAL
AND CULTURAL
EDUCATION 146 KHRISTIDIS TATYANA V.**

THE POTENTIAL OF ART PEDAGOGY
IN THE HARMONIZATION OF PERSONAL DEVELOPMENT

153 BORISENKO TATYANA S.

THE MAIN ASPECTS OF IMPROVING THE TRAINING
OF THE FUTURE HEAD OF THE AMATEUR CHOREOGRAPHIC
GROUP IN THE DISCIPLINES OF THE PROFESSIONAL UNIT

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

Ф ИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА К ГРАЖДАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

УДК 008:304

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10601

М. А. Полетаева

Московский государственный лингвистический университет

В статье акцентируется внимание на культурно-философских основаниях перехода ряда европейских стран от мультикультурализма к интеркультурализму, начиная с 2010 года по настоящее время. Отмечено, что культурная политика является основой интеграционных усилий государств, соединяющих иммигрантов и принимающее сообщество. В течение XX – начала XXI века позиция европейских государств по отношению к иммигрантам и их культуре эволюционировала: в начале столетия наиболее практикуемой политикой была сегрегация и ассимиляция, сменившаяся в 1960-х годах жёстким мультикультурализмом. Трансформация мультикультурализма начинается в 1990-х годах и приводит к декларативному отказу от данной политики в 2010 году с заменой её на «интеркультурализм» или «гражданскую интеграцию», что стало не столько субстанциональным изменением, сколько популистской мерой в ответ на рост уровня фрустрации большинства граждан. На данный момент действия европейских правительств направлены на формирование общегражданской идентичности населения на внеэтнической основе в качестве культурного ресурса социальной интеграции. Главная задача новой стратегии состоит в предоставлении иммигрантским сообществам равных культурных и жизненных возможностей, наряду с представителями титульной нации, что предполагает активное участие интегрирующихся иммигрантов во всех сферах развития города / региона (культурной, социально-экономической, гражданской и политической). При этом процесс интеграции требует взаимного культурного участия как иммигрантов, так и принимающего сообщества.

Ключевые слова: культура, глобализация, мультикультурализм, гражданская интеграция, современная культура Германии, социокультурная адаптация мигрантов.

Marina A. Poletaeva

Moscow State Linguistic University, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation,
Tverskaya street, 11, 125993, Moscow, Russian Federation

THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF EUROPEAN CULTURAL POLICY: FROM MULTICULTURALISM TO CIVIC INTEGRATION (FOR EXAMPLE GERMANY)

The article focuses on the cultural and philosophical foundations of the transition of a number of European countries from multiculturalism to interculturalism, from the 2010th to the present. It is

ПОЛЕТАЕВА МАРИНА АНДРЕЕВНА – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

POLETAEVA MARINA ANDREEVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Culture, the Moscow State Linguistic University

e-mail: m.poletaeva@mail.ru

© Полетаева М. А., 2019

noted that cultural policy is the basis of the integration efforts of states connecting immigrants and the host community. During the 20th – beginning of the 21st centuries, the position of European states towards immigrants and their culture evolved: at the beginning of the century, segregation and assimilation was the most practiced policy, replaced by harsh multiculturalism in the 1960th. The transformation of multiculturalism begins in the 1990th and leads to a declarative abandonment of this policy in the 2010th with its replacement by “interculturalism” or “civic integration”, which was not so much a substantial change as a populist measure in response to the increase in the level of frustration of most citizens. At the moment, the actions of European governments are aimed at creating a common civic identity of the population on a non-ethnic basis as a cultural resource for social integration. The main objective of the new strategy is to provide immigrant communities with equal cultural and life opportunities, along with representatives of the titular nation, which implies the active participation of integrating immigrants in all areas of the development of the city / region (cultural, socio-economic, civil and political). Moreover, the integration process requires mutual cultural participation of both immigrants and the host community.

Keywords: culture, globalization, multiculturalism, civic integration, modern German culture, sociocultural adaptation of migrants.

Для цитирования: Полетаева М. А. Философские основания европейской культурной политики: от мультикультурализма к гражданской интеграции (на примере Германии) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 6–14. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10601

С позиций философии культуры мультикультурализм представляет собой политику интеграции мигрантов в принимающее сообщество, которая основывается на идеологии культурного плюрализма и социального равенства этнических меньшинств. Как пишет А. И. Куропятник, «мультикультурализм представляет собой особую форму интегративной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни» [2, с. 54]. Британский исследователь Ч. Кукатас выделяет несколько видов культурной политики по отношению к иммигрантам [1]. Наиболее бескомпромиссной реакцией является изоляционизм – попытка не допустить культурного многообразия, запретив носителям других культур пересекать границу и проживать в стране. Так, в изначально иммигрантской стране Австралии в 1901 году парламентом был принят

акт, согласно которому предпочтение при въезде отдавалось WASP (white Anglo-Saxon protestant), на втором месте были уроженцы Северной Европы, жители южноевропейских стран были менее желательны, азиаты и африканцы не впускались вовсе. Лишь в 1960-х годах начали приниматься меры по отмене этих ограничений. Официально с изоляционизмом в Австралии было покончено в 1973 году. Как представляется с позиций философского анализа, важнейшей причиной изоляционизма является страх перед изменением культурной составляющей общества, интерпретируемым как угроза разрушения / трансформации коллективной идентичности.

Однако стоит отметить, что среди национальных государств континентальной Европы более распространённой была ассимиляционная политика, предполагающая утрату мигрантами специфических социальных и культурных черт, отказ от традиционных моделей поведения. При этом этнические культурные паттерны заменя-

лись нормами и моделями поведения принимающего сообщества. Как пишут современные исследователи, «... с политикой ассимиляции связана идея плавильного котла (melting pot), изложенная И. Зангвиллом в одноимённой пьесе: “Америка – созданный Богом котёл, величайший плавильный котёл, где сплавляются все народы Европы ... немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские – все в этот котёл. Так Господь создаёт нацию американцев”. Melting pot стал национальной философией США, закрепляющей в сознании образ уникальной вселенской “нации наций”» [3].

Изменения, произошедшие в философии культуры Запада после Второй мировой войны, обусловили отказ от ассимиляции в пользу плюрализма. С позиций философии культуры можно выделить ряд причин, которые легли в основание этого процесса. Прежде всего следует отметить следующие из них: изменение идеологической культуры вследствие падения колониальной системы (Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным народам, 1960); трансформацию системы культурных ценностей, среди которых права и свободы человека стали бесспорным приоритетом (Декларация прав человека, 1948); появление и распространение концепции культурного релятивизма Ф. Боаса и М. Дж. Херсковица; рост популярности в культуре идей социализма (К. Маркс, Ж.-П. Сартр, франкфуртская школа социологии, Ж. Деррида); ключевые изменения политической культуры, например борьба с расовой сегрегацией и дискриминацией чернокожего населения Америки в 1955–1965 годах.

В качестве альтернативы ассимиляции с 1960-х годов стал рассматриваться мультикультурализм, совместивший в своём культурфилософском основании две интенции: признание индивидуальных прав граждан и

прав этнических сообществ на поддержание культурной идентичности. В итоге философия американского «melting pot» была заменена на метафору «salad bowl» – «миска салата», где составляющие сохранили свою форму, образовав при этом единство.

Представляется, что следует различать две формы современного мультикультурализма: мультикультурализм в традиционно иммигрантских обществах (Канада, США, Австралия) и в европейских государствах-нациях. В случае с первой группой стран мультикультурализм является объективной действительностью с момента создания государства. Население США, Канады и Австралии изначально было полиэтничным, хотя англосаксонская элита играла доминирующую роль. Для государств Европы мультикультурализм стал заимствованным способом регулирования отношений между коренным населением и иммигрантами, которые стали активно приезжать на континент с середины XX века. Важно отметить, что философские основания культурной политики были изначально различны, что и определило региональную специфику реализации политики мультикультурализма.

С 1970-х до середины 1990-х годов прослеживалась тенденция европейских демократий к отказу от идеи ассимиляции мигрантов, широкому признанию культурного разнообразия, прав меньшинств и внедрению политики мультикультурализма. Однако, как показал культурфилософский анализ, с середины 1990-х годов можно говорить о возвращении к идее общенациональных ценностей и идентичности, вызванном желанием коренного населения сохранить свой традиционный образ жизни. Следствием растущего общественного консерватизма в политической культуре стала популярность правых движений в Дании, Австрии и Нидерландах. В то же вре-

мя центристские и левые партии Европы признали, что политика мультикультурализма не смогла помочь иммигрантам преодолеть социальную, экономическую и политическую изолированность, поскольку иммигранты продолжили существование в замкнутых этнических общинах. Исходя из высказываний политических лидеров Европы, 2010 год стал годом всеобщего отказа от мультикультурализма. Первой на этот счёт высказалась канцлер Германии А. Меркель на встрече с молодыми членами своей партии ХДС. Лидер ФРГ назвала надежды немцев на «счастливое и дружное сожительство» с иммигрантами наивными и сделала броское заявление: «Multikulti-Politik ist gescheitert» («Мультикультурализм провалился») [8], процитированное главными СМИ Германии и Европы. Позицию немецкого канцлера поддержал британский премьер Д. Кэмерон, выступивший с идентичным заявлением в феврале 2011 года на конференции по безопасности в Мюнхене [9], а позднее бывший на тот момент президентом Франции Н. Саркози [13].

По мнению критиков мультикультурализма, данный вид культурной политики заключается исключительно в уважении к меньшинствам и толерантном отношении к традициям других народов. Этническое разнообразие, таким образом, входит в систему потребления на уровне культуры повседневности: этот феномен в Великобритании описан Я. Алибхай-Браун как «модель трёх “с” – сари, самса, стальные барабаны (“3S” model – saris, samosas, and steeldrums)» [4]. Одежда, кухня и этническая музыка, как наиболее очевидные маркеры культуры, стали сегментом рынка европейских мегаполисов и частью коммерческой деятельности общин и диаспор. Подобная селективность ведёт не только к упрощению культуры меньшинств, но и к её консервации: определение группы

через популярные у большинства практики подразумевает невозможность её изменения или обновления [6]. Стабильно приписываемые характеристики создают основу для построения образа «они-группы», что ведёт к поляризации общества. Более того, обсуждение визуальных маркеров идентичности, таких как ношение паранджи, в общественных дискуссиях стало чаще подменяться осуждением откровенно нелиберальных (но и не повсеместных) практик мусульман вроде насильственных браков, женского обрезания, признание исключительно права шариата и т.д. [7].

В действительности же, культурные основания политики мультикультурализма предполагают более широкие меры по интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Индекс миграционной политики, разработанный канадскими исследователями У. Кимликой и К. Бантингом, включает следующие параметры: конституционное и правовое утверждение мультикультурализма на государственном уровне; включение мультикультурализма в школьную образовательную программу; включение этнических представителей в органы СМИ; освобождение от дресс-кода; разрешение двойного гражданства; спонсирование организаций этнических групп для проведения культурных мероприятий; спонсирование двуязычного образования и образования на родном языке; политика равных возможностей для неблагополучных групп мигрантов и некоторые другие [16].

Таким образом, с позиций философии культуры можно говорить о богатом интеграционном потенциале политики мультикультурализма, которая подразумевает культурное признание, социальное равноправие и политическое включение. Одновременно с предоставлением равных возможностей национальное государство в от-

вет ожидает лояльности Конституции и признания норм либеральной демократии как части общей культуры мигрантов.

Согласно исследованию У. Кимлики, средний показатель мультикультурализма в Европе стабильно возрастает: от 0,7 в 1980 году до 2,1 в 2000 году и 3,1 в 2010 году [6]. Самый активный рост отмечен в Бельгии, Финляндии, Греции, Ирландии, Норвегии, Португалии, Испании и Швеции. Можно говорить о том, что в общественной риторике понятие «мультикультурализм» было заменено на понятия «интеграция» или «интеркультурализм», однако фактически меры, предпринимаемые государством по адаптации мигрантов, остались прежними.

Сильное высказывание А. Меркель, о котором речь шла выше, подтверждает, на наш взгляд, популистский характер заявлений политиков: в контексте идеологической культуры ФРГ на данный момент нельзя в полной мере говорить о целенаправленной политике мультикультурализма, которая проводится, например, в Канаде или Нидерландах. Нам представляется, что этот шаг немецкого политика стал ответом на рост исламофобии в стране: по данным исследования фонда Ф. Эберта, более половины населения (а в некоторых областях и порядка 75,5% резидентов) выступают за ограничения религиозной свободы мусульман, хотя свобода вероисповедания является одним из основных принципов Конституции ФРГ [8]. Таким образом, большинство населения получило возможность эмоциональной разрядки, а партия ХДС А. Меркель – возможность выдвинуть идею гражданской интеграции в качестве принципиально нового направления культурной политики.

После 2010 года не только Германия, но и другие страны ЕС (прежде всего Нидерланды) стали акцентировать внимание на гражданском аспекте интеграции через вве-

дение требований знания языка и культуры страны пребывания. Исследователь Калифорнийского университета С. Гудман разработала индекс мер гражданской интеграции в Европе (Index of Civic integration policies across Europe, CIVIX), согласно которому в 1997 году средний показатель по ЕС-15 составлял 0,56 из 7 максимальных, а в 2009-м – уже 2 [5]. Значимо то, что гражданская интеграция проходит на нескольких этапах миграционного процесса: непосредственно при въезде, при получении вида на жительство и при выдаче гражданства. Основным принципом её является полноценное участие иммигрантов в жизни общества через трудовую деятельность; признание базовых ценностей (либеральная демократия, права человека, равенство людей, в том числе гендерное, и верховенство закона); знание языка, истории и устройства страны. Государство же, в свою очередь, гарантирует защиту от дискриминации. Таким образом, мы видим изменение философских оснований культурной политики в сторону симметричного баланса ценностей и идеологий принимающего сообщества и иммигрантов.

Сопоставляя принципы мультикультурализма и гражданской интеграции, можно утверждать, что они подходят к задаче адаптации с разных сторон: в своих философских основаниях мультикультурализм базируется на интенции консервации и развития идентичности мигрантов, тогда как гражданская интеграция – ответное движение иммигрантов в сторону принимающего общества. Как представляется, потенциально конфликтными в этом случае являются две области культуры: соотношение прав и обязанностей в политической культуре и вопрос коллективной идентичности в национальной культуре.

Отметим, что в то время как одни государства реализуют интеграционные про-

граммы на основе добровольного участия (Испания, Португалия, Финляндия), другие возводят интеграцию в обязанность иммигрантов (Дания, Австрия, Германия – с 2008 года, Нидерланды – с 1998 года). При этом получение социальных пособий и разрешения дальнейшего пребывания в стране является рычагом воздействия на иностранцев. Вопрос национальной идентичности остро поставлен в дискурсе о культурной интеграции, поскольку затрагивает частную духовную сферу жизни иммигрантов. Несмотря на то, что к XXI веку все государства Европы официально отказались от ассимиляторской политики, действующее законодательство выдаёт неполное вхождение риторики в практику. Так, запрет двойного гражданства в Германии действует как ограничительная мера для иммигрантов, не готовых поступиться национальной идентичностью. При этом немецкие тесты на гражданство представляют значительную сложность, поскольку индивидуальны для каждой из 16 федеральных земель и включают 300 вопросов о политическом и экономическом устройстве страны, её Конституции, а также географических, культурных и религиозных особенностях.

Таким образом, исходя из философских оснований концепции мультикультурализма, принудительные меры интеграции противоречат идее либерализма в европейской культуре, а ассимиляторские требования языковых и гражданских тестов не соответствуют центральному в культурной идеологии положению о равенстве культур. Однако эти черты свойственны не всем государствам Европы, а лишь тем, как мы писали выше, которые изначально не основывали миграционную политику на мультикультурализме [6]. В целом можно утверждать, что с философских позиций идея гражданской интеграции является необходимым допол-

нением оснований мультикультурализма, а не исключающим её новым вектором культурной политики.

Помимо трансформации философских оснований политики мультикультурализма, нам важно остановиться на анализе других изменений в европейской культурной политике, которые выделяет У. Кимлика.

1. Десекуритизация этнических взаимоотношений как аксиологическое обоснование интеркультурализма: мультикультурная политика наиболее эффективна, если проводится как часть культурной политики, а не как часть политики национальной безопасности. Немецкий культурный антрополог Н. Мюэ отмечает, что после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года в общественных дискуссиях Германии трудовые мигранты, прежде обозначавшиеся как «турки», стали именоваться «мусульманами». Эти два маркера различия стали взаимозаменяемыми и контекстуально усиливали друг друга в культурном дискурсе немецкого социума [8].

2. Изменение в культуре принимающего сообщества образа иммигрантов как разрушителей прав человека: основополагающая максима мультикультурализма заключается в равенстве культур и религий. При этом европейское общество считает, что иммигранты из арабских стран не разделяют либерально-демократические ценности, а значит, по отношению к ним можно также не проявлять должного уважения. Исследование, проведённое университетом Мюнстера в 2010 году, показало, что при слове «ислам» 82% немцев и 86% датчан думают об угнетении женщин, 72% немцев и 73% голландцев – о фанатизме, при этом толерантность назвали лишь 4% немцев и 24% голландцев [17].

3. Контроль границ как основание удовлетворения экзистенциальных потребно-

стей принимающего сообщества: мультикультурализм является частью миграционной политики, проводимой на последнем этапе миграционного процесса, и ориентирован на иностранцев, уже въехавших в страну. Гражданам государства тем сложнее принять мультикультурализм, чем незащищённой они чувствуют себя в своей стране. Прежде всего это относится к ситуации, когда государства вынуждены принимать большое число беженцев или наблюдается скачок нелегальной миграции. Представляется, что восприимчивость к культурному разнообразию и чувство безопасности находятся в линейной зависимости друг от друга.

Примером возросшей тревожности общества при увеличении числа беженцев является ситуация, сложившаяся в Германии в начале 1990-х годов. В 1991 году еженедельный журнал «Der Spiegel» вышел с обложкой, где Германию олицетворяла лодка, переполненная иммигрантами и беженцами, которая вот-вот потонет [11]. Выражение «Das Boot ist voll» («Лодка полна») стало нарицательным и часто звучало в общественных дискуссиях. Из-за конфликтов в бывшей Югославии и на Балканах множество мусульманских беженцев из Албании, Косово, Македонии и особенно из Боснии и Герцеговины прибыли в Германию в течение 1990-х годов. В середине 1990-х от гражданской войны и талибов в Германию бежали афганцы. За исключением трудовых мигрантов из Марокко и Туниса, большинство арабских иммигрантов были беженцами. Именно они вызывали недовольство немцев, видевших в действиях арабов стремление к экономической выгоде, а не спасение жизни. В 1993 году, вскоре после нескольких нападений и убийств мигрантов в разных частях Германии праворадикальными группировками, федеральное правительство Г. Коля ужесточило иммиграци-

онное законодательство и ограничило право предоставления убежища. Согласно ему, федеральные службы имеют право прямой репатриации беженцев, которые прибыли с территории какой-либо третьей страны. Благодаря географическому положению Германии, минуя третьи страны, сюда можно прибыть только по воздуху. В аэропорту рассматриваются причины обращения за убежищем. В случае отказа также предусмотрена немедленная репатриация.

4. Диверсифицирование групп иммигрантов в культуре: мультикультурная политика тем эффективнее, чем разнороднее иммигрантское сообщество. Когда в стране есть доминирующее культурное меньшинство, происходит поляризация с коренным большинством. При этом у преобладающей группы иммигрантов появляется возможность активно заявлять о своих правах, проводить обучение на родном языке или строить большое количество религиозных учреждений без опоры на государственные структуры.

Данный тезис может быть проиллюстрирован ситуацией в Германии. По данным Центрального разведывательного управления за 2018 год, самую крупную группу иммигрантов в Германии составляют турки – к ней относятся 2,9% населения страны [15]. При этом этническая идентичность немецких турок активно поддерживается их исторической родиной: в 2010 году Р. Т. Эрдоган пригласил европейских политиков турецкого происхождения в Стамбул, где призвал их «помнить об интересах родины» [12]; в 2011 году во время выступления перед членами диаспоры в Дюссельдорфе Эрдоган призвал «соотечественников» сначала учить детей турецкому языку, а после немецкому [10]. Таким образом, не только фактическое соотношение немцев и турок в Германии, но и действия турецкого прави-

тельства в некоторой степени стимулируют противопоставление двух групп населения Германии.

5. Предоставление иммигрантам возможности быть активными в рамках экономической культуры: задачей государства является открыть иммигрантам доступ к рынку труда и продемонстрировать своё желание стать эффективными членами принимающего сообщества. Представляется, что только при этом условии этническое автохтонное большинство перестанет воспринимать иммигрантов как обузу для социальной системы государства всеобщего благосостояния.

Таким образом, нами был определён мультикультурализм как часть культурной политики, регулирующей взаимоотношения государства и иммигрантов в контексте культурного разнообразия.

Мультикультурализм философски основан на теории либерального плюрализма и равенства культур. Данный вид культурной политики включает не только толерантное отношение коренного населения к иммигрантам и разрешение им продолжать культурные практики в стране пребывания, но и меры гражданской интеграции, такие как натурализация, политическая активность и включение в рынок труда.

Анализ общественной риторики по изучаемому вопросу показал, что после 2010 года слово «мультикультурализм» стало носить негативную коннотацию и было заменено «гражданской интеграцией», или «интеркультурализмом». Однако, по утверждениям западных исследователей, принципиальных изменений в отношениях между государством и иммигрантами не произошло.

Примечания

1. Кукамас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. [Электронный ресурс] // Полит.ру : [веб-сайт]. Электрон. дан. 27.05.2007. URL: <https://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/>
2. Куропятник А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том 3. № 2. С. 53–66.
3. Савченко И. В., Савченко В. И. Принципиальные модели национальной политики // Конструирование социокультурных практик: глобальный и региональный аспекты. Москва : РХТУ имени Д. И. Менделеева, 2010. С. 101–108.
4. Alibhai-Brown Ya. (2000) *After Multiculturalism*. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-923X.72.s1.7/abstract> (In English)
5. Goodman S. W. (2010) *Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies*. Available at: http://www.soc.aau.dk/fileadmin/user_upload/kbm/VoF/Kurser/2011/Multiculturalism/recommended-literature/sara_goodman-integration-requirements.pdf (In English)
6. Kymlicka W. (2012) *Multiculturalism: Success, Failure and the Future*. Washington, DC: Migration Policy Institute. Available at: <http://www.migrationpolicy.org/pubs/multiculturalism.pdf> (In English)
7. Modood T., Meer N. *How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism?* Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07256868.2011.618266> (In English)
8. Mühe N. *Merkel and Multiculturalism*. Available at: <http://www.opensocietyfoundations.org/voices/merkel-and-multiculturalism> (In English); *Tolerance and Cultural Diversity Discourses in Germany*. Available at: http://www.culturalpolicies.net/web/files/47/en/Book_Accept_2012.pdf (In English)
9. *BBC News*. Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-12371994>
10. *Berliner Morgenpost*. Available at: <http://www.morgenpost.de/politik/article1560340/Erdogan-legt-nach-deutsche-Politiker-erzuernt.html> (In German)
11. *Der Spiegel*. Available at: http://www.spiegel-antiquariat.de/product_info.php/info/p6480_Der-Spiegel-Nr-37-09-091991.html/XTCsid/rcbmvhgub (In German)

12. *Die Welt*. Available at: <http://www.welt.de/debatte/article1660510/Das-sagte-Ministerpraesident-Erdogan-in-Koeln.html> (In German)
13. *The Telegraph*. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8317497/Nicolas-Sarkozy-declares-multiculturalism-had-failed.html> (In English)
14. *Eurostat, Indicators of immigrant integration*. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-RA-11-009/EN/KS-RA-11-009-EN.PDF (In English)
15. *Migration Information Source, Germany*. Available at: <http://www.migrationinformation.org/Resources/germany.cfm> (In English)
16. *Multiculturalism Policy Index*. Available at: <http://www.queensu.ca/mcp/index.html> (In English)
17. *Statista*. Available at: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/168663/umfrage/haltung-gegenueberdem-islam-in-deutschland-und-europa/>; <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/2402/umfrage/werte-die-die-europaeische-union-repraesentieren> (In English)

References

1. Kukatas Ch. [Kukathas Chandran] *Teoreticheskie osnovy mul'tikul'turalizma [Theoretical foundations of multiculturalism]*. Available at: <https://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (In Russian)
2. Kuropyatnik A. I. Mul'tikul'turalizm: ideologiya i politika sotsial'noy stabil'nosti polietnicheskikh soobshchestv [Multiculturalism: ideology and politics of social stability of multiethnic communities]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology (JSSA)*. 2000, vol. 3, no. 2, pp. 53–66. (In Russian)
3. Savchenko I. V., Savchenko V. I. Printsipial'nye modeli natsional'noy politiki [Principal models of national policy]. *Konstruirovaniye sotsiokul'turnykh praktik: global'nyy i regional'nyy aspekty [Construction of sociocultural practices: global and regional aspects]*. Moscow, 2010. Pp. 101–108. (In Russian)
4. Alibhai-Brawn Ya. (2000) *After Multiculturalism*. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1467-923X.72.s1.7/abstract> (In English)
5. Goodman S. W. (2010) *Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies*. Available at: http://www.soc.aau.dk/fileadmin/user_upload/kbm/VoF/Kurser/2011/Multiculturalism/recommended-literature/sara_goodman-integration-requirements.pdf (In English)
6. Kymlicka W. (2012) *Multiculturalism: Success, Failure and the Future*. Washington, DC: Migration Policy Institute. Available at: <http://www.migrationpolicy.org/pubs/multiculturalism.pdf> (In English)
7. Modood T., Meer N. *How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism?* Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07256868.2011.618266> (In English)
8. Mühe N. *Merkel and Multiculturalism*. Available at: <http://www.opensocietyfoundations.org/voices/merkel-and-multiculturalism> (In English); *Tolerance and Cultural Diversity Discourses in Germany*. Available at: http://www.culturalpolicies.net/web/files/47/en/Book_Accept_2012.pdf (In English)
9. *BBC News*. Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-12371994>
10. *Berliner Morgenpost*. Available at: <http://www.morgenpost.de/politik/article1560340/Erdogan-legt-nach-deutsche-Politiker-erzuernt.html> (In German)
11. *Der Spiegel*. Available at: http://www.spiegel-antiquariat.de/product_info.php/info/p6480_Der-Spiegel-Nr-37-09-091991.html/XTCsid/rcbmhvgub (In German)
12. *Die Welt*. Available at: <http://www.welt.de/debatte/article1660510/Das-sagte-Ministerpraesident-Erdogan-in-Koeln.html> (In German)
13. *The Telegraph*. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/8317497/Nicolas-Sarkozy-declares-multiculturalism-had-failed.html> (In English)
14. *Eurostat, Indicators of immigrant integration*. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-RA-11-009/EN/KS-RA-11-009-EN.PDF (In English)
15. *Migration Information Source, Germany*. Available at: <http://www.migrationinformation.org/Resources/germany.cfm> (In English)
16. *Multiculturalism Policy Index*. Available at: <http://www.queensu.ca/mcp/index.html> (In English)
17. *Statista*. Available at: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/168663/umfrage/haltung-gegenueberdem-islam-in-deutschland-und-europa/>; <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/2402/umfrage/werte-die-die-europaeische-union-repraesentieren> (In English)

ЛИБЕРТАРИАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

УДК 008:304.4

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10602

В. А. Ремизов, В. С. Садовская

Статья связана с осмыслением ценностно-мировозренческих позиций одной из влиятельных североамериканских философов и писателей в XX веке Айн Рэнд, оказавшей своим творчеством значительное влияние на установки истеблишмента США, строящего свои отношения со странами, в частности с Россией, по стандартам ею осмысливаемой философии либертарианства. Следует отметить, что либертарианство становится заметной отправной точкой в социокультурной диалоговой практике евро-атлантики и их сателлитов. Так, руководство Украины заявило о либертарианской приверженности своей политике. Особое внимание в статье уделяется характеристикам новой России, нелогичности построения отношений с ней США по лекалам либертарианства. В статье приведён теоретический анализ природы либертарианства (Айн Рэнд), его исходных позиций, связанных с современной цивилизационной реальностью, с его противоречиями и тенденциями.

Ключевые слова: либертарианство, цивилизационный процесс, культура, глобализация, социокультурная позиция.

Vyacheslav A. Remizov, Valentina S. Sadovskaya

LIBERTARIANISM AND MODERN RUSSIA

The article is connected with the understanding of the position of one of the influential modern North American philosopher writers Ayn Rand, who exerted a significant influence on the position of the US establishment, building its relations with countries and, in particular, with Russia, according

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик Международной академии информатизации, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской государственной литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – Doctor of Cultural Studies, Ph.D. (Philosophy), Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, the member of Union of Writers of Russia, Academician of the International Academy of Informatization, member of the Union of Writers of Russia, laureate of the All-Russian State Literary Prize named after D. N. Mamin-Sibiryak

САДОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, академик Международной академии наук высшей школы, почётный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP

SADOVSKAYA VALENTINA STEPANOVNA – Full Doctor of Education, Professor, Honored worker of culture of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Higher Education Sciences, Professor Emeritus of the European Institute of PR (Paris), Member of the European Publishing and Expert Council IEERP

e-mail: shupik49@mail.ru

© Ремизов В. А., Садовская В. С., 2019

to the standards of its controllable philosophy of libertarianism. It should be noted that libertarianism is becoming a noticeable starting point in the sociocultural dialogue practice of the Euro-Atlantic and their satellites. Thus, the leadership of Ukraine announced its libertarian commitment to its policy. Particular attention is paid to the characteristics of the new Russia, the illogical nature of building relations with the United States on the patterns of libertarianism. The article provides an excursion of a theoretical analysis of the nature of Ayn Rand libertarianism, its initial positions associated with modern civilizational reality, with its contradictions and tendencies.

Keywords: libertarianism, civilizational process, culture, globalization, sociocultural position.

Для цитирования: Ремизов В. А., Садовская В. С. Либертарианство и современная Россия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 15–24. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10602

В поле активного читательского доступа появилась одна из самых духовно значимых книг в США – роман философа и писателя Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) «Атлант расправил плечи» (Москва, 2011). Книга вызвала общественный интерес у отечественного читателя. С одной стороны, роман «Атлант расправил плечи» – это увлекательная сага о любви, об отношениях людей в условиях частного предпринимательства и конкуренции, но, с другой стороны, на его страницах разворачивается метафорическое изложение философии нового мировоззрения и менталитета, в основе которых лежит идея абсолютной свободы субъекта капиталистического хозяйствования, а также свободы избранных относительно общества и «массы».

По оценке литературных критиков США, Айн Рэнд – «самый влиятельный атеистический мыслитель XX века», а её литературные герои заменили собой ницшеанского «сверхчеловека». Между тем проповедуемая ею философия основана на принципах индивидуализма и эгоизма, являющихся интеллектуальным обоснованием консервативных капиталистических ценностей, хотя сама она свою философскую систему назвала «объективизмом». Заметим, что объективизм есть мировоззренческая позиция, в основе которой «... лежит ориентация познания на социально-поли-

тическую нейтральность, на воздержание от социально-критических оценок о ценностях и целях, от мировоззренческих и нравственных проблем...» [14], что само по себе тенденциозно приводит к абсолютизации несущественного, случайного. Данное явление, как правило, оборачивается нигилизмом по отношению к действительности, культурно-историческому процессу, миру человека, «не подменённому отношением вещей» [14]. Это, в свою очередь, постепенно переводит человека в позицию ограниченного позитивизма, что является маскировкой классического субъективизма, который, заметим, отрывает субъекта от его деятельности и от характера взаимоотношений с другими. В гносеологическом плане такой «объективизм» не только становится «субъективизмом», но и сопрягается с «разумным эгоизмом», связанным, как известно, с эвдемонизмом и гедонизмом, противоположными альтруизму; с сосредоточенностью на своём Я. Это касается и концепта «рационального индивидуализма» – как «человека организации», как объединения исключительных Я, что и «прорисовано» в романе Айн Рэнд.

В немногочисленных исследовательских работах по либертарианству отмечаются три его принципиальных недостатка, обнаруживающих социальную ущербность этого течения: 1) слабость связи между соци-

альным действием и личностью; 2) отсутствие возможности «поступить иначе» и «онтологических реальных альтернатив»; 3) аксиоматичность не «свободы воли», а «свободного действия» (индетерминизм) [9]. Это касается, по существу, обоих современных направлений в либертарианстве: событийно-причинного (*event-causal*) и «агентного» (*agent-causal*) [5]. Айн Рэнд стала одним из пропагандистов идей, которые в последующем сложились в цельную философию либертарианства, связанную с именами К. Гесса, Д. Нолана, Дж. Хосперса и других [1]. Данные идеи питали экономическую политику белого дома 1970-х и 1980-х годов. Её книгами зачитывался знаменитый «охотник за красными» сенатор Барри Голдуотер. Учеником и соратником Айн Рэнд стал Алан Гринспен, на протяжении многих лет исполнявший обязанности председателя Совета управляющих Федеральной резервной системы США. Восторженно относился к ней Рональд Рейган. А нынешний президент США Дональд Трамп сразу после избрания окружил себя, как пишут, коллегами-«объективистами», то есть последователями философии и идеологии Айн Рэнд. Бывший государственный секретарь Трампа Рекс Тиллерсон сообщал, что роман «Атлант расправил плечи» его любимая книга. Майк Помпео, нынешний госсекретарь США, назвал писательницу главным источником, все годы вдохновлявшим его в личной жизни и профессиональной деятельности. Республиканский лидер Палаты представителей Конгресса США Пол Райан признался, что дарит её книги всем знакомым в качестве рождественских подарков и даже заставляет своих стажёров читать их [8].

Отметим, что понятие «либертарианство» до настоящего времени отсутствует в «Философском энциклопедическом сло-

варе» (Москва, 1983). Нет этого понятия в «Большом энциклопедическом словаре» (Москва, 2002), в «Социологическом энциклопедическом словаре» (Москва, 1998). Нет и в «Словаре иностранных слов» (Москва, 2008), хотя известно, что «либерти» (*Liberty*) означает «свобода». Отсюда во всех словарях имеется пояснение к понятию «либерализм», которое связывается со «свободой»: гражданской, политической, экономической; с «гражданским обществом», с правовым государством, с демократическими институтами, с частным предпринимательством. В «Краткой российской энциклопедии» (Москва, 2004) приведены характеристики неолиберализма с его акцентированием идеи свободного рынка и необходимости участия государства в регуляции конкуренции. Отмечается также, что с конца XX века происходит сближение идей либерализма, консерватизма и социал-демократии.

Можно резюмировать, что неолиберализм трансформировался к сегодняшнему времени, сохраняя свои основные социальные признаки, но придавая особое значение вопросам интереса: личного, социального, корпоративного и т.п. Таким образом, это позиция жёсткого рационализма и эгоцентризма. Именно данный аспект и выделяет Интернет, характеризуя уже непосредственно «либертарианство», отмечая в его теории такие принципы: человек принадлежит только себе, он абсолютно свободен; человек не обязан жить во имя какой-либо внешней цели, а только ради субъективного интереса; нельзя применять общественное насилие по отношению к тем, кто не применял насилия; отказ от государства в пользу индивидуального суверенитета; отказ от общественного перераспределения государственного валового дохода [1]. Сразу следует отметить в этих принципах связь с уже известными в политической идеоло-

гии и философии явлениями. Во-первых, помимо крайнего эгоцентризма (солипсизма), в данном случае явно обозначен фактор анархизма и черты экзистенциализма, а также позиции субъективно направленного буржуазного консерватизма. Все отмеченные позиции давно признаны как ценностно-мировоззренческие крайности, и отсюда они насыщены не только агностическим субъективизмом, но и оценочной ограниченностью, а поэтому определяются на гранях субъективного эпатирувания и личностного прагматизма. Именно по этим лекалам строится и философия, и сюжет романа Айн Рэнд. В силу всего этого либертарианство по природе своей более всего связано с западноевропейством (или с евро-атлантизмом), а не с российской цивилизационностью.

Данное суждение важно в связи с тем, что, как показывают порталы Интернета, в стране возник интерес к либертарианству, особенно среди молодёжи. В сети выставлены лекции, книги и материалы коучингов, семинаров, практикумов по либертарианству. Словом, обозначился некий молодёжный познавательный тренд в сторону либертарианства как якобы новой политической и экономической идеи развития современного общественного устройства. В материалах подчёркивается актуальность либертарианства и для России.

В этом отношении интересно исследование В. П. и О. Н. Римских [11], сопрягающих эпистемологически формационно-эволюционную, культурно-цивилизационную и культурно-антропологическую цивилизации в динамике социокультурных систем России. В данном анализе в качестве универсальной они выявляют именно тенденцию к духовному диалогу, этнокультурному взаимодействию, к преданности русскому православию. То есть – к форме

коллективности в рамках цивилизованной системы народностей, этносов, национальностей, проживающих совместно. Не случайно поэтому возникновение и развитие в русском сознании таких теорий, как «философия всеединства», «всечеловечности». Именно эту данность утверждали и Ф. Достоевский, и В. Соловьёв, когда мыслили будущую «всечеловеческую» миссию России с её православием, с её историко-культурным «империумом». И никакие глобальные экономические, политические и иные связи не смогут очистить сущность России до «голой доски» рационально-эгоистического самосознания. Данный вывод доказательно подчёркивается в исследовании В. Тихоновой «Культура в контексте противоречий глобализационного процесса» [13]. Она отмечает «тупиковость» проекта вестернизации, а следовательно, есть полное основание утверждать и ограниченность пресловутого либертарианства с его государственным эгоизмом. «Диктат единственного субъекта объединения народов, – пишет она, – должен сменить диалог, а его реализация начинается с мира культуры» [13]. Таким образом, глобализация должна рождаться из диалога и взаимодействия духовных ценностей, дополняющих друг друга в своей неповторимости на пути «нового гуманистического» (а не эгоистического. – В. Р., В. С.) миропорядка [13].

В связи с этим будет уместно также вспомнить и ряд функционально-позиционных моментов. Первый относит нас к замечанию немецкого философа 1920-х годов Эрнста Трельча, отмечавшего «нарциссический комплекс» западных культур (а-ля либертарианство), то, что они понимают и утверждают только «самих себя и как завоевателей». Второй момент отсылает нас к О. Шпенглеру и А. Тойнби, которые связывали исторический ход с конкуренцией ци-

визаций в русле проблемы «вызов-ответ». Та цивилизация является определяющей время, которая на его «вызов» конструирует смыслоадекватный «ответ». Думается, что вопрос «а что потом?» беспокоит и сторонников либертарианства. Третий момент связан с позицией Н. Данилевского. Он, отмечая контрирующие характеристики Запада и России, указывал на «самостоятельность» российской цивилизации, но при этом шёл дальше, подчёркивая, что есть ещё и коллективная идентичность, а отсюда возникает вопрос о коллективном выживании. Эту же мысль мы находим во взглядах В. Вернадского – о том, что «человечество» живёт, несмотря на раздоры, ещё и некой «общей жизнью». Таким образом, вырисовывается противоречивая картина: нарциссизм Запада – «Вызов» времени – необходимость адекватного «Ответа» и «коллективное выживание». Они в силу всеобщности не могут обретать согласованность с нарциссическими идеями либертарианства. К этому, к слову говоря, примешивается ещё тренд, с одной стороны, «вестернизации» в рамках «культурного глобализма», а с другой стороны, действие факторов культурной глокализации. Скажем, русский поворот к Востоку, что делает Россию, как ещё отмечал Ф. Достоевский, азиатской. Однако тот же Достоевский подчёркивал, что при этом русский ещё и непременно европеец. Человек русской цивилизации способен к «перевоплощению» (Н. Хренов), он находится вместе со своей цивилизационной системой в постоянном «становлении». Это касается и современной России. Не видеть этого – значит не понимать не только себя как часть цивилизации единой Земли, но и других, в частности Россию. Всё отмеченное выдвигает на первый план вопрос об общем представлении культурно-исторического (цивилизационного) развития.

Безусловно, ценностное представление о культурно-цивилизационном процессе на нашей планете требует объективной, глубокой и всесторонней эрудиции, а не односторонности, как, например, в трактовке религиозного фактора С. Хантингтоном, или «автономной» цивилизационной разобщённости А. Тойнби, или либертарианского «эгоизма». Не случайно один из известных публицистов-эрудитов А. Вассерман по данному поводу сделал следующие заслуживающие внимания заявления. Первое, что «... западные ... методики» направлены на разрушение «целостной картины мира». Второе, что обязательным для создания такой картины является основательное изучение таких источников: 1) Фридрих Фридрихович Энгельс – «Анти-Дюринг»; 2) Станислав Самуилович Лем – «Сумма технологии»; 3) Ричард Клинтон-Джонович Докинз – «Слепой часовщик»; 4) Дэвид Элиэзер Оскарович Дойч – «Структура реальности». Конечно, приведённый список можно бы было и уточнить, и дополнить, но для этого нужно, по меньшей мере, помнить о самой необходимости формирования упомянутой «картины» [2]. Целостная картина мира прежде всего связана с тем, что в ней обобщается и индивидуальный материальный интерес, и «общественное благо». Как известно, истина лежит посередине. В переводе на социокультурную модель это означает, что истина связана и с частнопредпринимательской конкурентной системой хозяйствования, имеющей целью индивидуальную доходность и целесообразность, и с системой обобществления элементов материального производства, предусматривающей дифференциацию форм собственности, принципов регуляции доходов и расходов производства во имя общественного блага. Именно этим путём, преодолевая сложности и трудности становления, движется нынеш-

няя Россия, черпая из исторического цивилизационного опыта данные для формирования объективного «ответа» на «вызовы» времени.

Между тем философию писательницы – эмигранта из СССР Айн Рэнд – маркирует следующая позиция: «Моё чувство по отношению к России – это безграничная ненависть. Ненависть ко всей стране ... это самая омерзительная и самая мракобесная страна на земле» [8]. Конечно, сказано это не сегодня, сказано явно в некоем запале. Но ментальная позиция философии Айн Рэнд обозначена ясно. Совершенно очевидно, что здесь отражаются две обозначившиеся в современном общественном сознании модели социально-экономического и духовно-культурного историко-цивилизационного развития. Одна модель – капитализм (в том числе и либертарианство), другая модель – социоориентаризм в его научно-теоретическом понимании. Во всяком случае, сегодня можно совершенно уверенно говорить о том, что обозначился устойчивый тренд многих государств, ориентирующихся на вторую модель в своём развитии. Повторимся, современная Россия, вступившая на путь реформ, обозначила на уровне Конституции (Основного закона) Российской Федерации и на уровне реальной политики (в том числе и на уровне культурной политики) свою государственную сущность как «социально ориентированное» общество.

Духовно-ценностная атмосфера современного российского общества с точки зрения идейных концепций, разделяемых сегодня большинством россиян в качестве основных ориентиров организации социальной жизнедеятельности, характеризуется следующими моментами.

Во-первых, в основе живого социального опыта для большинства представителей

современного российского общества лежит общий для всех поколений предшествующий исторический период [6]. Это своего рода фундамент, который даёт им основной запас понятий, представлений и непосредственных жизненных впечатлений. Этот опыт, в общественном его понимании, в обозримой перспективе выступает в качестве меры «должного» и «ложного», по которым всё ещё оцениваются основные события, текущая политика, ведущие политические фигуры и вся социальная действительность в целом. Безусловно, данная «база», как социальный опыт россиян, связана с триадой: православие; равноправный союз народов, сплочённых общими идеалами, ценностями-целями; общность побед и поражений, утрат и потерь. Эти исторические ступени являются национальной памятью, но сегодня они, переживая социокультурные трансформации, обретают в своём содержании новые смыслы и ориентации [3].

Во-вторых, созерцание Россией мира окрашивается обращённостью к Востоку с его «романтизмом», а не западным постмодернизмом и либертарианством.

В-третьих, через эту первую тенденцию прорываются новые идеи – «романтический проект» (Л. Шестов). Нарастает приоритет не идей прагматизма, а идей братства, а через него идей русского мессианства; не противопоставления, а единения и «русского мира», и единения как «всеединства», ибо, как утверждал В. Шубарт, русские способны радоваться счастью другого и жить жизнью другого [15]. Не даром к 2000-м годам в сознании россиян возросло желание «стать свободными», жить в состоянии всеобщей самореализации [4].

Вместе с тем всё это не так однозначно. Это проявляется в факте, с одной стороны, контрирования с государственными ограничительными функциями, а с другой сто-

роны, в постулировании надежды на гражданское и социальное обеспечение: увеличение прожиточного минимума, гарантированность трудоустройства. Такие позиции занимают 74% населения страны [6]. Это сейчас проявилось в конкретной форме, когда идёт работа по дополнению и уточнению положений Конституции России.

Противоречивость ценностного и политического процессов в современной России проявляется и на уровне реальной дихотомии отечественных «левых» и «новых правых» (с вычлениением и «центра»), разделённых, однако, более всего по социокультурным основаниям и «способности адаптации» к условиям рынка. Всё это на практике выражается в противостоянии «социоориентационного и либерального» путей развития страны [4]. Так что конституционное положение о социоориентированности государственного устройства является, в известной мере, результирующим законодательным актом, которым фиксируется тренд интересов общества к интересам личности, не отвергая свободы слова, печати, вероисповедания, образования, совести и права на самовыражение в искусстве. Данная позиция исторически выстрадана Россией и ничего общего не имеет с либертарианством, которое подпитано и протестантизмом, и извечным стремлением англосаксов к персонализму – или в рамках хутора, или в сфере предпринимательства.

Этим в значительной мере обусловлена и идентификация россиян в социокультурных, исторических и групповых рамках¹. В данных рамках устойчиво проявляются и даже возрастают показатели «поколенческой» оси идентификации – дети – родители. Существенно укрепляются «локальные»

¹ Попытку выделить различные типы и уровни идентификации человека осуществил Ю. Левада [см.: 7].

оси идентификации: свой город, район, регион, республика.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, идентификация россиян сегодня претерпевает насыщение: а) рациональным отношением; б) материальным наполнением. Однако эти две тенденции не определяют содержание идентификационности. Ведущими здесь выступают обычаи, чувства, о которых писал ещё Н. Бердяев в книге «Судьба России»: сострадательность, общинность, терпимость к иному во взглядах и верованиях, стремление к справедливости; русский традиционализм, интуитивность и приверженность идеалам добра [10]. Государство и гражданское общество активно поддерживают развитие данной системы, удерживая её содержание через массмедиа, объединения, общественные и политические движения, через государственные институты, через церковь, учреждения культуры и искусства [12]. Другими словами, в современной России проявляются и некоторые черты мировых социокультурных трендов, при этом налицо специфические, только ей присущие черты, характеризующие её цивилизацию, её культурную сущность.

В наиболее обобщённом плане надо отметить, что состоянию ценностно-мировоззренческой атмосферы современного российского общества присуща некоторая особая тональность, выражающаяся в чувстве самодостаточности, стремлении обрести себя в обновлённой российской реальности. Эта позиция контрирована либертарианству тем, что она лишена крайнего индивидуализма и государственного эгоизма. Она привержена системе открытого диалога и сотрудничества во благо общества и в пользу международного диалога культур и цивилизаций.

Таким образом, мировоззренческие идеи эмигрантки из СССР Айн Рэнд заво-

дят в тупиковую ситуацию. Социокультурная картина современного мира требует ухода от государственного индивидуализма, от диктата эгоистического предпринимательства в любых его проявлениях, включая и либертарианство. Россия – живая, энергично развивающаяся, с глубокими историко-культурными корнями страна, стремящаяся к состоятельному будущему, настойчиво ищущая только ей присущий путь и самостояние в мировой картине мира. Относиться по-своему к ней волен «иной», или

«другой», но если не любить, то понимать её необходимо в сообществе современных людей, провозглашающих свободу, духовность, демократизм, образованность. А любовь к своему Отечеству, государству, малой и большой Родине, своим согражданам присуща россиянам, трудно, противоречиво, но каждодневно упорно строящим свою новую Родину и верящим в её будущее. А пока, как говорил когда-то А. Горчаков, Россия «сосредоточивается» и, пользуясь метафорой Айн Рэнд, как атлант, расправляет плечи.

Примечания

1. Боуз Д. Либертарианство : История, принципы, политика / [пер. с англ. : М. Кислов, А. Куряев]. [Челябинск] : Sato Institute : Социум, [2004]. 391 с., [16] л. : ил., табл.
2. Вассерман А., Латыпов Н. Острая стратегическая недостаточность. Страна на перепутье. Москва : Астрель, 2012. 446 с., [8] л. цв. ил. : ил.
3. Граждане России: взгляд на самих себя // Независимая газета. 1998. № 114 (35). С. 8.
4. Культура глобального информационного общества: противоречия развития : сборник научных статей / Московский гуманитарный университет, Кафедра философии, культурологии и политологии ; [отв. ред.: А. В. Костина]. Москва : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2010. 542 с. : табл.
5. Кейн Р. Поступать по собственной воле: современные размышления о древней философской проблеме // Логос. 2016. № 5. С. 103–130.
6. Лебедева Ю. «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999 (Предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Май-июнь 1999 года. № 3. Информационный бюллетень ВЦИОМ. Москва, 1999. С. 8.
7. Левада Ю. Человек в поисках ценности: проблема социальных критериев // Мониторинг общественного мнения. Москва : Левада-Центр, 1997. № 4.
8. Малышев В. Айн Рэнд, или Просто Алиса // Литературная газета. 2019. № 42 (6709). 16–22 октября. С. 15.
9. Мишура А. С. Свобода в мире: защита экстерналистского либертарианства // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 49–58.
10. Римский В. П. Как понять культурно-цивилизационную специфику России? // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года. Выпуск 3 / отв. редактор к. филос. наук, доц. Рагозина Т. Э. Донецк : ДНТУ, 2017. С. 7–17.
11. Римский В. П., Римская О. Н. Культурно-цивилизационная специфика России: модели понимания и прогнозы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3 (89). С. 10–22.
12. Россия: государство и общество в новой реальности : сборник статей международной научно-практической конференции ИГСУ РАНХиГС Том III. Москва : Проспект, 2016.
13. Тихонова В. А. Культура в контексте противоречий глобализационного процесса // Вестник московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 22–29.

14. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. Москва : Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
15. Хренов Н. А. Современная Россия и ориенталистский дискурс // Россия: государство и общество в новой реальности : сборник статей международной научно-практической конференции ИГСУ РАНХиГС Том III. Москва : Проспект, 2016. С. 298–299.

References

1. Bouz D. *Libertarianstvo: Istoriya, printsipy, politika [Libertarianism: History, principles, politics]*. Chelyabinsk, Publishing house of the Cato Institute, Publishing house “Social”, 2004. 391 p. (In Russian)
2. Vasserman A., Latypov N. *Ostraya strategicheskaya nedostatochnost'. Strana na pereputye [Acute strategic failure. Country at the crossroads]*. Moscow, Publishing House “Astrel”, 2012. 446 p. (In Russian)
3. Grazhdane Rossii: vzglyad na samikh sebya [Russian citizens: a look at themselves]. *Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]*. 1998, no. 114 (35), p. 8. (In Russian)
4. Kostina A. V., ed. *Kul'tura global'nogo informatsionnogo obshchestva: protivorechiya razvitiya [Culture of the global information society: contradictions of development]*. Moscow, Publishing House of Moscow University for the Humanities, 2010. 542 p. (In Russian)
5. Keyn R. Postupat' po sobstvennoy vole: sovremennye razmyshleniya o drevney filosofskoy probleme [Acting of one's own free will: modern reflections on an ancient philosophical problem]. *Logos*. 2016, no. 5, pp. 103–130. (In Russian)
6. Lebedeva Yu. “Chelovek sovetskiy” desyat' let spustya: 1989–1999 (Predvaritel'nye itogi sravnitel'nogo issledovaniya) [“Soviet Man” ten years later: 1989–1999 (Preliminary results of a comparative study)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. May–iyun' 1999 goda. № 3. Informatsionnyy byulleten' VTSIOM [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change. May–June 1999. No. 3. Russian Public Opinion Research Center's Newsletter]*. Moscow, 1999. P. 8. (In Russian)
7. Levada Yu. Chelovek v poiskakh tsennosti: problema sotsial'nykh kriteriev [Human in search of value: the problem of social criteria]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya [Public Opinion Monitoring]*. Moscow, Published by Levada Center, 1997. No. 4. (In Russian)
8. Malyshev V. Ayn Rend, ili Prosto Alisa [Ayn Rand, or Just Alice]. *Literaturnaya gazeta [Literary newspaper]*. 2019, no. 42 (6709), p. 15. (In Russian)
9. Mishura A. S. Svoboda v mire: zashchita eksternalistskogo libertarianstva [Freedom in the world: the defense of externalist libertarianism]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2019, no. 8, pp. 49–58. (In Russian)
10. Rimsky V. P. Kak ponyat' kul'turno-tsivilizatsionnyuyu spetsifiku Rossii? [How to understand the cultural and civilizational specifics of Russia?]. In: Ragozina T. E., ed. *Sub"ektivnoe i ob"ektivnoe v istoricheskom protsesse. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 21 aprelya 2017 goda. Vypusk 3 [Subjective and objective in the historical process. Materials of the international scientific conference on April 21, 2017. Issue 3]*. Donetsk, 2017. Pp. 7–17. (In Russian)
11. Rimsky V. P., Rimskaya O. N. Models of understanding cultural-civilizational specificity of Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 3 (89), pp. 10–22. (In Russian)
12. Rossiya: gosudarstvo i obshchestvo v novoy real'nosti. *Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Instituta gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF (RANKhiGS). Tom 3 [Russia: State and Society in a New Reality. Collection of Articles of an International Scientific and Practical Conference, the Institute of Public Administration and Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa). Vol. 3]*. Moscow, Publishing house “Prospect”, 2016. (In Russian)
13. Tikhonova V. A. Culture in the context of the contradictions of the globalization process. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2019, no. 2 (88), pp. 22–29. (In Russian)

14. Ilyichev L. F., Fedoseev P. N., eds. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]*. Moscow, State Scientific Publishing House "The Soviet Encyclopedia", 1983. 839 p. (In Russian)
15. Khrenov N. A. *Sovremennaya Rossiya i oriyentalistskiy diskurs [Contemporary Russia and Orientalist Discourse]*. *Rossiya: gosudarstvo i obshchestvo v novoy real'nosti. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Instituta gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF (RANKhiGS). Tom 3 [Russia: State and Society in a New Reality. Collection of Articles of an International Scientific and Practical Conference, the Institute of Public Administration and Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Vol. 3]*. Moscow, Publishing house "Prospect", 2016. Pp. 298–299. (In Russian)

*

РАЗВИТИЕ ВОЕННЫХ МУЗЕЕВ СССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е ГОДЫ)

УДК 069.02:355/359

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10603

А. В. Барков

Московский государственный институт культуры

В статье подробно рассматривается эволюция военно-исторических музеев в межвоенный период. Особое внимание уделяется преемственности в развитии данных учреждений культуры по сравнению с имперским периодом, увеличению их количества, а также стремлению советского государства придать системность увековечению военно-исторического прошлого. В 1920–1930-е годы активизировалось воспитание патриотизма граждан СССР, в том числе посредством военно-исторических музеев, что сыграло большую роль в годы Великой Отечественной войны. Хотя в экспозициях присутствовала критика царской армии, однако это не отменяло уважительного отношения к героям и простому солдату, в то время как акцент на боевом духе и техническом оснащении в полной мере соответствовал целям и задачам оборонного строительства СССР.

Ключевые слова: политика памяти, военные музеи, Центральный музей Красной Армии, Артиллерийский исторический музей, пропаганда, русская эмиграция.

Aleksandr V. Barkov

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE DEVELOPMENT OF MILITARY MUSEUMS OF THE USSR IN THE INTERWAR PERIOD (1920–1930th)

The article discusses in detail the evolution of military-historical museums in the interwar period. Particular attention is paid to the continuity in the development of these cultural institutions compared to the imperial period, the increase in their number, as well as the desire of the Soviet state to give a systematic perpetuation of the military-historical past. In the 1920–1930th the upbringing of the patriotism of USSR citizens intensified, including through military history museums, which played a large role during the years of World War II. Although the expositions contained criticism of the tsarist army, this did not cancel the respect for heroes and ordinary soldiers, while the emphasis on fighting spirit and technical equipment was fully consistent with the goals and objectives of the defense construction of the USSR.

Keywords: politics of memory, military museums, Central Museum of the Red Army, Artillery Historical Museum, propaganda, Russian emigration.

БАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – соискатель кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, исполнительный директор Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество»

BARCOV ALEXANDER VIKTOROVICH – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, executive director of the All-Russian public-state organization “Russian military historical society”

e-mail: 2260593@bk.ru
© Барков А. В., 2019

Для цитирования: Барков А. В. Развитие военных музеев СССР в межвоенный период (1920–1930-е годы) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 25–35. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10603

История военно-исторических музеев России ведёт начало с XVIII века, когда появились специальные места для хранения военных трофеев. В XIX веке эти собрания-арсеналы стали превращаться в публичные пространства, призванные помогать воспитанию чувства патриотизма у широких слоёв населения. Развитие музейной сети всегда теснейшим образом было связано с процессами социально-политической модернизации российского общества и формированием исторического сознания. В этом плане Россия шла тем же путём, что и другие страны Европы. В основном военно-исторические музеи, созданные как по инициативе государства, так и частных лиц, были отраслевыми и имели относительно узкую специализацию, связанную либо с родами войск (Артиллерийский музей, Морской музей, Инженерный музей, полковые музеи), либо с конкретной войной (Севастопольский мемориальный музей, изба Кутузова в Филях, музей Геок-Тепе), либо с географическим регионом (Кавказский военно-исторический музей). Всего к 1917 году насчитывалось 15 военно-исторических и 280 полковых музеев.

Только в начале XX века был поставлен вопрос о создании Русского военно-исторического музея, который вобрал бы всю военную историю Отечества. Несмотря на долгие обсуждения, недостаток финансирования заставил отказаться от данного проекта, а дальнейшая Первая мировая война, Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война не только поставили на нём крест, но и внесли серьёзные коррективы в развитие военно-исторических музеев нашей страны в целом. Было ли это разрывом

традиции или её обновлением под влиянием одной из наиболее крупных и радикальных революций в мировой истории – именно в ответе на этот вопрос мы видим актуальность данной статьи. Соответственно, и цель исследования заключается в том, чтобы на примере трансформации системы военно-исторических музеев Советской России (СССР) в межвоенный период определить основные направления её развития и степень преемственности / новаций по сравнению с дореволюционным периодом.

Несомненно, влияние собственно Октябрьской революции 1917 года и последовавшей Гражданской войны на судьбу военно-исторических музеев было преимущественно негативным. Так, уже осенью 1917 года, ввиду возможного приближения противника к Петрограду, Артиллерийский музей перевёз часть фондов в Ярославль, Интендантский музей – в Москву. Печальной оказалась судьба Кавказского военно-исторического музея, созданного усилиями талантливого военного историка В. А. Потто. В 1915–1916 годах этот музей из-за событий на Кавказском фронте был эвакуирован в различные города Северного Кавказа. После 1917 года коллекция была распределена по музеям региона, а часть вернулась в Грузию и вошла в запасные фонды таких музеев, как Государственный исторический музей Грузии и Государственный музей искусств Грузии [6].

Похожая судьба ожидала и музей Великой войны (в Ратной палате под Петроградом), который не только сконцентрировал итоги работы Трофейной комиссии за 1911–1917 годы, но и сотни военных трофеев Первой мировой войны. Сразу после Ок-

тябрьской революции он был частично разграблен вооружёнными матросами, в начале 1918 года подчинён Всероссийскому главному штабу, а затем оказался на содержании военного комиссариата по военным делам Петроградской коммуны. Музей переименовали в Народный военно-исторический музей, однако в дальнейшем он продолжал существовать исключительно в виде малочисленной группы административного аппарата, занимающейся обеспечением сохранности фондов [14, д. 81, л. 2; д. 200, л. 304]. Позднее последние были переданы в Артиллерийский музей. Героическая память о Первой мировой войне не была интересна советским властям, а усилия оказались направлены на изучение её опыта, для чего при Реввоенсовете появилась военно-историческая комиссия, выпустившая ряд действительно серьёзных военно-стратегических исследований [20; 21].

Многие музейные ценности русской армии были вывезены белоэмигрантами за рубеж. Наиболее крупные коллекции оказались:

- в Югославии (в Белграде находились реликвии Кубанского казачьего войска, переданные в 1938 году в Военный музей Югославии; в 1928 году был открыт Музей русской конницы, переехавший в Русский дом в Белграде, созданный в 1933 году при поддержке короля Александра I; в 1925 году в г. Белая Церковь появился Музей Первого кадетского корпуса);

- в Чехословакии (предметы из Донского музея временно хранились в Национальном музее в Праге);

- во Франции (в 1929 году в г. Аньере был открыт Музей лейб-гвардии Казачьего полка, затем он переместился в Париж; в начале 1930-х годов был основан Музей лейб-гвардии Атаманского полка; в 1920–1930-е годы в г. Ментоне существовал Му-

зей Александрийского гусарского полка, а в Париже – Музей Союза конногвардейцев и Русский военно-морской музей).

Помимо этого, благодаря русским эмигрантам Музей армии в Париже и Королевский Военный музей в Брюсселе создали отдельные экспозиции или отделы, посвящённые русской военной истории [10]. В качестве самостоятельного явления можно выделить церкви, обладавшие военно-историческими реликвиями. В частности, в церкви Св. Троицы в Белграде, где упокоился генерал П. Н. Врангель, имелась значительная коллекция знамён, штандартов, орденов и медалей русской армии. В 1924 году в Сан-Франциско (США) было основано Общество ветеранов Великой войны, которое занималось и сбором различного рода предметов по военной истории. Уже в 1944 году стала формироваться музейная коллекция, которая в 1955-м усилиями Б. А. Долгово-Сабурова превратилась в самостоятельный музей. В 1957 году в Нью-Йорке был основан Кубанский войсковой музей, который в 1977 году переехал в здание бывшего буддистского монастыря в г. Хоуэлл [11; 12].

Но всё же значительная часть фондов военно-исторических музеев осталась в Советской России. После Октябрьской революции новые власти сразу же обеспокоились постановкой охраны памятников истории на системную основу. Поскольку это требование исходило от В. И. Ленина [8, с. 7], то в мае 1918 года при Наркомате просвещения, который возглавлял А. В. Луначарский, появился отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Вскоре ему на смену пришёл Главный комитет по делам музеев (Главмузей), который централизовал управление этой сферой. Изначально военно-исторические музеи не выделялись в отдельную категорию, но вопрос об их будущем остро ставился научной общественно-

стью. Показательной является Первая всероссийская конференция по делам музеев, проведённая в начале 1919 года в Москве. Она делилась на две секции, естественно-историческую и художественно-гуманитарную, и в рамках первой прозвучали два доклада, затронувших рассматриваемую нами проблематику и призвавших к формированию единого военно-исторического музея. Тогда эти идеи не получили развития.

Отметим, что деятельность далеко не всех прежних музеев была прекращена. Так, например, 24 февраля 1918 года после перерыва открыл свои двери Морской музей, в котором скоро появился отдел истории Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Официально он стал называться Центральным морской музей Советской Республики [24, с. 27–28].

Одновременно с этим работа по музейфикации велась в структуре самой Красной Армии, причём она была вписана в контекст целей и задач агитационно-просветительской направленности. Так, в октябре 1918 года был создан агитационно-просветительский отдел в составе Всероссийского бюро военных комиссаров, а его частью оказалась музейная секция. В первой половине 1919 года это бюро упразднили, а функции передали политическому управлению РСФСР (с 1924 года – РККА). В январе 1920 года в штате просветительного отдела политического управления РСФСР была снова образована музейная секция [7, с. 25–26]. Конечно, нельзя преувеличивать значимость этих административных мер: в конечном счёте все основные силы оказались сосредоточены на политическом просвещении, агитации, организации передвижных выставок, концертов и пр. Однако сам факт организационно-штатных изменений указывает на понимание значимости военного музея как инструмента пропаганды и боевого вос-

питания. В условиях Гражданской войны, боёв против интервентов и польской армии, тяжёлого положения внутри страны речи о какой-либо серьёзной работе по музейфикации быть не могло.

Только после перелома в Гражданской войне (рубеж 1919–1920-х годов) удалось вплотную подойти к решению вопроса о военно-исторических музеях. Ключевая проблема заключалась в определении принадлежности прежде всего тех учреждений, чьи фонды были сформированы в дореволюционное время. В 1920 году при управделами РСФСР был образован научно-технический комитет по делам музеев. Однако 30 октября 1921 года вышел совместный приказ РСФСР и Наркомпроса за № 2456, согласно которому при Главмузее (с декабря этого же года его полномочия передали Главнауке) были образованы Петроградская и Московская секции военно-исторических музеев [7, с. 21]. Таким образом, Наркомпрос стал ответственным ведомством, обеспечивающим сохранность военно-исторического наследия, однако финансирование осуществлялось за счёт Народного комиссариата по военным делам. Несмотря на попытки последнего вернуть военные музеи, ситуация двойного подчинения сохранялась вплоть до 1931 года [7, с. 36–37]. Всего в подчинении Главнауки в 1922 году оказались 18 музеев, из них 14 остались в наследство с имперского периода, а 4 были созданы уже советской властью: Центральный музей РККА; Музей Красной Армии в Петрограде; Военно-химический музей и Автомобильный музей [18, с. 184].

Централизация управления музеев позволила перезапустить их работу или даже открыть новые. Так, в 1922 году появилось положение о музее Красной Армии и Красного Флота в Москве, который стал центральным учреждением военно-историче-

ских музеев Советской России (с 1924 года – Центральный музей РККА). Любопытно, что он вырос из выставки «Жизнь красных армии и флота», открытой в 1921 году. Ключевые организационные принципы строились на том, чтобы одновременно отразить и политическую сознательность Красной Армии (по сравнению с армией царского периода), и её техническое превосходство [22, л. 121]. В 1928 году музей был подчинён Центральному дому Красной Армии, что привело к усилению просветительской деятельности и активизации работы с ветеранами Гражданской войны.

Одновременно обновлялись положения и «старых музеев». Одни продолжали оставаться узкоспециализированными учреждениями, выполняющими образовательные задачи. Так, в 1922 году вышло Положение о военно-учебном музее при главном управлении военно-учебных заведений. Его задача заключалась в «ознакомлении курсантов командных курсов РККА с условиями современной войны и подробностями революции, являясь вспомогательным учебно-педагогическим учреждением при прохождении курсантами учебного курса артиллерии, фортификации, тактики, гигиены, топографии, администрации, истории и географии» [17, л. 50].

Другие музеи, наоборот, ориентировались на широкую публику. Среди таковых стоит выделить крупнейший Артиллерийский исторический музей. В сентябре-октябре 1917 года ввиду угрозы наступления германцев на Петроград значительная часть его фондов на трёх баржах была перевезена в Ярославль, в начале апреля 1918 года сюда эвакуировали вторую партию имущества, включая предметы из уже бывших полковых музеев. Во время Ярославского восстания в июле 1918 года 55 ящиков с оружием и старинными знамёнами (от эпохи стре-

лецких полков до трофеев Первой мировой войны) полностью сгорели [13, с. 9]. Другие экспонаты хранились в ужасных условиях, в том числе и под открытым небом [2, с. 7]. Реевакуация в Петроград растянулась на 6 лет (1919–1925) из-за отсутствия финансирования и небольшого числа сотрудников. Только в феврале 1925 года для посетителей открылась первая выставка, однако сортировка и инвентаризация имущества, приведение здания музея в порядок потребовали ещё несколько лет. Эти работы завершили к осени 1927 года, то есть к 10-летию Октябрьской революции. В основу обновлённой экспозиции был положен не исторический, а технический подход: «Ныне Артмузей ставит себе задачей отразить в музейных памятниках не столько общий исторический ход вооружения, как, главным образом, ход развития артиллерийской техники, в продуктах производства коей часто отражаются ценные идеи русского рабочего и техника, предугадывающего нередко за много лет достижения в этой области Запада» [2, с. 8]. Бывший начальник музея М. Пещанский писал наиболее прямо о деполитизации экспозиции: «Коллекции Артмузея, сгруппированные в уклоне техники, потеряли своё лицо, как средства империалистических войн, а стали всем ясны и понятны, как образцы ряда технических достижений, имеющих своим основанием науку» [13, с. 24].

Параллельно появилась идея воссоздания аналогов полковых музеев, правда, уже Красной Армии. Стоит отметить, что носителями узко понимаемой «интернационалистской» идеологии в действительности был относительно малый круг советских интеллектуалов и партийной элиты. В то же время в недрах Красной Армии оставался глубоко укоренённый государственный патриотизм, который лишь обновил внешний облик. Так, уже в 1923 году учёный се-

кретарь Центрального музея РККА тов. Фокин на заседании военно-исторической комиссии при штабе РККА под председательством В. А. Антонова-Овсеенко выступил с идеей создания дивизионных музеев. Среди задач на первое место он поставил увековечение её героев и поддержание боевого духа и только далее обозначил воспитание на «революционных традициях» и распространение «элементарных военно-исторических знаний среди красноармейцев» [19, л. 27]. В подготовленном проекте циркуляра тов. Фокин следующим образом оценивал политико-воспитательное значение музеев: «Исполнившиеся пять лет существования Красных Армии и Флота богаты событиями – они заключают период создания войсковых единиц из разложившихся частей старой армии и партизанских рабочих дружин, эпоху славных боевых кампаний и пору мирного строительства с подведением итогов прошлого и предвидением будущего» [19, л. 29]. Создание этих музеев он видел как ответ на «запрос снизу», когда на местах «командиры и политработники некоторых частей занялись собиранием материалов по их истории и даже изданием таких историй дивизий» [19, л. 29]. Высказанные предложения были приняты. Первый подобный музей был открыт при 51-й Перекопской дивизии в Одессе [7, с. 27].

Любопытно, что в середине 1920-х годов была осуществлена попытка вернуться к созданию единого военно-исторического музея. Однако если в императорское время речь шла об основании нового учреждения, то теперь, следуя соответствующей записке директора Центрального музея РККА Муцелевича, – о некоей суперструктуре, которая позволила бы вывести все музеи из подчинения Наркомпроса и передать их единому управлению, которое сосредоточило бы и музейные, и научно-исследо-

вательские функции. Причём идеологическое обоснование отталкивалось от противопоставления дореволюционной и новой социалистической армий: «Быт царской армии, идеология её защитников, воспитание и обучение воинов – являются резким контрастом с бытом, учёбой, идеологией новой армии. Этот контраст может быть изучен только на памятниках былого, на тех военно-музейных богатствах Республики, которые между прочим мало знакомы гражданам Союза» [22, л. 124]. Хотя в начале 1928 года на совещании представителей РККА и Наркомпроса это предложение в общих чертах было одобрено, воплотить в реальность его не удалось, в том числе и из-за негативного отношения музейной общественности [7, с. 61–63]. Учитывая, что речь шла лишь о формальном объединении разрозненных музеев Москвы и Ленинграда, вряд ли в реальности реализация концепции привела бы к созданию действительно нового и внутренне единого учреждения.

Следующий этап в развитии военно-исторических музеев СССР пришёлся на 1930–1931 годы. Он был связан с упорядочиванием военно-исторической музейной сети. В частности, были обозначены три головных музея: Центральный музей Красной Армии, Центральный военно-морской музей и Артиллерийский исторический музей. Была предпринята попытка создать музей быта Красной Армии, однако к 1937 году он её отказались. В конце 1930 года состоялся Первый музейный съезд, решения которого были закреплены в ряде приказов РВС СССР. В частности, 13 февраля 1931 года приказом РВС СССР было утверждено общее Положение о руководстве музеями. Ключевую роль стало играть Политическое управление РККА, однако научно-методическая деятельность была подчинена сектору науки Наркомпроса. Управление се-

тью военных музеев осуществлял агитационно-пропагандистский отдел, кроме того, вводилась должность инспектора музеев РККА с широкими надзорными полномочиями. В это же время было принято новое Положение о дивизионных музеях, которые организационно подчинялись политическим отделам дивизии. Данные документы действовали вплоть до 1950 года.

Реорганизация музейной системы была теснейшим образом связана с готовящимся 15-летним юбилеем РККА. Так, уже в начале 1931 года по линии Центрального музея РККА началась интенсификация работы землячеств – организаций ветеранов Гражданской войны из различных регионов. В соответствии с принятой инструкцией их задача заключалась в сборе, систематизации и обобщении информации о Гражданской войне по определённым темам, популяризация истории, участия в различных мероприятиях. В регионах при Домах РККА появились специальные бюро из 3–7 человек при 2-х кандидатах, которые были ответственны за работу местного землячества [15, л. 31–32]. Конечно, музейная деятельность была одним из ключевых направлений работы Центрального дома РККА и подчинённого ему музею. Только в сентябре 1932 года экспозицию посетили 10 703 человека, самостоятельные посетители составили 56,4%, экскурсанты – 43,6%. Средняя дневная посещаемость определялась в 357 человек, процент военнослужащих – 51,2% [16, л. 6].

Стоит отметить, что, несмотря на централизацию и принимаемые меры, не везде ситуация развивалась гладко. В частности, 1930-е годы оказались тяжёлым периодом для Артиллерийского исторического музея, так как его руководство, придерживаясь взглядов М. П. Покровского, планировало превратить его в музей военно-технического быта, а более 38 тыс. экспонатов

передало другим музеям. Только в 1935 году со сменой руководства этот процесс удалось прекратить [3, с. 217–218].

На протяжении всего рассматриваемого периода сеть музеев продолжала расти, в частности, появились: Музей новых вузов Ленинградского ВО (1925), Военно-санитарный музей РККА (1925), Военно-хозяйственный музей (1927), Музей пограничных войск (1932), Музей боевых машин (1938). Уже в 1942 году, то есть в годы войны, ряд музейных учреждений были объединены в Музей военно-медицинской службы РККА.

Одновременно по всей стране шёл бурный процесс создания местных исторических, краеведческих и художественных музеев. Некоторые из них были и военно-исторической направленности, причём инициаторами обычно выступали местные жители. Так, одним из первых в 1928 году на ст. Волочаевка 1 Хабаровского края открылся мемориальный музей, посвящённый Волочаевскому бою 1922 года. Целая серия региональных музеев открылась в 1939 году, когда отмечалось 20-летие многих успешных для Красной Армии операций Гражданской войны. В Пугачёве Саратовской области появился мемориальный дом В. И. Чапаева, в станице Будённовская Ростовской области – Мемориальный дом-музей С. М. Будённого. В 1940 году в с. Красный Яр Башкирской АССР был создан музей М. В. Фрунзе и В. И. Чапаева, позднее переименованный в Дом-музей 25-й Чапаевской дивизии (здесь в 1919 году размещался её штаб). Одновременно в г. Шуе Ивановской области открылась выставка, посвящённая М. В. Фрунзе, которая в 1944 году была преобразована в его мемориальный музей [4, с. 65]. Здесь же можно упомянуть и Мемориальный музей Первой конной армии (с. Велико-Михайловка Белгородской области), открывшийся в 1939 году как музей имени И. В. Сталина.

В 1937 году была увековечена роль И. В. Сталина как одного из руководителей обороны Царицына в годы Гражданской войны: в Сталинграде появился соответствующий музей, который неоднократно менял название и в 1961 году стал Волгоградским государственным музеем обороны [4, с. 152]. Благодаря общественности Малоярославца вспомнили и о событиях Отечественной войны 1812 года: здесь появился военно-исторический музей, посвящённый этому периоду нашей истории. В 1946 году он получил государственный статус.

Говоря о развитии сети военно-исторических музеев, нельзя не упомянуть о том, что параллельно некоторые были ликвидированы. Так, в документах первой половины 1920-х годов ещё упоминается бывший музей Великой войны, однако в середине этого же десятилетия его окончательно раскрасировали, а фонды передали в Артиллерийский исторический музей. Точно так же в середине 1920-х годов были ликвидированы Военно-учебный и Интендантский музеи. Сложной оказалась судьба Суворовского музея: в 1918 году его эвакуировали из Петрограда, часть имущества потеряли во время Гражданской войны. В 1923 году музей был восстановлен, однако спустя два года закрыт, а фонды перевезены в Петропавловскую крепость. Их планировалось использовать в рамках обсуждаемого тогда единого Военно-исторического музея, однако, как известно, от этой идеи отказались через несколько лет. Только в 1937 году суворовские фонды были переданы в Артиллерийский музей, где в 1940 году был открыт Суворовский зал [1, с. 7–8]. Трансформации подвергся и Севастопольский музей обороны: в его экспозиции появились общие разделы по истории флота и революционного движения, и уже в 1940 году его переименовали в Музей Черноморского флота [9, с. 4].

Как мы видим, речь идёт о двух разнонаправленных процессах: с одной стороны, происходило укрупнение музеев за счёт некоторых дореволюционных учреждений, а с другой – формирование тех музейных институций, которые в большей степени были связаны с нуждами обновляемой Красной Армии. Отметим, что среди ликвидированных музеев были и те, которые пытались образовать в начале 1920-х годов, однако вскоре по разным причинам отказались от них (Музей Красной Армии в Ленинграде, Автомобильный музей и Аэромузей).

Стоит отдельно заметить, что отдельные экспозиции, связанные с военной историей, существовали и в других исторических и историко-краеведческих музеях.

В этот же период намечается и другая тенденция, а именно – их непосредственное вовлечение в образовательный процесс, когда усвоение отдельных тем должно было происходить непосредственно через обращение к музейному наглядному материалу. Например, Московский городской отдел народного образования разработал план учебно-программных экскурсий по музеям Москвы, нацеленный на подготовку школьников к весенним экзаменам 1939–1940 учебного года. Исторические экскурсии предполагалось проводить в Историческом музее, Музее революции, Музее изобразительных искусств, Третьяковской галерее, Музее народов СССР, Музее нового западного искусства, Музее Ленина и Музее Красной Армии. Военно-исторические события в предложенном учителям плане ограничивались двумя тематическими блоками «Героизм русского народа в кампании 1812 года» (для школьников 8-х классов на базе Исторического музея) и «Гражданская война в СССР», включая разгром войск Колчака, Деникина и Врангеля (на базе Музея Красной Армии для 10-го класса) [23].

Как отмечала О. Т. Козлова, обобщая опыт проведения экскурсий для школьников 8-х классов в Историческом музее, обращение к подлинным экспонатом позволяло добиться эмоционального отклика у учащегося. Причём особый интерес вызывали не подлинные гравюры и картины, а красочный вещевой материал («большой мраморный бюст Наполеона, трофеи русской армии – мундиры наполеоновских генералов, знамёна, походная кровать и кухня самого Наполеона»), что заставляло её начинать экскурсию с конца экспозиции [5, с.19].

Таким образом, события революции и Гражданской войны противоречиво сказались на военно-исторических музеях. С одной стороны, некоторые коллекции были расформированы, вывезены за рубеж или погибли, с другой – уже в первые месяцы советской власти началась систематическая работа по сохранению военно-исторического наследия и поиска путей, которые позволили памятникам истории быть не просто немymi свидетелями прошлого, но и играть активную роль в укреплении боеспособности советского государства. Вплоть до начала 1930-х годов существовала достаточно запутанная система двойного подчинения военно-исторических музеев – Наркомпрому и военному ведомству, которая, однако, позволяла на практике учитывать позицию не только военных, но и гражданских специалистов. Ввиду объективных условий време-

ни, включая Гражданскую войну и резкий спад экономики, лишь примерно с середины 1920-х годов удалось действительно начать систематическую работу по развитию военно-исторической музейной сети, которая заключалась как в укрупнении музеев, созданных ещё в императорской России, так и в развитии сети музейных учреждений, которые бы напрямую увековечивали воинскую славу Красной Армии, формируя её боевые традиции.

Несмотря на провозглашаемые ценности революции и интернационализма, военно-исторический музей сохранил и даже расширил свои функции в качестве политико-просветительского и патриотического учреждения, призванного воспитывать боевой дух красноармейцев, приобщать их к основам военных знаний и формировать чувство патриотизма у граждан. Расширение сети музеев, их централизация сыграли ключевую роль в сохранении военно-исторического наследия России. Не будет преувеличением сказать, что в 1920–1930-е годы военные музеи сыграли значительную роль в утверждении основ советского патриотизма, восприятие которого широкими общественными слоями имело большое значение в годы Великой Отечественной войны. Конечно, в экспозициях присутствовала весьма серьёзная критика царской армии, однако это не отменяло уважительного отношения к её героям и простому солдату.

Примечания

1. Воробьёв Т. И. Краткий путеводитель по суворовскому залу. Ленинград : Артиллерийский исторический музей Красной Армии, 1941. 42 с.
2. Давыдов А. В., Генделевич А. И., Воронец Ю. В. Артиллерийский исторический музей. Краткий указатель коллекции. Ленинград : Издание Артиллерийского исторического музея, 1927. 192 с.
3. Ермошин И. Артиллерийский исторический музей. К 40-й годовщине ВС СССР (исторический очерк) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. II. Ленинград, 1958. С. 209–240.
4. Исторические и краеведческие музеи СССР : Каталог / Центральный музей революции СССР ; [составители Л. Н. Годунова и др.]. Москва : Б. и., 1988. 540 с.

5. Козлова О. Т. Школьные экскурсии в музей по исторической экспозиции : методическое пособие для учителей и музейных работников / Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. Москва : [б. и.], 1940. 32 с.
6. Колосовская Т. А. Из опыта сохранения исторической памяти военного прошлого (по материалам Кавказского военно-исторического музея) // История и историческая память. 2014. № 10. С. 41–51.
7. Кузнецов А. М. Военные музеи и их роль в культурно-просветительной работе с военнослужащими (1918–1991) : монография. Москва : Изд-во Московского государственного университета леса, 2008. 210 с.
8. Ленин о культуре и искусстве // Воспоминания о Ленине. Москва, 1959. С. 5–9.
9. Макаров И. К., Парамонова Г. В., Зарубин С. Ф. Музей Краснознаменного Черноморского флота : Путеводитель. 2-е издание, дополненное. Симферополь : Таврия, 1977. 80 с.
10. Муромцева Л. П. Военные музеи и музейные коллекции российской эмиграции // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 50–63.
11. Муромцева Л. П. Сохранение историко-культурной идентичности русского казачества в эмиграции // Отечественная история. 2008. № 3. С. 77–86.
12. Муромцева Л. П. Типология российских эмигрантских музеев // Вопросы музеологии. 2013. № 1. С. 49–59.
13. Пещанский М. А. Артиллерийский исторический музей. Краткий исторический очерк с 1917 по 1927 гг. Ленинград : Издание Артиллерийского исторического музея, 1927. 24 с.
14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 81 ; Д. 200.
15. Российский государственный военный архив. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 12.
16. Российский государственный военный архив. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 23.
17. Российский государственный военный архив. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 73.
18. Российский государственный военный архив. Ф. 7. Оп. 3. Д. 85.
19. Российский государственный военный архив. Ф. 7. Оп. 5. Д. 129.
20. Российский государственный военный архив. Ф. 7. Оп. 5. Д. 131.
21. Российский государственный военный архив. Ф. 7. Оп. 5. Д. 134.
22. Российский государственный военный архив. Ф. 7. Оп. 5. Д. 159.
23. Тематика учебно-программных экскурсий по музеям г. Москвы к весенним испытаниям на 1939–1940 учебный год. Москва : Московский городской отдел народного образования, 1939. 8 с.
24. Центральный военно-морской музей. Краткий путеводитель. Москва : Воениздат, 1959. 189 с.

References

1. Vorobyev T. I. *Kratkiy putevoditel' po suvorovskomu zalu [Short guide to the Suvorov Hall]*. Leningrad, Published by Artillery Historical Museum of the Red Army, 1941. 42 p. (In Russian)
2. Davydov A. V., Gendelevich A. I., Voronets Yu. V. *Artilleriyskiy istoricheskiy muzey. Kratkiy ukazatel' kollektzii [Artillery Historical Museum. Collection index]*. Leningrad, Published by Artillery Historical Museum, 1927. 192 p. (In Russian)
3. Ermoshin I. *Artilleriyskiy istoricheskiy muzey. K 40-y godovshchine VS SSSR (istoricheskiy ocherk) [Artillery Museum of History. On the 40th anniversary of the USSR Armed Forces (historical outline). Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriyskogo istoricheskogo muzeya. Vypusk 2 [Collection of studies and materials of the Artillery Historical Museum. Issue 2]*. Leningrad, 1958. Pp. 209–240. (In Russian)
4. *Istoricheskie i kraevedcheskie muzei SSSR: Katalog [Historical and Local History Museums of the USSR: Catalog]*. Moscow, 1988. 540 p. (In Russian)
5. Kozlova O. T. *Shkol'nye ekskursii v muzey po istoricheskoy ekspozitsii [School excursions to the museum on the historical exposition]*. Moscow, 1940. 32 p. (In Russian)
6. Kolosovskaya T. A. *Iz opyta sokhraneniya istoricheskoy pamyati voennogo proshlogo (po materialam Kavkazskogo voenno-istoricheskogo muzeya) [From the experience of preserving the historical memory of the military past (based on the materials of the Caucasus Military History Museum)]*. *Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]*. 2014, no. 10, pp. 41–51. (In Russian)

7. Kuznetsov A. M. *Voennye muzei i ikh rol' v kul'turno-prosvetitel'noy rabote s voennosluzhashchimi (1918–1991) [Military museums and their role in the cultural and educational work with military personnel (1918–1991)]*. Moscow, Publishing house of Moscow State Forest University, 2088. 210 p. (In Russian)
8. Lenin o kul'ture i iskusstve [Lenin on culture and art]. *Vospominaniya o Lenine [Memoirs of Lenin]*. Moscow, 1959. Pp. 5–9. (In Russian)
9. Makarov I. K., Paramonova G. V., Zarubin S. F. *Muзей Krasnoznamennogo Chernomorskogo flota: Putevoditel' [Museum of the Red Banner Black Sea Fleet: A Guide]*. 2nd edition. Simferopol, Publishing house “Tavriya”, 1977. 80 p. (In Russian)
10. Muromtseva L. P. Voennye muzei i muzeynye kollektzii rossiyskoy emigratsii [Military museums and museum collections of the Russian emigration]. *The Problems of Museology*. 2014, pp 2, pp. 50–63. (In Russian)
11. Muromtseva L. P. Sokhranenie istoriko-kul'turnoy identichnosti russkogo kazachestva v emigratsii [Preservation of the historical and cultural identity of the Russian Cossacks in exile]. *Otechestvennaya istoriya [National history]*. 2008, no. 3, pp. 77–86. (In Russian)
12. Muromtseva L. P. Tipologiya rossiyskikh emigrantskikh muzeev [Typology of Russian Emigrant Museums]. *The Problems of Museology*. 2013, no. 1, pp. 49–59. (In Russian)
13. Peshchansky M. A. *Artilleriyskiy istoricheskiy muzey. Kratkiy istoricheskiy ocherk s 1917 po 1927 gg. [Artillery Museum of History. A brief historical outline from 1917 to 1927]*. Leningrad, Published by the Artillery Museum of History, 1927. 24 p. (In Russian)
14. Russian State Military Historical Archive. Fond 16180, inventory 1, document 81; 200. (In Russian, unpublished)
15. Russian State Military Archive. Fond 28361, inventory 1, document 12. (In Russian, unpublished)
16. Russian State Military Archive. Fond 28361, inventory 1, document 23. (In Russian, unpublished)
17. Russian State Military Archive. Fond 28361, inventory 1, document 73. (In Russian, unpublished)
18. Russian State Military Archive. Fond 7, inventory 3, document 85. (In Russian, unpublished)
19. Russian State Military Archive. Fond 7, inventory 5, document 129. (In Russian, unpublished)
20. Russian State Military Archive. Fond 7, inventory 5, document 131. (In Russian, unpublished)
21. Russian State Military Archive. Fond 7, inventory 5, document 134. (In Russian, unpublished)
22. Russian State Military Archive. Fond 7, inventory 5, document 159. (In Russian, unpublished)
23. *Tematika uchebno-programmnykh ekskursiy po muzeyam g. Moskvy k vesennim ispytaniyam na 1939–1940 uchebnyy god [Subjects of educational program tours of museums in Moscow for the spring trials for the 1939–1940 academic year]*. Moscow, 1939. 8 p. (In Russian)
24. *Tsentral'nyy voenno-morskoy muzey. Kratkiy putevoditel' [Central Naval Museum. A short guide]*. Moscow, Military Publishing, 1959. 189 p. (In Russian)

*

СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННЫЙ ТУРИЗМ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ И СОХРАНЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 304.4

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10604

В. С. Малеев

Московский государственный институт культуры

В статье рассмотрены возможности сохранения и возрождения нематериального культурного наследия малых городов России при участии социально ответственного туризма. Раскрыты особенности туризма в малых городах, когда отсутствие исторических памятников ведёт к переносу акцента на программы с подключением гостей к традициям местного сообщества, включая гастрономическую культуру. Задача организаторов таких программ – формирование собственного «лица» города на основе его нематериального культурного наследия, которое станет узнаваемым брендом местности. На примере города Мышкина Ярославской области показано, как в малых городах России идёт поиск новых музейно-театральных форм, реализующих местные культурные особенности, вплоть до общегородской легенды. Таким образом, местные сообщества, культивируя свои традиции, помогают турбизнесу избавиться от шаблонной развлекательности в пользу воспитания гражданственности и формирования национального самосознания.

Ключевые слова: социально ответственный туризм, нематериальное культурное наследие, малые города России, музейно-театральные формы, гастрономическая культура.

Vitaliy S. Maleev

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406 Khimki city, Moscow region, Russian Federation

SOCIALLY RESPONSIBLE TOURISM IN SMALL CITIES OF RUSSIA AND PRESERVATION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

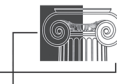
The article considers the possibilities of preserving and reviving the intangible cultural heritage of small cities of Russia with the participation of socially responsible tourism. Revealing the features of tourism in small cities, when there are no historical monuments, leads to the transfer of programs to visit the traditions of local communities, including gastronomic culture. The task of the organizers of such programs is to create their own “face” of the city on the basis of its intangible cultural heritage, which will become a recognizable brand of the area. The example of Myshkin in the Yaroslavl region shows

МАЛЕЕВ ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MALEEV VITALIY SERGEYEVICH – doctoral student of the Department of Cultural Studies, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: maleev.vital@gmail.com

© Малеев В. С., 2019

the search for new museum and theater forms that provide local cultural features, up to the city legend. Thus, the local communities, creating their own traditions, help the travel industry deal with issues of citizenship education and the formation of national identity.

Keywords: socially responsible tourism, intangible cultural heritage, small cities of Russia, museum and theater forms, gastronomic culture.

Для цитирования: Малеев В. С. Социально ответственный туризм в малых городах России и сохранение нематериального культурного наследия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 36–44. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10604

В последние десятилетия вопрос сохранения нематериального культурного наследия регулярно поднимается на государственных и международных уровнях. Актуальность данной проблемы отражена в формировании целого ряда документов, направленных на планомерное решение этого вопроса [3; 7; 8]. Разработка концепций по сохранению нематериального наследия – одно из приоритетных направлений культурной политики стран с большим культурным и этническим многообразием. «Внимание к этой сфере обусловлено тенденциями унификации мира под влиянием глобализационных процессов и перехода к информационному обществу, отрицательно влияющих на процессы формирования и поддержания национально-культурной идентичности» [6, с. 59].

В России особую ценность представляют живые нематериальные культурные формы, сохранившиеся на местах. Но их сохранение – это не только общегосударственная проблема, которая должна решаться на федеральном и местном уровнях. Инициатива в данном случае должна идти как сверху, так и снизу, от самих заинтересованных граждан. В решении этой проблемы также участвует социально ответственный бизнес, который на уровне туризма уже стал включаться в возрождение малых городов России.

XXI век, при всей его противоречивости, знаменуется развитием социальной ответственности в разных сферах деятельно-

сти человека. В частности, бизнес берёт на себя ответственность за некоторые социальные направления, прежде всего вопросы здравоохранения и экологии, а также развития культуры. «Бизнес вынужден принять на себя значительную часть этих затрат, поскольку его собственное развитие находится в прямой зависимости от качества и инновационных возможностей человеческого капитала» [12, с. 108]. В такой ситуации к мотивации бизнес-сообщества подключаются, помимо корпоративных и личных, общественные интересы и ценности. Задачи развития страны, региона, города, местных сообществ становятся значимыми наравне с получением прибыли. Так в поведении бизнеса проявляет себя общемировая тенденция развития социального государства. Те же закономерности прослеживаются в развитии туристического бизнеса и туристической индустрии в целом.

Социально ответственный туризм: общий характер и направления

Подход к туристической сфере с точки зрения социально ответственного туризма предусматривает комплексное изменение ценностных ориентиров в строении и организации туристического бизнеса. Изменения затрагивают все части сложившейся туристической системы – от производителей услуг до их потребителей. Понятно, что социальная ответственность предполагает осознанное отношение производителе-

лей туристических услуг к своим задачам и целям. И, таким образом, перед нами уже не только услуги, а более сложная деятельность. «Реализация принципов “социально ответственного туризма” позволяет минимизировать экономические, экологические и социальные последствия туризма, повышает уровень благосостояния принимающих сообществ, вовлекает людей в принятие решений, влияющих на их жизнь и её возможности, вносит положительный вклад в сохранение разнообразия природного и культурного наследия, обеспечивает более глубокое понимание вопросов культуры, социальных и экологических аспектов, направлено на развитие взаимоуважения культур» [1, с. 20].

Актуальность данного направления подтверждается развитием международных организаций и движений. Международный центр ответственного туризма (РФ и СНГ) был создан в 2015 году с целью продвижения идей, принципов социальной ответственности и практик ответственного туризма в России и СНГ. Это объединение представителей власти, бизнеса, учёных и частных лиц, всего общества под эгидой ответственного туризма, реализующее междисциплинарный, межведомственный и комплексный, стратегический подход к туризму [9].

В больших городах, где сосредоточены памятники культуры и истории, туризм давно стал массовым явлением, что породило много проблем. Антитуристические протесты, прошедшие в европейских городах, где туристический бизнес «задушил» жизнь местного населения, доказывают необходимость принятия этих мер для снятия напряжения в сложившейся ситуации. «Сейчас многие специалисты туристской отрасли и сторонники развития подхода социально ответственного туризма рассматривают его как антипод “массовому туризму”» [1, с. 19].

Таким образом, введение социальной ответственности в туристическую отрасль в её традиционном понимании должно вести к сокращению негативных последствий для окружающей среды и местного сообщества.

Развитие ответственного туризма происходит путём создания событий, реализующих участие туристов в жизни места. Это может быть экологический туризм, организованный с целью предотвращения загрязнения и сохранения местной природы; фермерский туризм с вовлечением гостей в сельскохозяйственные работы; реставрационный туризм с участием гостей в процессе восстановления объектов наследия; туризм, связанный с благоустройством местности, высаживанием деревьев, цветников. Социально ориентированный туризм предполагает использовать туристические ресурсы «с целью подъёма и развития “бедных сообществ”» [10, с. 22], то есть подразумевает помощь местным социально незащищённым слоям населения. В результате турбизнес, в свою очередь, избавляется от чистой развлекательности, развиваясь в направлении воспитания гражданственности и национального самосознания.

В мегаполисах «альтернативный туризм способен предотвратить перенаселение популярных дестинаций, транспортную загруженность, чрезмерную нагрузку на ресурсы и их истощение» [10, с. 22]. В малых городах, наоборот, развитие социально ответственного туризма может привести к обнаружению скрытых ресурсов, а значит, росту населения, развитию ремёсел, сохранению материального и нематериального культурного наследия.

Развитие социально ответственного туризма в малых городах России

Малые города России в настоящий момент находятся в трудном положении. Мно-

гие из них не имеют производств и видят своё спасение как раз в создании и развитии туристических объектов. Актуальность развития туризма в малых городах подтверждает создание в 2007 году Ассоциации малых туристских городов России. Её цель – создание и продвижение конкурентоспособного туристского продукта, а также представление интересов малых туристских городов на уровне федеральной власти [2].

Но в момент создания туристической инфраструктуры в малом городе возникает сложность в нахождении средств, подборе профессиональных кадров и в поддержании постоянного туристического потока. Решением проблемы может стать включение местности в программу ответственного туризма. Ответственный туризм объединяет людей, которые хотят сделать личный вклад в развитие конкретного места для улучшения условий жизни местности. В этом плане он может стать основной частью стратегии развития любой территории. Туристы в таком случае, посещая подобные места, реализуют социальные задачи – реставрируют дома, оформляют цветники, возрождают традиции, поддерживают местных жителей. Ответственный туризм переводит туризм из потребительской практики в созидательную. Ключевым моментом является перенос вектора развития туристической индустрии с «работы на туриста» на активное включение туристов в жизнь местного сообщества. Функцию включения туристов в жизнь местного населения могут выполнить синтетические музейно-театральные формы культуры, в которых посетителям выделяется роль непосредственного участника.

Туризм в малых городах России играет особую роль в ситуации активного развития мегаполисов с нервно-эмоциональными перегрузками, нерациональным питанием и другими проблемами большого города.

Сегодня туристическая инфраструктура города такого типа позволяет устранить или ослабить воздействие на человека неблагоприятных факторов повседневной действительности мегаполиса, придать творческий импульс после трудового выгорания. Положительным эффектом оздоровления обладает сама провинциальная среда: спокойный уклад жизни и вместе с тем эмоциональный фон, создаваемый общением с местными жителями. Это всё обеспечивает переключение человека из городской повседневности в «иной мир». Пребывание за пределами мегаполиса позволяет горожанину переместиться в новую ландшафтно-климатическую среду.

Существует множество примеров развития туристической среды и так называемые туристские образцы. Каждая местность обладает собственным символическим капиталом: история, образы, бренды, легенды и мифы, на основе которых возможно создать объекты, привлекательные для туристов. Для местности, не имеющей глубокого исторического потенциала и крупного материального наследия, нематериальное культурное наследие становится возможностью обретения собственной идентичности. Традиции, обрядовые формы, особенности быта, знания, передаваемые от поколения к поколению в данной местности, зачастую являются более близкими и понятными простому туристу.

В области нематериального культурного наследия социально ответственный туризм может реализовывать программы с приобщением гостей к традициям местного сообщества. Эти программы способны повлиять на формирование собственного «лица» города на основе его нематериального культурного наследия, которое станет узнаваемым брендом местности. «Брендинг призван выявить то, что присуще только

данному месту или народу, отличает его как визитную карточку, как неповторимое лицо, несопоставимое с другими» [5, с. 89].

Составленная из подобных элементов культуры туристическая среда, наполненная глубокими смыслами, неповторимыми этническими, этическими особенностями, с уникальной историей, способна выдержать конкуренцию с общепризнанными туристическими брендами. Подобная среда напрямую связана с локальным сообществом и решает проблему идентификации, нахождения своего места в культуре края и страны. «Всё больше видна необходимость включения [в туристический бизнес] социального ресурса – местных жителей, которые формируют социальные контуры потребления туристического продукта, обеспечивают высокий уровень включённости туриста в местную культуру и события» [11, с. 6]. Все упомянутые факторы помогают формировать в малых городах «туризм с человеческим лицом», призванный решать социальные проблемы путём ответственного пользования культурными ресурсами. Наиболее актуальной формой нематериального культурного наследия, которую позволяет возродить и сохранить сегодня туризм, является местная гастрономическая культура.

Поиск новых музейно-театральных форм в турбизнесе (на примере города Мышкина)

Музейное дело существовало в городе Мышкине Ярославской области всегда, а с конца 1950-х годов группа небезразличных к судьбе города людей во главе с В. А. Гречухиным начала постепенное возрождение «городской легенды», что в итоге закончилось созданием масштабным, не по размеру города, Мышкинским народным музеем и восстановлением статуса города (в Мышкине живёт 6 тыс. человек). Но особый бум

начался с создания Музея Мыши и проведения в городе первого фестиваля Мыши в 1996 году. Музей Мыши начался с подарка московского журналиста И. Б. Медового, который в 1990-х годах подарил городу идею создания Музея Мыши и первые экспонаты. С тех пор музей стал музеем подарков от знаменитых и незнаменитых людей. До появления Интернета в Музей Мыши приходило огромное количество писем, рисунков и мышей-экспонатов по почте. И сегодня туристы продолжают дарить мышей, а взамен получают свидетельства дарителя и таким образом становятся *частью* города и приезжают «навещать» свои подарки.

Фестиваль Мыши стал событием и поводом для активного включения гостей города в жизнь Мышкина. Непосредственное участие в празднике, прямое общение с местными жителями, знакомство с традициями, особенностями быта – всё это и является секретом привлекательности города для туристов, когда они, часто не осознавая этого, становятся соучастниками, а не сторонними наблюдателями этих событий. Сегодня город остаётся фестивальным: в течение года проводятся фестивали различного уровня – областные, губернаторские и даже международные. Стоит отметить ещё раз, что для такого туризма не обязательно иметь архитектурные ансамбли, знаменательные события, музейные комплексы, – сама атмосфера места даёт условия для актуализации нематериального наследия местности.

Следующим шагом в развитии туризма стал переход от простого участия к ответственному, с пробуждением в гостях города осознанного отношения к происходящему. Много лет подряд в Мышкине летом работает лагерь волонтеров. Студенты и школьники из разных городов России и зарубежья включаются в жизнь провинциального

города и, наряду с посещением экскурсий, реставрируют дома и разбивают цветники. Сегодня это приобретает большие масштабы: круизная компания «Водоход» вместе с туристами-пассажирами высаживает на набережной города каштановую аллею, космонавт В. В. Терешкова, посетив город, способствовала утверждению в Госдуме проекта берегоукрепления в Мышкине. В результате город получил новую набережную за счёт федеральных средств.

Изучение истории, а порой и её мифологизация являются основой для создания музейно-театральных форм и включения туристов в жизнь местности. Городские мифы становятся отправной точкой развития туризма и определяют функцию города в качестве центра – исторического, курортного, фестивального. Главным мышкинским мифом стала легенда о происхождении названия города, в соответствии с которой маленькая мышка спасла князя от укуса ядовитой змеи. Эта легенда является связующим звеном всех местных достопримечательностей. Музеи, ремесленные мастерские, провинциальные архитектурные ансамбли, рестораны, гостиницы оживают в мифе и становятся частью большой сказки.

В городе главным брендом после мыши стал образ «обычных мышкинцев», которые включены в контекст туристического опыта и наделяются следующими качествами: гостеприимность, сплочённость и дружелюбность. «Дружелюбность местных жителей рассматривается местными предпринимателями и властями как особая достопримечательность города» [13, с. 11].

Особенная аура города складывается из всех элементов городской среды: планировка, архитектура, природа и местное активное сообщество. В. А. Гречухин в книге «Мышкин. Малый город в большом туризме» даёт подробный анализ пути развития

малого туристического города с опорой на нематериальное культурное наследие. Основной видится задача «сохранить “призраки былого”», сделать «все эти малые и милые духовные ценности города товаром» [4, с. 60]. В. А. Гречухин стал автором важнейших социальных инициатив, таких, например, как создание в Мышкине Градостроительного совета, задача которого заключается в том, чтобы сохранить историческую застройку города, при этом все новые строения привести к общему знаменателю для сохранения «лица города».

Подобно Мышкину, «сказочные» легенды для привлечения туристов используются в других городах, но, в отличие от Мышкина, в других малых городах России пока нет целостного использования возможностей города. Снегурочка в Костроме, Змея в Гадюкино, Баба-Яга в Кукобное, Водяной в Пошехонье, Царь Берендей в Переславле-Залеском и другие – это всего лишь малая часть туристической сферы указанных городов, где нет общегородской легенды, и это не даёт комплексного восприятия города. На наш взгляд, именно общегородская легенда и мифология позволяет городу и местным жителям идентифицировать себя, понять своё место на карте российских городов. Конечно, создание такой легенды не может быть одномоментным и требует серьёзных усилий.

Сегодня Мышкин является не только сказочным городом. В ситуации распространения «сказочных» туристических услуг они постепенно теряют особую привлекательность. Ведь туризм, помимо прочего, обращён к нашему любопытству и любознательности. Мышкин благодаря «мышьиной легенде» приобрёл популярность, а теперь обращается к истории места. Город постепенно меняет вектор туристических предложений, смещаясь со сказочного на исто-

рический: «Мышкин – город купеческий» «Маленький город в великой войне», «Провинциальный калейдоскоп (Народный календарь)». Подобные программы предлагают окунуться в жизнь провинциального города, а не только в «мышинное царство».

Бьют рекорды по популярности мышкинские интерактивные программы, а именно – синтетические музейно-театральные формы с обязательным активным участием туристов. Построенные на особенностях местного быта и традиций, они дают возможность получить уникальный туристический опыт и стать соучастником провинциальной жизни. Таков Домик мельника, в котором мельничиха рассказывает о быте мельника, а в конце экскурсии угощает гостей блинами. Непосредственное общение с историей от первого лица, полное погружение в жизнь семьи мельника реализуют не поверхностный (наблюдающий), а глубокий (с погружением) туризм, позволяющий возрождать и сохранять местную гастрономическую культуру.

Развлекательная программа «Авдотин чай», в которой мышкинские дамы угощают гостей особенным мышкинским травяным чаем и во время чаепития ведут разговоры об особенностях местного менталитета, делая гостей участниками жизни провинциального города. Музей винокура Смирнова, в котором хозяйка музея в вводной части рассказывает о знаменитом земляке, а в практической угощает гостей местными алкогольными напитками (мышкинское «алкогольное творчество»), с мышкинскими тостами и особенностями питания.

Не отстают в производстве нематериальных туристических объектов и окрестности Мышкина. В деревне Мартыново Мышкинского района туристам предлагаются интерактивные и развлекательные программы на основе местного диалекта

«Бобахорим по-кадские», «Летний театр коменничаний».

Развитие туристической сферы города на основе включения гостей в нематериальное культурное наследие местности даёт положительные результаты, но таит и свои опасности. Так, есть опасность создавать туристический объект в малом городе по уже известным образцам и лекалам. В таком случае теряется лицо города, «туристические образцы» будут работать, но вряд ли повлияют на желание людей вернуться сюда снова. Нечто подобное со временем произошло со «сказочными» городами, которые стали шаблонными и утратили свою уникальность. В таком случае жителям предлагают идентифицировать себя не через культурную среду своего города, а воспринимать себя служащими туристического аттракциона. Именно с подобной проблемой успешно справляется город Мышкин. Здесь создаются собственные уникальные достопримечательности, которые не смогут работать в другом месте. Они строятся на включении гостей в жизнь именно города Мышкина, тем самым турбизнес здесь решает не чисто развлекательные, а культурные задачи. И Мышкин целенаправленно развивается в направлении социально ориентированного туристического бизнеса.

Таким образом, для создания глубокого, а не наблюдающего туризма необходимо опираться на культурный потенциал малого города, выражающийся в местных традициях, обычаях и даже исторических «причудах». На его основе можно выстроить городскую культурную среду, которая сохранит особенности места, музеефицирует их и станет фундаментом для воспитания и образования, а не только лишь для развлечения и, таким образом, привлечёт туристические

потоки, которые смогут повлиять на развитие инфраструктуры и сохранение города. Реализуя на базе нематериального культурного наследия туристическую инициативу, важно не забывать про включение гостей города в жизнь локального сообщества. Предлагая возможность соучастия и сопереживания, социально ответственный туризм позволяет туристам открыть для себя ещё одну малую родину и возвращаться туда снова и снова. Развивая туристическую сферу приёмами социально ответственного туризма, мы открываем возможность развития не просто бизнес-модели, а социально-культурного проекта, направленного на комплексное решение проблем местности, в том числе сохранение и актуализацию нематериального культурного наследия.

Малые города России в данном случае находятся в поиске новых музейно-театральных форм, учитывающих местные культурные особенности, вплоть до общегородской легенды и мифологии. Здесь нематериальное культурное наследие становится элементом представления, а турист оказывается участником местной легенды. Таким образом, в малых городах России местные сообщества, культивируя свою самобытность, помогают турбизнесу уйти от шаблонного аттракциона. А турбизнес, помогая малым городам в спасении их материальной и нематериальной культуры, утверждает себя как социально ответственный бизнес, способный создать и освоить новые способы формирования национального самосознания у наших граждан.

Примечания

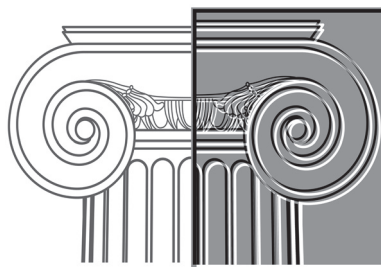
1. Агамирова Е. В. Развитие социально-ответственного туризма в России // Наука, фитнес, рекреация – 2017 : материалы Всероссийской конференции с международным участием 6–7 апреля 2017 года г. Москва / под общ. ред. профессора С. А. Гониянца. Москва : РГУФКСМиТ, 2017. С. 17–20.
2. Ассоциация малых туристских городов России [Электронный ресурс]. URL: http://amtg-rus.ru/about_us/
3. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml
4. Гречухин В. А. Мышкин. Малый город в большом туризме. Состояние, проблемы, продвижение, перспективы. Москва : Книжный мир, 2017. 224 с.
5. Гуцалов А. А. Культурный бренд и брендинг территории // Культурное наследие России : научно-информационный журнал. 2018. № 3. С. 86–93.
6. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59–71.
7. Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml
8. Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minкультury-rf-ot-17122008-n-267/>
9. Международный центр ответственного туризма Российской Федерации и СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://icrt-russia.ru/>
10. Мошняга Е. В. Основные тенденции развития туризма в современном мире // Вестник РМАТ. 2013. № 3 (9). С. 20–33.
11. Рогач О. В. Анализ факторов формирования туристической привлекательности муниципальных образований // Урбанистика. 2019. № 1. С. 102–110.
12. Хачатурян К. С. Сущность и функции социально ответственного бизнеса // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 108–111.

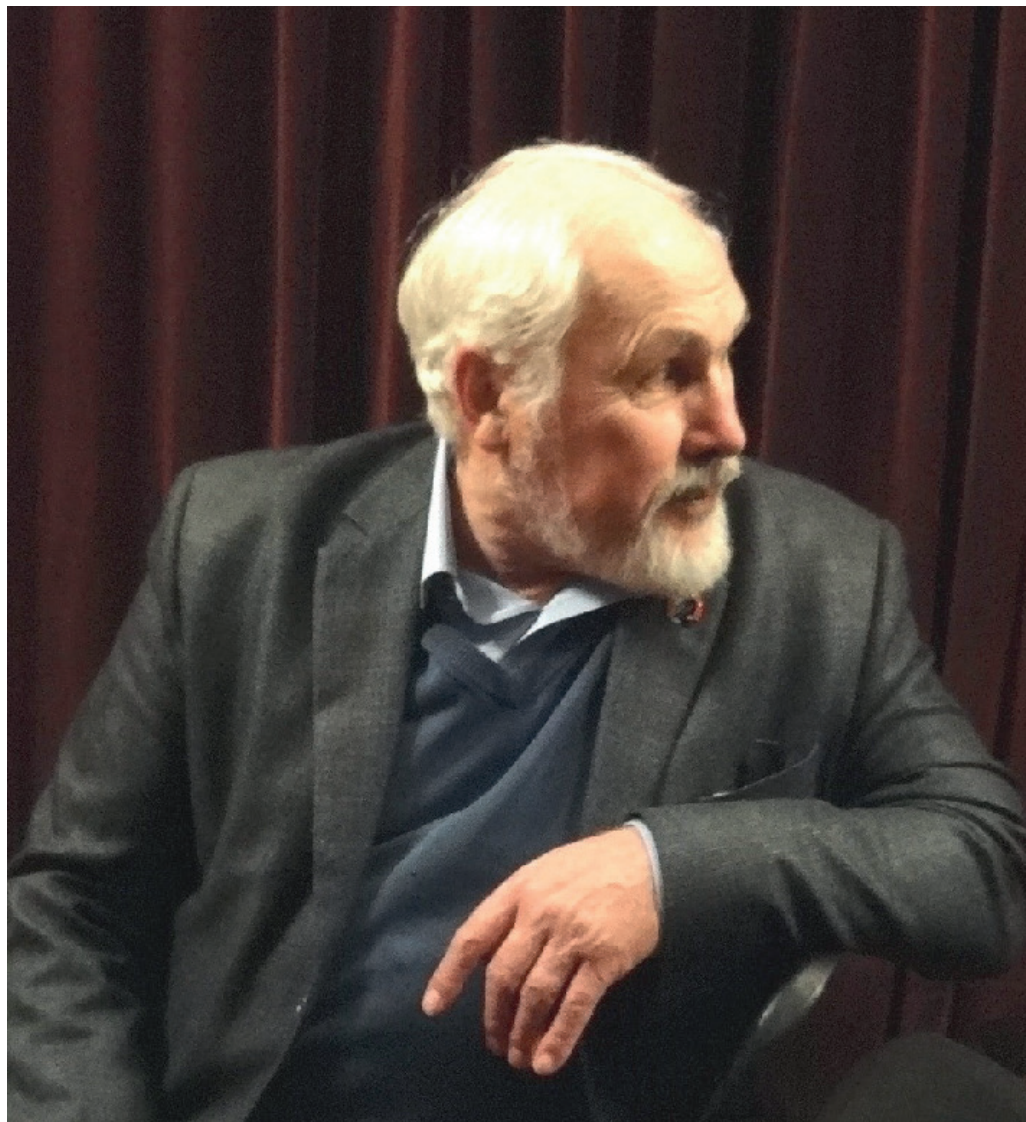
13. Юдин Г. Б., Колошенко Ю. А. Стратегия производства туристического опыта в малом городе: локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С. 5–14.

References

1. Agamirova E. V. Razvitiye sotsial'no-otvetstvennogo turizma v Rossii [Development of socially responsible tourism in Russia]. In: Goyanits S. A., ed. *[Nauka, fitnes, rekreatsiya – 2017: materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem 6–7 aprelya 2017 goda g. Moskva [Science, fitness, recreation – 2017: Materials of the all-russian conference with international participation April 6–7, 2017 Moscow].* Moscow, 2017. Pp. 17–20. (In Russian)
2. Assotsiatsiya mal'kikh turistskikh gorodov Rossii [Association of small tourist cities of Russia]. Available at: http://amtg-rus.ru/about_us/ (In Russian)
3. Vseobshchaya deklaratsiya YUNESKO o kul'turnom raznoobrazii [UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (In Russian)
4. Grechukhin V. A. *Myshkin. Malyy gorod v bol'shom turizme. Sostoyanie, problemy, prodvizhenie, perspektivy [Myshkin. Small town in big tourism. Status, problems, promotion, prospects].* Moscow, Publishing house "Knizhnyy mir", 2017. 224 p. (In Russian)
5. Gutsalov A. A. Kul'turnyy brend i brending territorii [Cultural brand and territory branding]. *Kul'turnoe nasledie Rossii: nauchno-informatsionnyy zhurnal [Cultural Heritage of Russia: Scientific Information Journal].* 2018, no. 3, pp. 86–93. (In Russian)
6. Kargin A. S., Kostina A. V. Sokhraneniye nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov RF kak prioritet kul'turnoy politiki Rossii v XXI veke [Preservation of the intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation as a priority of Russia's cultural policy in the 21st century]. *The "Znanie. Ponimanie. Umenie" ("Knowledge. Understanding. Skill").* 2008, no. 3, pp. 59–71. (In Russian)
7. Konventsiya YUNESKO "Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya" [UNESCO Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (In Russian)
8. Kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossiyskoy Federatsii na 2009–2015 gody [The concept of preservation and development of the intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation for 2009–2015]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minkultury-rf-ot-17122008-n-267/> (In Russian)
9. Mezhdunarodnyy tsentr otvetstvennogo turizma Rossiyskoy Federatsii i SNG [International Center for Responsible Tourism of the Russian Federation and the CIS]. Available at: <https://icrt-russia.ru/> (In Russian)
10. Moshnyaga E. V. Osnovnye tendentsii razvitiya turizma v sovremennom mire [The main trends in the development of tourism in the modern world]. *Vestnik RIAT.* 2013, no. 3 (9), pp. 20–33. (In Russian)
11. Rogach O. V. Analiz faktorov formirovaniya turistskoy privlekatel'nosti munitsipal'nykh obrazovaniy [Analysis of factors of formation of tourist attractiveness of municipalities]. *Urbanistika [Urban Studies].* 2019, no. 1, pp. 102–110. (In Russian)
12. Khachatryan K. S. Sushchnost' i funktsii sotsial'no otvetstvennogo biznesa [The essence and functions of socially responsible business]. *Vestnik Voennoy universiteta [Bulletin of the Military University].* 2011, no. 1 (25), pp. 108–111. (In Russian)
13. Yudin G. B., Koloshenko Yu. A. Strategies of tourist experience production in a small town: local community and symbolic construction in *Myshkin. Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies.* 2014, no. 5, pp. 5–14. (In Russian)

ИЗ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

МАРЕЕВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор философских наук, профессор
(1941–2019)

Культура против цивилизации (ПАРАДОКСЫ И. КАНТА)¹

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10605

С. Н. Мареев

В статье уточнена ситуация зарождения культуры, которая связана с формированием идеальных мотивов в поведении человека. Рассматривается трансформация представлений о культуре и цивилизации, начиная с античного образа жизни и философии. Акцент сделан на позиции просветителей, которая радикально отличается от традиции, ведущей к учению О. Шпенглера. Отдельно проанализирован феномен руссоизма, повлиявший на этическую позицию Льва Толстого. В центре внимания – парадоксальность понимания культуры и цивилизации И. Кантом применительно к внутреннему миру человека, в котором присутствует неразрешимое противоречие между моральными требованиями и животными влечениями. Таким образом, методологический дуализм Канта загоняет искусственное и формальное, а значит, цивилизацию, в основание души человека и там противопоставляет её природному началу.

Ключевые слова: культура, цивилизация, природа, моральность, категорический императив, цинизм, любовь, Руссо, Кант.

Sergey N. Mareev

CULTURE VS CIVILIZATION (I. KANT'S PARADOXES)

The article clarifies the circumstances of the origin of culture, connected with forming the ideal motives in human behavior. The transformation of ideas about culture and civilization is examined, starting with the ancient way of life and philosophy. The emphasis is on the position of the Enlightenment, which is radically different from the tradition leading to O. Spengler's teaching. The phenomenon of Russoism, which influenced the ethical position of Leo Tolstoy, is analyzed separately. The focus is on the paradoxical understanding of culture and civilization by I. Kant as applied to the inner world of man, in which there is an insoluble contradiction between moral requirements and animal inclinations. Thus, Kant's methodological dualism drives the artificial and the formal, and therefore civilization, into the base of the human soul, and there it is opposed with the natural principle.

Keywords: culture, civilization, nature, morality, categorical imperative, cynicism, love, Rousseau, Kant.

Для цитирования: Мареев С. Н. Культура против цивилизации (парадоксы И. Канта) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 47–52. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10605

¹Статья была впервые опубликована в сборнике «Проблема культурного взаимодействия: история и современность : (по материалам Международной научно-практической конференции «Проблемы культурного взаимодействия в современном мире», 26–27 мая 2016 года, Москва, МГИК) / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт культуры» ; [науч. ред. В. А. Есаков и др.]. Москва : МГИК, 2017. С. 90–97.

Мир культуры начинается там, и пусть возмущаются эстеты, где наш далёкий предок изготовил первое каменное рубило, которого Ж. Деррида в другом контексте именует «Фалесом каменного рубила». Такие орудия труда находятся в так называемом *культурном слое*, который отличается от природы. Здесь лежит принципиальное различие между предметом геологии и археологии. И если мы откажемся от разговора о первых орудиях, то постоянно будем путать изделия из камня с самими камнями. Но археология их не путает и не отождествляет, поскольку иначе была бы невозможна сама эта наука. Да и все другие науки о культуре.

Благодаря Цицерону мы многое узнаём о греческой философии, которая была *саморефлексией* греческой культуры. Сократ, которого Маркс назвал «воплощённым философом», со всей определённой заявил, что его уже не интересует природа – звёзды, планеты, Луна, Солнце. А что же его заинтересовало? Его интересовала «совесть», «справедливость», «добро», «истина», «красота», «мужество» и другие подобные вещи. У греческого «культуролога» Сократа вопрос о происхождении культуры также оказался завязан на то, что есть добродетель и зачем её возделывать в душах людей.

Здесь нужно отметить, что культура греков была более демократической, чем культура римлян. Все свободные граждане греческого полиса были приобщены к миру культуры и его созиданию. Но при этом греки противопоставили себя как культурный народ *варварам*. И варварство с тех пор стало синонимом бескультурья. Граница между культурой и тем, что не является культурой, у греков проходит за пределами их собственного мира. Но у римлян этот раскол, эта граница между культурой и бескультурьем проходит уже внутри самого римско-

го общества. Даже в своей среде Цицерон и его современники видели почву для противопоставления *cultus* и *vulgus*. К первым Цицерон относил своё аристократическое окружение, которое непрестанно совершенствовало ум и душу, подчас нарочито демонстрируя духовную сложность и необычайную изысканность. Ко вторым Цицерон относил «грубую и беспорядочную толпу», или чернь, с её примитивными нравами – увлечением цирковыми представлениями и боями гладиаторов.

Раскол общества на культурные верхи и некультурные низы, по существу, продолжается до сих пор. Но и в наших условиях культура верхов также приобретает извращённый характер. Поздний Рим уже знал все виды извращений, в том числе половых, которыми так богата современная западная «культура». Раннее христианство во многом было реакцией на такое извращение, и эта реакция во многом строилась на идеализации *простеца*. Извращение культуры ведёт не к отрицанию, а к идеализации природы, натуры. Вспомним Тертуллиана, который считал, что душа варвара больше открыта для христианской веры и пути в Царство Божие, чем душа образованного римлянина. Ситуация, таким образом, обращивается, и если у Цицерона преимуществом обладает культурный римлянин перед примитивным плебеем, то у христианина Тертуллиана преимущества уже на стороне варвара, по сравнению с извращённой культурой, которую он отождествляет с культурой вообще [8].

Но сколько бы христианство ни бичевало «вавилонскую блудницу», как неизменно именовали христиане Рим, оно не победило извращения и развращения культуры, на что продолжают указывать проницательные философы, в частности французский просветитель Ж.-Ж. Руссо, у которого вар-

вары также обладают преимуществами перед его современниками, поскольку общественное развитие не означает совершенствования человека. Именно Руссо в явном виде указывает на противоречивую суть общественного прогресса. На пути прогресса у Руссо уже обнаруживается то, что развитие в одном может сочетаться с деградацией в другом. И этим позиция Руссо отличается от того, что утверждали другие французские просветители, у которых цивилизация, безусловно, есть венец культуры. Но у Руссо в цивилизации уже присутствует момент вырождения более совершенного, чем у него оказывается природное начало в человеке. В этом – особенности руссоизма, к которому, в частности, тяготел гениальный писатель Лев Толстой [7]. Франция, как известно, в те времена ещё задавала всем образцы для подражания, в том числе России, где французский язык был обязателен для дворянской верхушки, а по-русски говорили лишь «мужики». И в силу этого противостояния выбор между культурой и натурой обретал у нас вполне зримый, если не практический, характер – от «почвенничества» до «народничества».

Если для руссоиста культура тождественна цивилизации на почве своей ущербности, в сравнении с природным состоянием человека, то в иных трактовках культура является антиподом цивилизации как раз в силу своего гармонического характера. Сама действительность усугубляла противоречивый характер общественного развития, что в конце XIX – начале XX столетий приняло форму противоречия между «культурой» и «цивилизацией», наиболее явно выраженного в «Закате Европы» Освальда Шпенглера. Культура более совершенна, чем её моральное, духовное и творческое вырождение – цивилизация. Но уступает ли она природе?

Известно, что И. Кант выступил с довольно серьёзной критикой книги И. Гердера «Идеи к философии истории человечества» [1], в которой культурология как бы перемешана с антропологией. Гердер не отделяет естественно-природное развитие от общественно-исторического развития, и человеческая история у него начинается с образования Солнечной системы и планеты Земля. Если бы он жил в наши дни, то всё, наверное, началось бы с «Большого взрыва».

Кант, критикуя И. Гердера, видит явные преимущества в философии истории Ж.-Ж. Руссо, противопоставлявшего культуру и природу. «И Руссо, – пишет Кант, – вовсе не так уж неправ, предпочитая состояние диких, коль скоро упускают из виду последнюю ступень, на которую нашему роду ещё предстоит подняться. Благодаря искусству и науке мы достигли высокой степени культуры. Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом. Но нам ещё многого не достаёт, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви, к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» [3, с. 23].

Как мы видим, здесь Кант также разводит «культуру» и «цивилизацию», обозначая тем самым ещё одну сторону проблемы. У Канта на излёте Просвещения цивилизация оказывается вырожденным и искусственным состоянием человечества, поскольку она означает всякого рода учтивость, не совпадающую с моральностью. А. Шопенгауэр впоследствии назовёт это «формальной вежливостью», которая не выражает подлинного отношения человека к человеку и, по сути, есть лицемерие.

Что касается подлинной культуры, расцвет которой Кант относит в будущее, то она, в кантовском понимании, есть «моральность» и «нравственное совершенство». Таким образом, Кант переводит культуру во внутренний план личности, противопоставляя её внешней пристойности. Нечто подобное сейчас называют «духовностью», но последнее часто отождествляют с религиозностью, что Кант не имел в виду, когда говорил о «моральности». В его представлении о моральности нет ни грана мистики, как, впрочем, и того, что именуют высшими духовными чувствами.

И тут обнаруживается противоречивость собственной позиции Канта, у которого моральный закон имеет сугубо формальный характер. Хорошо известно, что никакой закон не удержит человека от преступления, если у него нет *совести*. Но нравственное чувство, то есть совесть, совсем не то же самое, что категорический императив. Высшие духовные чувства – совесть, чувство долга, эстетическое чувство, любовь и другие – есть подлинные выражения культуры как способа жизни человека, которые деградируют в состоянии цивилизации. Но кантовский ригоризм означает, что не может быть моральным поступок, который был совершён согласно какой-либо чувственной склонности.

Кто внимательно читал Канта, тот мог заметить, что в его моральной системе мало места для такого духовного чувства, как любовь. Но зато много места для характеристики полового влечения. «Сильнейшие естественные импульсы, – пишет Кант, – которые выступают вместо незримо ведущего весь человеческий род к физическому благополучию высшего разума (правителя мира), не допуская содействия человеческого разума, – это любовь к жизни и половая любовь» [2, с. 313].

Последнее означает, что внутри индивида, согласно Канту, с одной стороны, моральные требования, а с другой – животные влечения. А в результате Кант оказывается в щекотливом положении. «Сколько усилий испокон веку, – пишет Кант, – затрачивалось на то, чтобы набросить тонкую пелену на то, что хотя и даёт наслаждение, но настолько свидетельствует о близком родстве человека с животными, что вызывает стыд и не позволяет открыто говорить об этом в хорошем обществе; правда, прозрачные намёки, вызывающие улыбку, не возбраняются. Воображение может здесь в своё удовольствие блуждать в потёмках, и требуется немалое искусство для того, чтобы, не вдаваясь в *цинизм*, избежать опасности смешного *пуризма*» [2, с. 152–153].

Цинизм и пуризм – две крайности. Циник идёт на поводу у влечения, пурист всё естественное в человеке огульно отрицает. А сходятся они на том, что любви нет. Для них попросту не существуют Ромео и Джульетта, которыми мы восхищаемся, поскольку они любили друг друга не как животные, а как *люди*.

Если верить тому, что здесь пишет Кант, то великие произведения о любви – только «тонкая пелена», скрывающая животное внутри человека. А потому так цинично кантовское определение *брака*. «Половое общение по закону, – пишет он, – есть брак (*matrimonium*), то есть соединение двух лиц разного пола ради пожизненного обладания половыми свойствами друг друга» [4, с. 305].

Мораль и животность у Канта соседствуют и противостоят внутри человека. А в результате кантовский дуализм превращает нашу свободу в ситуацию выбора между распущенностью и репрессией. И там, где происходит радикальный отказ от чувственного, что в его понимании совпа-

дает с животностью, у Канта вдруг рождается идеальное, хотя он сам понимает «волшебство» такого перехода. «Отказ, – пишет он, – и был тем волшебным средством, превратившим чисто чувственное влечение в идеальное, животную потребность – в любовь, ощущение, просто приятное, – во вкус к красоте сначала в человеке, а затем и в природе. *Скромность*, то есть склонность к тому, чтобы хорошим поведением (сокрытием того, что могло бы вызвать презрение) внушать другим уважение к себе как необходимому основанию всякого настоящего общения, дала, кроме того, первое указание к воспитанию человека как нравственного существа» [5, с. 76–77].

Дуализм есть дуализм. А потому и в данном случае у Канта одна крайность сменяет другую. По сути, здесь опять естественное сменяется искусственным, когда отказ от природного влечения порождает показную скромность. Волшебна лишь попытка выдать такую само-репрессию за собственно идеальное.

На деле репрессия как раз и рождает на каждом шагу лицемерие. И потому та скромность, которую Кант вынужден выдавать за моральность, ближе к тому, что он именует «цивилизацией», а не «культурой». Ведь культура есть *снятие* природы в том гегелевском смысле, который означает, что природное погружается в основание нашего поведения и преобразуется его идеальными мотивами. Канту ещё неизвестна идея диалектического снятия, когда человек обретает свободу, не игнорируя, а под-

чиняя себе природу, придавая своей жизнедеятельности культурное содержание и направленность. И любовь в таком случае не просто антипод природных устремлений, а их идеализация внутри собственно человеческого поведения. Любовь, в отличие от полового влечения как *материального*, есть высшее духовное и *идеальное* чувство человека. И только любовь является его оправданием [6].

Таким образом, методологический дуализм Канта загоняет искусственное и формальное, а значит цивилизацию, в основание души человека и там противопоставляет природному началу. Цивилизация оказывается неотделима от сущности человека, и в этом принципиальное отличие Канта от Руссо. Всё это является отражением того реального противоречия, в котором движется до сих пор «гражданское общество». Кантовский императив «человек всегда цель и никогда средство» – сердцевина культуры, но тот же Кант, констатируя противоречие между «культурой» и «цивилизацией», тут же стремится его сгладить, связывая его разрешение с идеалом «правового государства».

Противоречивость представлений о культуре и природе, культуре и цивилизации от античности до наших дней отражает тот факт, что сам общественный прогресс до сих пор подобен тому Молоху, который, по словам Маркса, хочет пить нектар не иначе, как из черепов убитых. И это не позволяет ясно видеть тот путь, который и выведет нас из цивилизации в культуру.

Примечания

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова ; [АН СССР]. Москва : Наука, 1977. 703 с.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собрание сочинений : в 8 томах : юбилейное издание 1794–1994 : [перевод с немецкого] / под общ. ред. А. В. Гулыги. Москва : ЧОРО, 1994. Том 7. С. 137–376.

3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собрание сочинений : в 8 томах : юбилейное издание 1794–1994 : [перевод с немецкого] / под общ. ред. А. В. Гулыги. Москва : ЧОРО, 1994. Том 8. С. 12–28.
4. Кант И. Метафизика нравов // Собрание сочинений : в 8 томах : юбилейное издание 1794–1994 : [перевод с немецкого] / под общ. ред. А. В. Гулыги. Москва : ЧОРО, 1994. Том 6. С. 224–540.
5. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Собрание сочинений : в 8 томах : юбилейное издание 1794–1994 : [перевод с немецкого] / под общ. ред. А. В. Гулыги. Москва : ЧОРО, 1994. Том 8. С. 72–88.
6. Мареев С. Н. От Канта и Кассирера к Ильенкову: проблема идеальности человеческих чувств // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 142–152.
7. Розанов М. Н. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII века и начала XIX века : Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. Том I. Москва : Тип. Московского университета. 1910. 559 с.
8. Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс О душе = De Anima / пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. А. Ю. Братухина. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2004. 254 с.

References

1. Gerder I. G. [Herder Johann Gottfried] *Idey k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the philosophy of the history of mankind]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1977. 703 p. (In Russian)
2. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropology from a pragmatic point of view]. *Sobranie sochineniy: yubileynoe izdanie 1794–1994. V 8 tomakh, tom 7 [Collected Works. Anniversary Edition 1794–1994. In 8 volumes, vol. 7]*. Moscow, Publishing house “ChORO”, 1994. Pp. 137–376. (In Russian)
3. Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane [The idea of world history in a global civilian way]. *Sobranie sochineniy: yubileynoe izdanie 1794–1994. V 8 tomakh, tom 8 [Collected Works. Anniversary Edition 1794–1994. In 8 volumes, vol. 8]*. Moscow, Publishing house “ChORO”, 1994. Pp. 12–28. (In Russian)
4. Kant I. Metafizika нравов [Metaphysics of morals]. *Sobranie sochineniy: yubileynoe izdanie 1794–1994. V 8 tomakh, tom 6 [Collected Works. Anniversary Edition 1794–1994. In 8 volumes, vol. 6]*. Moscow, Publishing house “ChORO”, 1994. Pp. 224–540. (In Russian)
5. Kant I. Predpolagaemoe nachalo chelovecheskoy istorii [The supposed beginning of human history]. *Sobranie sochineniy: yubileynoe izdanie 1794–1994. V 8 tomakh, tom 8 [Collected Works. Anniversary Edition 1794–1994. In 8 volumes, vol. 8]*. Moscow, Publishing house “ChORO”, 1994. Pp. 72–88. (In Russian)
6. Mareev S. N. Ot Kanta i Kassirera k Il'yenkovu: problema ideal'nosti chelovecheskikh chuvstv [From Kant and Cassirer to Ilyenkov: the problem of the ideality of human feelings]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2009, no. 9, pp. 142–152. (In Russian)
7. Rozanov M. N. Zh.-Zh. Russo i literaturnoe dvizhenie kontsa XVIII veka i nachala XIX veka: Ocherki po istorii russoizma na Zapade i v Rossii. Tom I [J.-J. Russo and the literary movement of the late 18th century and the beginning of the 19th century: Essays on the history of Russoism in the West and in Russia. Volume I]. Moscow, Typography of the Moscow University, 1910. 555 p. (In Russian)
8. Tertullian Kvint Septimiy Florens [Tertullianus Quintus Septimius Florens] *O dushe [On the soul]*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publishing House, 2004. 254 p. (In Russian)

*

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАРЕЕВ – УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ¹

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10606

В. А. Тихонова, С. А. Касаткина

Московский государственный институт культуры

В статье кратко изложена биография Сергея Николаевича Мареева – друга и последователя выдающегося советского философа Э. В. Ильенкова. Авторы характеризуют его творческий путь, который начался с анализа метода «Капитала», его сотрудничество с Ильенковым. Дана характеристика основных направлений исследований учёного в советский и постсоветский период, где большую роль играли работы по истории философской и экономической мысли, логике и методологии науки. Показана роль Мареева в развитии идей Ильенкова, консолидации его последователей, проведении ежегодных «Ильенковских чтений». Особое внимание уделяется цельности его личности, в которой критическое мышление сочеталось с преданностью идеалам классической культуры. Отдельно рассмотрено участие этого философа в научной и учебной жизни МГИК на протяжении более 30 лет.

Ключевые слова: С. Н. Мареев, Э. В. Ильенков, «Капитал», МГИК, философия, марксизм, диалектика, социализм, социальная справедливость, классическая культура.

Valeriya A. Tikhonova, Svetlana A. Kasatkina

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

SERGEY NIKOLAEVICH MAREEV – SCIENTIST AND EDUCATOR

The article summarizes the biography of Sergey Mareev – friend and follower of the outstanding Soviet philosopher Evald Ilyenkov. The authors characterize his creative path, which began with an analysis of the “Capital” method, his acquaintance and cooperation with Ilyenkov. The feature of the main directions of his research in the Soviet and post-Soviet period is given, where works on the history of philosophical and economic thought, the logic and methodology of science played an important role. The role of Mareev in the development of Ilyenkov’s ideas, the consolidation of his followers, and

¹ Авторы благодарны Е.В. Мареевой за материалы, предоставленные для подготовки этой статьи

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor, expert in scientific work management, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

КАСАТКИНА СВЕТЛАНА АГВАНОВНА – кандидат философских наук, доцент, заведующая отделом докторантуры и аспирантуры Московского государственного института культуры

KASATKINA SVETLANA AGVANOVNA – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Doctoral and Postgraduate Studies, Moscow State Institute of Culture

e-mail: tikhonovava@mail.ru

© Тихонова В. А., Касаткина С. А., 2019

the annual Ilyenkov readings is shown. Particular attention is paid to the integrity of his personality, in which critical thinking was combined with devotion to the ideals of classical culture. The participation of this philosopher in the scientific and educational life of the Moscow State Institute of Culture for more than 30 years is considered separately.

Keywords: Sergey Mareev, Evald Ilyenkov, “Capital”, Moscow State Institute of Culture, philosophy, Marxism, dialectics, socialism, social justice, classical culture.

Для цитирования: Тихонова В. А., Касаткина С. А. Сергей Николаевич Мареев – учёный и педагог // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 53–57. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10606

В личности Сергея Николаевича Мареева гармонично сочетались таланты учёного и педагога, простота натуры и глубокая эрудиция. Он был из тех мыслителей, для которых философия не просто профессия, а жизненная позиция. Одну из последних книг, посвящённых своему другу и учителю, он назвал «Э. В. Ильенков: жить философией» [9]. То же можно отнести и к нему самому.

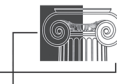
С. Н. Мареев родился в Москве 2 мая 1941 года, накануне Великой Отечественной войны. Своё детство он провёл в подмосковной деревне Михайловское, где и похоронен теперь на сельском кладбище. Мареев рано пошёл работать на завод. Затем была служба в армии на Северном флоте. Будучи матросом машинного отделения, он исполнял обязанности заведующего библиотекой, что позволяло ему много читать. Его увлекала философская литература, в особенности произведения Карла Маркса.

Сергей Николаевич рассказывал, что за привязанность к книгам капитан корабля называл его в шутку «нищепанцем». Сразу же по окончании службы в 1964 году он был принят на философский факультет МГУ. Это было время, когда на фоне «оттепели» в научной среде официально признанной версии марксизма уже противостоял так называемый творческий марк-

сизм. В те годы воплощением критического духа марксизма на философском факультете МГУ стал молодой преподаватель, бывший фронтовик Эвальд Васильевич Ильенков. Но когда Сергей Мареев стал студентом, уже прошло почти 10 лет с тех пор, как Ильенков был вынужден покинуть философский факультет МГУ в результате дискуссии о предмете философии, в которой его подвергли критике за признание главной проблемой всей философии, включая философию марксизма, – проблему мышления [1].

Сергей Мареев уже на первом курсе стал с интересом изучать «Капитал» Маркса. В своих воспоминаниях он пишет о преподавателе политэкономии В. А. Андриевской, которая советовала студентам изучать первый том «Капитала» в свете того метода, который применил в нём Карл Маркс [9, с. 9]. Позже он познакомился с книгой Ильенкова о диалектике абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса [2]. Таким образом, ещё в университете он определился с главной темой своих исследований – марксистской методологией, восприняв при этом позицию Ильенкова, как он пишет в воспоминаниях, как свою собственную.

Лично Мареев познакомился с Ильенковым только в 1971 году, когда пришёл к нему в Институт философии АН СССР, чтобы показать текст работы о методе «Капитала». Под руководством Ильенкова Ма-

реев защитил кандидатскую диссертацию и несколько лет проработал вместе с ним в одном секторе Института философии АН СССР.

Ильенкова не стало в 1979 году, но только в 1990-х годах С. Н. Мареев вместо мемориальных семинаров предложил друзьям проводить Ильенковские чтения. Эта международная конференция, как и философское общество «Диалектика и культура», связанное с творчеством Ильенкова, существует около тридцати лет. Сегодня уже можно говорить об «ильенковском движении», лидером которого многие годы, несомненно, был Мареев.

Особенно привлекали в личности Мареева непосредственность в общении и искренняя преданность той позиции, в которой были органично связаны философские и политические взгляды. Для него марксизм не был идейным «подспорьем» в карьере, как для многих, кто в 1990-е годы поспешил стать яростным противником советской власти. Марксистские убеждения Мареева имели серьёзное теоретическое основание и при этом соединялись с обострённым чувством социальной справедливости, сочувствием к «социальным низам». Мареев не переносил пренебрежительного отношения к нашему советскому прошлому. Он объективно оценивал период «застоя», когда в обществе возобладали интересы бюрократии, для которой принципы социальной справедливости иногда были лишь фразой. Вслед за своим учителем Ильенковым он считал, что принципы социализма были реализованы в СССР во многом не реально, а формально, о чём он пишет, опираясь на взгляды Маркса, в статье «Э. Ильенков и социализм» [8].

В последние годы в связи с юбилеем Февральской и Октябрьской революций Сергей Николаевич много писал о роли

личности в истории. Большой интерес вызывают те его работы, в которых он пытается разобраться в объективной роли центральных фигур в политике этого периода – Николая II, Ленина и Керенского. Здесь он следовал не просто логике научного познания, но опирался на метод конкретного историзма, исследованию которого отдал долгие годы. Изучению этой методологии он посвятил как кандидатскую, так и докторскую диссертацию [4]. При этом Мареев умел писать очень увлекательно, художественно воссоздавая объективную логику, противоречия и диалектику объективного и субъективного в историческом прошлом нашей страны [см.: 3; 7].

Очевидно, и по этой причине он пользовался уважением даже у тех, с кем вёл острые споры. Он бывал резок с теми, кто презрительно отзывался о людях, которые искренне строили и защищали социализм. Но даже те, кто отмечали нетерпимость, которую он допускал по отношению к идейным противникам, были вынуждены признавать искренность, принципиальность и честность его позиции и натуры.

В одной из последних книг «Экономическая теория Маркса и её критики» Мареев показывает методологическую слабость критиков «Капитала» [10]. Здесь он различает два подхода к этому производству Маркса – доктринёрский и методологический, и доказывает, что его основная ценность – в выявлении диалектики исторического процесса. Глубоко разбираясь в экономических взглядах Маркса, он умел отделить отдельные, не оправдавшие себя прогнозы от тех научных принципов, которые позволяют понять противоречия экономической жизни наших дней. В этом смысле особого внимания заслуживает работа Мареева о природе экономических кризисов по Марксу [5].

Более трёх десятилетий связывали Сергея Николаевича с Московским государственным институтом культуры, куда он был приглашён для занятий с аспирантами по истории философии и философии науки, а позднее и с ассистентами-стажёрами по философии искусства. Помимо чтения лекций, проведения семинаров и приёма экзаменов, он активно участвовал в организации и проведении научных конференций, «круглых столов», публиковал свои работы в журнале «Вестник МГУКИ» и других научных изданиях МГИК. Совместно с супругой Е. В. Мареевой он издал авторский учебник по философии науки. В последнее время он начал работать над учебником по философии искусства, но, к сожалению, не успел его завершить.

На занятиях по истории философии Мареев умел показать, что история философской мысли несёт в себе предпосылки решения актуальных философских проблем, среди которых главной является проблема сущности человека, его мышления, идеального характера наших чувств. Зачастую экзамены превращались в своеобразный диспут, где аспирант свободно излагал

своё понимание проблемы, одновременно расширяя познания за счёт комментариев и дополнений, которыми делился в ходе экзамена Сергей Николаевич. Он неоднократно отмечал, что рассматривает экзамен как продолжение процесса обучения, и в ходе беседы умел объективно оценить уровень подготовки экзаменуемого. С. Н. Мареева отличало глубокое знание истории культуры, особый интерес к классической традиции в искусстве, что, наряду с его общенаучной эрудицией, особо привлекало к нему слушателей. Студенты технических вузов считали, что он окончил технический вуз, гуманитарии – гуманитарный.

Всею своей жизнью Сергей Николаевич доказал верность служению науке и исторической правде, преданность идеалу справедливости. Его стойкость духа и уважение к своему народу, глубочайшая эрудиция отражены в его книгах и, безусловно, навсегда останутся в памяти учеников и коллег. Многие из тех, кому довелось общаться с Сергеем Николаевичем, будут обращаться к его наследию, чтобы разобраться в истории философии, научной методологии, сути марксизма и ильенковской традиции в марксистской философии.

Примечания

1. Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955). Москва : Канон +, РООИ «Реабилитация», 2016.
2. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. Москва : Издательство АН СССР, 1960. 285 с.
3. Мареев С. Н. Гибель империи. Размышления над книгой (статья-рецензия) // Свободная мысль – XXI. 2018. № 3 (1 669). С. 206–217.
4. Мареев С. Н. Диалектика исторического и логического и конкретный историзм К. Маркса. Москва : Наука, 1984. 158 с.
5. Мареев С. Н. К. Маркс о природе экономических кризисов // Свободная мысль – XXI. 2009. № 4.
6. Мареев С. Н., Мареева Е. В. История философии (общий курс) : учебное пособие. Москва : Академический проект, 2004. 880 с.
7. Мареев С. Н. Октябрьская революция: роль народных масс и личности в истории // Политическое просвещение. 2017. № 6 (101). С. 28–44.
8. Мареев С. Н. Э. В. Ильенков и социализм // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 101–110.

9. Мареєв С. Н. Э. В. Ильенков: жить философией. Москва : Академический проект, Трикста. 2015. 326 с.
10. Мареєв С. Н. Экономическая теория Маркса и её критики : монография. 3-е изд., испр. и доп. Москва : [б. и.], 2018. 255 с. : табл.
11. Мареєва Е. В., Мареєв С. Н., Майданский А. Д. Философия науки : учебное пособие для аспирантов и соискателей. Москва : Инфра-М, 2010. 332 с.

References

1. Ilyenkov E., Korovikov V. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955) [Passion on theses on the subject of philosophy (1954–1955)]*. Moscow, Publishing house “Kanonplus”, 2016. (In Russian)
2. Ilyenkov E. V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v “Kapitale” Marksa [Dialectics of the abstract and the concrete in Marx’s “Capital”]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 285 p. (In Russian)
3. Mareev S. N. Gibel’ imperii. Razmyshleniya nad knigoy (stat’ya-retsenziya) [The death of the empire. Reflections on the book (review article)]. *Svobodnaya mysl’ – XXI [Free Thought – XXI]*. 2018, no. 3 (1 669), pp. 206–217. (In Russian)
4. Mareev S. N. *Dialektika istoricheskogo i logicheskogo i konkretnyy istorizm K. Marksa [Dialectics of historical and logical and concrete historicism of K. Marx]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1984. 158 p. (In Russian)
5. Mareev S. N. K. Marks o prirode ekonomicheskikh krizisov [K. Marx on the nature of economic crises]. *Svobodnaya mysl’ – XXI [Free Thought – XXI]*. 2009, no. 4. (In Russian)
6. Mareev S. N., Mareeva E. V. *Istoriya filosofii (obshchiy kurs) [History of Philosophy (general course)]*. Moscow, Publishing house «Academic Project», 2004. 880 p. (In Russian)
7. Mareev S. N. Oktyabr’skaya revolyutsiya: rol’ narodnykh mass i lichnosti v istorii [October revolution: the role of the masses and the individual in history]. *Politicheskoe prosveshchenie [Political Education]*. 2017, no. 6 (101), pp. 28–44. (In Russian)
8. Mareev S. N. E. V. Ilyenkov i sotsializm [E. V. Ilyenkov and socialism]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2004, no. 3, pp. 101–110. (In Russian)
9. Mareev S. N. *E. V. Ilyenkov: zhit’ filosofiyey [E. V. Ilyenkov: to live by philosophy]*. Moscow, Publishing house “Academic Project”, Publishing house “Triksta”, 2015. 326 p. (In Russian)
10. Mareev S. N. *Ekonomicheskaya teoriya Marksa i ee kritiki [The economic theory of Marx and its critics]*. 3rd edition. Moscow, 2018. 255 p. (In Russian)
11. Mareeva E. V., Mareev S. N., Maidansky A. D. *Filosofiya nauki [Philosophy of science]*. Moscow, Publishing house “Infra-M”, 2010. 332 p. (In Russian)

*

ЕРГЕЙ МАРЕЕВ

И ИЛЬЕНКОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10607

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры

Московская международная высшая школа бизнеса МИРБИС (Институт)

В статье анализируется трактовка последователем Э. В. Ильенкова С. Н. Мареевым его концепции идеального. Показано, как в ильенковской концепции идеального подвергаются переосмыслению буквально все понятия, которые входили в традиционное для «диамата» определение идеального – «субъективность», «отражение», «объективная реальность». Если Ильенков в статьях об идеальном в 1960–1970-х годах противостоял вульгарному материализму и эмпиризму в рамках советского «диамата», то Мареев уже в начале XXI века выступил на почве проблемы идеального против созерцательного материализма в лице Мих. Лифшица, полагая, что его онтогносеология также относится к «диамату» с метафизической версией теории отражения. Мареев раскрывал ильенковское понимание идеализации мира в трудовой деятельности человека, делая акцент на его исходном пункте, где идеальное находится в стадии становления. Уточняется трактовка Мареевым следяще-опережающего действия глаза в качестве исходной формы идеального.

Ключевые слова: концепция идеального, труд, всеобщие формы деятельности, культура, «объективные представления», «диамат», К. Маркс, Э. Ильенков, С. Мареев, Мих. Лифшиц.

Elena V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultery),

Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

Moscow International Higher Business School MIRBIS (Institute),

Marksistskaya str. 34/7, 109147, Moscow, Russian Federation

SERGEY MAREEV AND ILYENKOV'S CONCEPT OF THE IDEAL

The article analyzes the interpretation of E. V. Ilyenkov's concept of the ideal by his follower S. N. Mareev. It is shown how virtually all the concepts of the traditional "diamat" definition of the ideal – "subjectivity", "reflection" and "objective reality" – were reconsidered in Ilyenkov's concept of the ideal. In the 1960–1970th Ilyenkov opposed to vulgar materialism and empiricism within the framework of the Soviet "diamat" and at the beginning of the 21st century Mareev spoke against the contemplative materialism in the person of Mikhail Lifshits. Mareev believed that Lifshits's ontognoseology also

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, заведующая кафедрой общеобразовательных дисциплин Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС (Институт)

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – Full Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of social and philosophical sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Head of the Department of the General Subjects, Moscow International Higher Business School MIRBIS (Institute)

e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

© Мареева Е. В., 2019

refers to the “diamat” metaphysical version of the theory of reflection. Mareev explained Ilyenkov’s understanding of the idealization of the world in man’s labour, focusing on its starting point, where the ideal is formed. Mareev’s interpretation of anticipating action of eye as the initial form of the ideal is specified in the article.

Keywords: concept of the ideal, labour, universal forms of activity, culture, “objective representations”, “diamat”, K. Marx, E. Ilyenkov, S. Mareev, Mikh. Lifshits.

Для цитирования: Мареева Е. В. Сергей Мареев и ильенковская концепция идеального // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 58–70. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10607

В первой половине 1960-х годов, когда С. Н. Мареев, мало задумываясь над философскими вопросами, ещё служил матросом на Северном флоте, Э. В. Ильенков, будучи сотрудником Института философии АН СССР, принял участие в создании известной 5-томной «Философской энциклопедии». При подготовке второго тома Ильенков стал одним из её редакторов. Во втором томе энциклопедии, который вышел осенью 1962 года, представлено семь его статей, включая знаменитую статью «Идеальное». В результате разногласий Ильенков покинул коллектив энциклопедии. Но энциклопедическая статья «Идеальное» уже содержала в себе основные пункты ильенковской концепции идеального, которая была органична для всей его философии, но «выламывалась» из общего ряда текстов энциклопедии, выражающих общепринятую позицию в «диамате».

Начинается статья с банального определения идеального как «субъективного образа объективной реальности». Это выражение вошло в советскую философию из книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1908). И в качестве синонима сознания такое определение идеального, даже с некоторыми оговорками, как будто бы не предвещает беды. И тем не менее в этом тексте традиционная для «диамата» трактовка идеального подвергается радикальному отрицанию, начиная с того, что категорию иде-

ального нельзя отождествлять с сознанием, тем более с образами индивидуального сознания человека.

Уже после смерти Ильенкова в 1979 году в журнале «Вопросы философии» в двух номерах будет опубликована его статья «Проблема идеального», в которой позиция, заявленная в энциклопедической статье «Идеальное», уточняется и развивается. При этом определения идеального как субъективного образа объективной реальности здесь нет и в помине. Напротив, этот довольно большой текст начинается с констатации того, что категорию идеального мы обязаны определять в её всеобщем виде. И тогда оказывается, что это не субъективная, а объективная реальность, выражающая не индивидуальное, а общее в сознании, воле, переживаниях человека. Ильенков недвусмысленно относит идеальное к категории явлений, «обладающих особым рода объективностью, то есть совершенно очевидной независимостью от индивида с его телом и “душой”, принципиально отличающейся от объективности чувственно воспринимаемых индивидом единичных вещей, и была когда-то “обозначена” философией как идеальность этих явлений, как идеальное вообще» [6, I, с. 129].

В этом контексте рассуждения об идеальном как субъективном образе объективного мира оказываются выражением однобоко эмпирического подхода к проблеме,

где идеальное – собирательное понятие для разных проявлений психической жизни отдельного индивида. Интересно, что в модных в те времена исследованиях человеческой «субъективности» и, наоборот, поисках тайны сознания в нейрофизиологических глубинах мозга Ильенков видит общий методологический порок, когда «под “идеальным” понимается всё то и только то, что имеет место в индивидуальной психике, в индивидуальном сознании, в голове отдельного индивида ...» [6, I, с. 130].

В противоположность этой традиции, связанной с именами Локка, Беркли, Юма, Ильенков однозначно становится на сторону объективного идеализма в лице Платона и Гегеля, где идеальное не собирательное понятие, а философская категория для обозначения объективно существующего всеобщего, представленного (уже в трактовке марксизма) не в индивидуальном теле, а в теле культуры. Там, где у Маркса идёт речь об идеальном как материальном, пересаженном в голову человека, его субъектом является не индивид, а «общественный человек в единстве с тем предметным миром, посредством которого он осуществляет свою специфически человеческую жизнедеятельность» [5, с. 219].

Скептическое отношение к субъективности образов нашего сознания оппоненты Ильенкова истолковывают в духе психологической уравнительности и отрицания человеческой индивидуальности. Мол, тогда выходит, что все люди должны быть одинаковы. Но у Ильенкова, который различает понятия субъекта и субъективности, всё сложнее, поскольку он, вслед за Гегелем, различает существенное и несущественное в каждой личности, что на языке философии связано с категориями всеобщего и единичного. У известного австрийского психолога А. Адлера в книге «Наука

жить» мы читаем сакраментальное: так же, как невозможно найти на дереве два абсолютно одинаковых листа, невозможно отыскать двух одинаковых людей. Перед нами обыденная формулировка принципа дифференциации, сформулированного когда-то Г. Лейбницем. Адлер мерку единичного в природе напрямую прикладывает к индивидуальному в культуре. А на языке Гегеля указанная банальность означает, что несхожесть людей чаще всего выражается в их «дурной индивидуальности».

У Гегеля истинным предметом самопознания не могут быть неповторимые «изгибы человеческого сердца». Самопознание в таком тривиальном смысле может представлять интерес для отдельного индивида, но не для философии, для которой важна всеобщая моральная и интеллектуальная природа человека, как они представлены в содержании нашей воли. В ином случае самопознание «вырождается в самодовольное няньчанье индивидуума со своими, ему одному дорогими особенностями» [2, с. 7].

Иначе говоря, за утверждением субъективности нашего отношения к миру маячат те особенности индивида, которые лишь с большой натяжкой можно отнести к проявлениям нашей личности и даже характера. В таком контексте нелепо выглядит распространённое стремление втолкнуть в «дурную индивидуальность» и нашу биологическую дифференциацию всевозможные таланты, вплоть до гениальности. Хотя не только подлинный талант со своей самобытностью, но и любая полноценная личность требует для своего формирования и реализации освоения всеобщего содержания культуры.

Таким образом, риторикой рождения образов нашего сознания оказывается предметная деятельность, где люди обмениваются не только предметами, но и способностями

ми. «Идеальность, по Марксу, и есть не что иное, как представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности, – пишет Ильенков. – Или, наоборот, форма человеческой деятельности, представленная как вещь, как предмет» [6, II, с. 148]. В 1950–1960-е годы такой механизм взаимного саморазвития индивидов в качестве личностей характеризовали с помощью понятий опредмечивания и распрепредмечивания из марксовых «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Философы 1960-х годов из «круга Ильенкова», речь идёт в первую очередь о Г. Батищеве [1] и Ю. Давыдове [3], написали замечательные книги на эту тему в духе «творческого марксизма», но затем ушли от Ильенкова «осваивать» немарксистскую философию и социологию XX века.

Понятно, что так понятая деятельная природа образов сознания противоречит представлению о сознании как отражении, вплоть до копирования, чем грешил «диамат». Но и воссоздаваемый мир в таком случае мыслится не как внешняя природная реальность, а как «неорганическое тело» человека, где духовная культура – это не копии вещей, а опредмеченные «общественные представления». Как мы видим, в ильенковской концепции идеального подвергаются переосмыслению буквально все понятия, которые входили в традиционное для «диамата» определение идеального – субъективность, отражение, объективная реальность. Но в своей концепции Ильенков уходит также и от традиционной для советского «истмата» тощей абстракции «форма общественного сознания», наполняя представления об искусстве, науке, морали и пр. конкретным предметным содержанием.

Ильенков использует понятия «общественное сознание» и «общественное бытие». Но при этом именно книга, статуя,

икона, чертёж, золотая монета, царская корона, знамя – эти вполне осязаемые и зримые предметные формы – в концепции Ильенкова являются «объективными представлениями», выражающими схемы «коллективного разума» человечества. «Сюда входят, – пишет он, – всеобщие нравственно-моральные нормы, регулирующие бытовую жизнедеятельность людей, а далее и правовые установления, формы государственно-политической организации жизни, ритуально узаконенные схемы деятельности во всех её сферах, обязательные для всех правила жизни, жёсткие цеховые регламенты и т.д., и т.п., вплоть до грамматически-синтаксических структур речи и языка и логических нормативов рассуждения» [6, I, с. 138]. Но только ли в так понятой духовной культуре представлено у Ильенкова идеальное?

Дело в том, что в обоих текстах Ильенкова об идеальном – энциклопедической статье и большой журнальной – он рассматривает идеальность формы стоимости на материале «Капитала». Но как же так? Советский «истмат» признавал принципиальную границу между материальным базисом общества, его политической надстройкой и формами общественного сознания. И если идеальное представлено в духовной культуре, то его, в соответствии с азами «истмата», не может быть в материальном базисе – системе производства. Примерно так рассуждал в свое время один из исследователей ильенковской концепции идеального Питер Е. Джонс (Великобритания), который настаивал на том, что только область символических форм является собственной областью бытия идеального. В статье «Символы, орудия и идеальность у Ильенкова» он доказывает, что орудия труда в свете этой концепции не могут содержать ни грамма идеального [15].

Но сам Ильенков недвусмысленно указывал на идеальное за пределами духовной культуры и при этом подчёркивал: «Идеальность формы стоимости – типичнейший и характернейший случай идеальности вообще, и поэтому на марксовской концепции формы стоимости могут быть конкретно продемонстрированы все преимущества диалектико-материалистического взгляда на идеальность и на «идеальное»» [6, II, с. 150]. Здесь можно признать правоту А. Д. Майданского, который не согласен с указанной оценкой идеальности формы стоимости. Майданский пишет: «Понятие – это идеальное “в собственном соку”, идеальнее некуда. Безусловно, форма понятия в плане идеального бытия и чище, и типичнее, нежели форма стоимости. Типичнее хотя бы потому, что стоимостная форма отнюдь не всеобщая форма человеческих отношений» [10, с. 192].

Но главное в том, что Ильенков переступает здесь через очередную ограниченность официальной версии марксизма – абсолютную границу между базисом и надстройкой в «истмате», демонстрируя диалектику идеального и материального в процессе общественного производства. «“Идеальность”, – пишет Ильенков, – это своеобразная печать, наложенная на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью, это форма функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности. Поэтому-то все вещи, вовлечённые в социальный процесс, и обретают новую, в физической природе их никак не заключённую и совершенно отличную от последней “форму существования”, идеальную форму» [6, II, с. 148]. Но ильенковская концепция идеального будет понята неадекватно, если не признать исходным пунктом процесса идеализации человеком мира трудовую деятель-

ность человека, где идеальность представлена уже в форме орудия труда. И этот пункт выходит на первый план в разработке Мареевым ильенковской концепции идеального.

С. Н. Мареев познакомился с Ильенковым в 1971 году, когда пришёл к нему в Институт философии показать работу, посвящённую методу «Капитала». В своих кандидатской и докторской диссертациях он, и это не будет преувеличением, развивал самую сложную проблематику в творчестве Ильенкова, связанную с диалектикой абстрактного и конкретного, исторического и логического в методологии научно-теоретического мышления. А в обсуждение проблемы идеального Сергей Николаевич всерьёз включился только тогда, когда была издана книга Мих. Лифшица «Диалог с Ильенковым» (2003).

Через пять лет после публикации статьи Ильенкова «Проблема идеального», которая вызвала много критики, в том же журнале «Вопросы философии» появилась не менее интересная статья М. А. Лифшица «Об идеальном и реальном», в которой автор выдвигал ряд аргументов против ильенковской концепции идеального [8]. Но на первых порах ильенковцы не восприняли Лифшица как антипода Ильенкова в обсуждении этой проблемы.

В аннотации к книге «Диалог с Ильенковым», опубликованной через 20 лет после смерти Лифшица его учеником В. Г. Арслановым, отмечалось, что это одна из последних незаконченных работ выдающегося философа Михаила Лифшица, в которой он вступает в полемику со своим другом и единомышленником Эвальдом Ильенковым [9]. Последнее соответствовало действительности в свете их общего неприятия субъективизма в трактовке идеального и критики

модернизма в искусстве. К тому же в своё время Ильенкова и Лифшица связывали тёплые дружеские отношения.

Издание этой книги и других работ из наследия Лифшица усилиями В. Арсланова и Д. Гугова позволяло яснее представить позицию этого философа, которого ныне принято, наряду с Ильенковым, относить к советскому «творческому марксизму». А параллельно в рамках ежегодных «Ильенковских чтений» с участием Арсланова разворачивалась дискуссия о теории Лифшица, которую он назвал онтогносеологией. Со временем этот спор пошёл на убыль, и ряд ильенковцев до сих пор видят у Ильенкова и Лифшица больше сходства, чем различий. Но с Мареевым в данном случае всё было наоборот. Ещё более бескомпромиссную позицию в этом вопросе с самого начала в кругу ильенковцев занимал С. Н. Бычков.

В публикациях последних 15 лет, наряду с другими проблемами, Сергей Николаевич последовательно разбирался с методологическими основаниями онтогносеологии Лифшица, которую тот оценивал как «коперниковский поворот» в философии. Но Мареев считал, что здесь мы имеем дело не с продвижением вперёд, а с возвращением назад – к традициям домарксовского материализма. В свою очередь, Арсланов от имени Лифшица стал обвинять Ильенкова в отказе от марксизма в пользу неокантианства. Острые споры Мареева и Арсланова в итоге привели к разрыву их дружеских отношений.

С точки зрения Мареева, разногласия Ильенкова и Лифшица в их заочном споре упирались в фундаментальный вопрос о том, существует ли идеальное в природе или оно впервые возникает в мире культуры. Лифшиц, как и Ильенков, видел в идеальном не субъективную, а объективную реальность. Но Лифшиц признавал

идеальное в природе, отождествляя его с тем, что смогло реализовать в природном мире свою объективную меру. «Хочет этого наша мысль или не хочет, но она не может обойтись без таких образцов реализации всеобщего, – пишет он. – Мы называем кого-нибудь “истинным другом” или “истинным патриотом”, имея в виду, что они представляют собой реализацию определённого *perfectio* или идеала, в отличие от ложных друзей или мнимых патриотов, или, по крайней мере, не выраженных достаточно характерно, прегнантно, неясных, смутных, не дошедших до порога данной всеобщности» [8, с. 125]. Совсем другое мы читаем у Ильенкова. «Идеальность, – пишет он, – тем самым имеет чисто социальную природу и социальное происхождение» [6, II, с. 148]. А значит, идеального не может быть в природе, помимо коллективной деятельности людей, благодаря которой впервые порождается объективный мир культуры со своими законами.

Можно признать определённую правоту Лифшица, когда тот усматривает сходство позиции Ильенкова с неокантианцами, которые настаивали на том, что культура обладает объективностью особого рода. Но за этим сходством скрывалось существенное различие, на которое постоянно указывал Мареев. Всеобщность форм культуры в неокантианстве гарантируется сущью трансцендентализма, на почве которого, как не раз подчёркивал Сергей Николаевич, культуру в качестве объективной реальности впервые открыл Кант, а в марксизме то же определяется всеобщим характером практической деятельности человека.

Но в интерпретации Лифшица идеальное у Ильенкова занимает ещё более узкую нишу, поскольку в самой культуре совпадает с символическими формами. «Таким образом рождается идеальное, – констати-

рует он, имея в виду Ильенкова. – Оно существует там, где одно тело при всей его материальности, становится символом другого тела» [8, с. 122]. Что хочет сказать здесь Лифшиц? Если всеобщие формы культуры имеют деятельную природу, то идеальное рождается у Ильенкова из символической деятельности. Так, по мнению Лифшица, Ильенков возвращается к субъективизму в новом виде, вплоть до некоего «коллективного солипсизма».

По мнению Лифшица, своей деятельностью человек не столько созидает, сколько воспроизводит и, соответственно, лишь переносит идеальное с природы на культуру. «И откуда бы человеческий труд мог извлечь нечто идеальное, – отмечает он, – если бы он не был полезной общественному человеку стилизацией процессов природы?» [8, с. 123]. Таким образом, подчёркивает Мареев в статье в журнале «Studies in East European Thought» (2016), Лифшиц противопоставляет деятельностному решению вопроса о природе идеального у Ильенкова его созерцательное решение, поскольку лучшие образцы человеческого духа и культуры являются у него отражением идеального в природе, а худшее он относит к плодам творческой активности человека. Мареев пишет: «Если следовать этой логике, преобразуя в силу необходимости природу, человек улучшает своё материальное положение, тогда как его жизнь обретает идеальный смысл, когда мы приобщаемся к материальному миру “поверх” практики – в философии, науке и, прежде всего, в искусстве, воссоздавая идеальное содержание самого бытия. И из этого ясно, что никак не у труда, а именно у созерцания больше шансов решить проблему идеального» [16, р. 325].

Таким образом, если Ильенков в своих статьях об идеальном 1960–1970-х годов противостоял вульгарному материализ-

му и эмпиризму в рамках советского «диамата», то Мареев выступил на почве проблемы идеального против созерцательного материализма в лице Лифшица, полагая, что его онтогносеология также является версией советского «диамата» с метафизической теорией отражения. Возвращение к домарксовскому, по преимуществу французскому, материализму в решении основных философских вопросов Мареев связывал с линией Г. В. Плеханова в русском марксизме. По его мнению, признавая философский авторитет Плеханова, Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» критикует махизм, скорее, с позиций материализма вообще, а не собственно марксова материализма. Отсюда его сугубо негативное отношение к И. Канту и И.-Г. Фихте. И хотя в «Философских тетрадах» Ленина уже представлена критика Плеханова, а значит, в определённой степени и его самокритика, в «диамате» со временем победил созерцательный материализм с соответствующей ему теорией отражения, в которой истина рождается из копирования, а у Лифшица – из «стилизации» первоначальной природы.

В той же статье в журнале «Studies in East European Thought» Сергей Николаевич анализирует письмо Лифшица от 5 мая 1981 года, адресованное М. Г. Михайлову, где тот пишет об Ильенкове: «... Хотя он и воспринял от меня и Лукача немало, но, с другой стороны, особенно на последнем этапе сошёлся с психологами, которые в философии не разумеют. Они придумали понятие “деятельности”, которая играет у них такую же роль, как шишковидная железа у Декарта, то есть нечто среднее между духом и материей. Но такого нет, и деятельность тоже бывает либо материальная, либо духовная» [9, с. 330–331]. В этом личном письме выражено неприятие Лифшицем деятельностного подхода, который становил-

ся всё популярнее в позднесоветской философии. И с Лифшицем можно согласиться в том, что понятие деятельности в рамках этого подхода имело широкий и неопределённый вид, допуская самые разные версии от Э. Маркаряна до М. Кагана, Г. Щедровицкого и других. По сути, понятие «деятельность» превращалось в общее название для самых разных представлений. И в ту же компанию Лифшиц записывает Ильенкова, вместе с известным психологом А. Н. Леонтьевым, с чем, естественно, был не согласен Мареев, который предлагает различать абстрактное понимание деятельности и конкретное понятие труда, которое и составляет основание ильенковской концепции идеального.

В статье, опубликованной в сборнике издательства Brill «The practical essence of man: the “activity approach” in late Soviet philosophy» (2015), посвящённом деятельностному подходу, Мареев отмечает путаницу, связанную с понятием деятельности, причина которой в непродуманной методологии. Более того, во многих работах, и здесь им приводится книга известного методолога Э. Г. Юдина, абстрактным оказывается не только представление о деятельности, но и само понятие труда [14].

Методологически неверно, отмечает Мареев, выводить специфические формы деятельности из понятия «деятельность вообще». Исторически всем формам человеческой деятельности предшествует труд. «Труд есть конкретная и вместе с тем всеобщая форма деятельности, – пишет он. – Она всеобщая не в том смысле, что она выражает некоторые сходные черты всякой деятельности, а она является всеобщей в своей отдельности и конкретности. Гегель называл это конкретно-всеобщим, в отличие от абстрактно-всеобщего, которое является только сокращением, сокращённым

выражением для некоторого множества отдельных предметов определённого рода» [17, р. 97–98].

Чисто формально-логически, подчёркивает Сергей Николаевич, труд – один из видов человеческой деятельности, наряду с художественной, научной и пр. Родом при этом является деятельность, и через этот ближайший род труд определяют как целесообразную материально преобразующую деятельность в отношении природы. «Но исторически получается так, что один из видов деятельности становится своим собственным родом. И теперь различные виды человеческой деятельности могут рассматриваться как виды труда. В этом и состоит диалектическая трудность, потому что, с точки зрения формальной, тождество рода и вида – невозможная вещь, “парадокс”, противоречие. Именно эта трудность и не позволяет до сих пор выработать понятие деятельности. И труд просто формально подводится под понятие деятельности» [17, р. 102].

Ошибка Э. Юдина Мареев видит в том, что абстрактное понятие деятельности он относит к разряду *универсальных предельных* абстракций, которые позволяют постигать глубочайшие основания мира [14, с. 271]. Но действительная основа всегда конкретна. Иначе из неё логически ничего не выведешь. Под абстракцию можно только *подвести* какое-то множество явлений, но это не то же самое, что *вывести* [17, р. 98].

Как труд порождает разные виды деятельности – специальная проблема, которая решается по-разному в каждой предметной области. И трудность, заключается в том, пишет Мареев, что роли оборачиваются: *то, что было условием, становится обусловленным*. Труд, породив знаково-символическую систему, сам теперь организуется и направляется этой системой. Такое обо-

рачивание прослеживается и в порождении трудом идеального. И в этом же исток мистификаций философского идеализма.

До конкретного понимания деятельности, согласно Марееву, советская философия сумела прийти именно в лице Ильенкова, у которого идеальное уже в труде представлено в виде внутреннего образа, потребности, побуждения и цели человеческой деятельности.

Как совокупность осознаваемых и неосознаваемых всеобщих форм, определяющих в качестве цели и закона способ деятельности индивида, идеальное способно к трансформации. «Само собой понятно, – пишет Ильенков по поводу такой трансформации, – что процесс индивидуальной реализации идеального образа, то есть абстрактно-всеобщей формы общественно-человеческой деятельности, всегда связан с тем или иным “отклонением”, или, точнее, с конкретизацией этого образа, с его корректировкой в соответствии с конкретными условиями, с новыми общественными потребностями, с особенностями материала и т.п.» [5, с. 226]. Но как происходит не столько реализация готовой схемы, с её конкретизацией и корректировкой, сколько рождение самих всеобщих форм нашей жизнедеятельности, самого идеального?

Сергей Николаевич Мареев разворачивает ильенковское понятие идеализации действительности именно в этом направлении. Его интересует, как идеальное вшито в трудовую, материально-предметную деятельность. При этом он делает акцент на исходном пункте идеализации в труде, а значит, на продуктивной стороне труда, где идеальное находится в стадии становления. Как из труда рождается всеобщее, а не только нечто воспроизводится согласно заданной цели и образцу?

Мареев, вслед за Ильенковым, при характеристике идеального часто обращался к Платону, у которого мир идей – это образцы вещей. Но идеи Платона совершенны и вечны, а потому ремесленник, подражая им, всё же занят репродукцией. В анализе Платоном действий демиурга нет деятельного рождения идеального, хотя орудия труда присутствуют там, где идёт речь о природе геометрических форм.

Предпосылкой всех научных абстракций, подчёркивал Ильенков, является процесс абстрагирования в самом труде, где выделяются и обобщаются «чистые формы» и законы природы. И в этом смысле именно орудие труда оказывается исходной абстракцией человечества. Мареев был плотником, и самостоятельно построил из брёвен деревенский дом. А в 1980-е годы вместе с другом, тоже ильенковцем, Г. В. Лобастовым он читал курс лекций по методологии технического творчества. Суть творчества и становления идеального он чаще всего раскрывал на примере технических изобретений. Для него законы техники были основанием организации мира культуры. Таким образом, природу изобретения Сергей Николаевич осваивал практически и продумывал теоретически. Универсальная паровая машина двойного действия Джеймса Уатта, уточнял он, основана на действии законов природы, и тем не менее в природе такого нет, и не может быть. Эта машина – изобретение Уатта, но у такой творческой деятельности, в свою очередь, есть объективные законы, познаваемые, в частности, в методологии технического творчества [16, р. 322].

Одним из указанных принципов человеческой деятельности, повторял Мареев, является круг. От гончарного круга идут все круглые предметы, и для колеса круглая форма оказалась единственно возможной: квадратное колесо просто невозмож-

но. В этом смысле гончарный круг – практическое обобщение и выделение формы круга, которую, наряду с прямой линией, квадратом и пр., считают «правильной» геометрической формой. Но откуда взялось это «правило»?

Характеризуя рождение всеобщих форм деятельности человека в труде, а с ними идеального, Ильенков пишет в работе 1974 года «Гегель и герменевтика»: «При этом и возникает сложнейшее “полевическое” отношение между “деятельным всеобщим” и сопротивлением “особенности” неподатливого материала, между живой и “мёртвой” (абстрактной) всеобщностью и т.д., и т.п., поскольку активное действие вызывает противодействие, пассивность оборачивается активностью и т.д., “свое” – “иным”, а “иное” – “своим”» [4, с. 74]. Иначе говоря, рука должна считаться с формами и свойствами материала и, упираясь в их сопротивление, изменять форму своих действий, соотнося их с условиями и требованиями той «стихии», в которой они выполняются [4, с. 74].

Как это происходит, Мареев уточняет в полемике с В. М. Межуевым и А. Д. Майданским о материальном и идеальном, приводя пример, вслед за Ж. Деррида, с «Фалесом каменного рубила», у которого на изготовление этого орудия в его адекватной форме ушли тысячелетия – ранний палеолит, мезолит, поздний палеолит. Создание чего-то нового, тем более нового орудия труда, отмечает Мареев, «трудно представить человеку, который ни разу не брался изготовить себе вещь, для которой нет ни образца, ни типового проекта. Это делается путём множества пробных ходов, пробных ударов, когда от удара одним камнем по-другому ничего не откалывается, а при другом, более сильном ударе, отщеп получается неправильный. Сила и направление удара корректируются *результатом*. И то,

что получается как результат, оказывается и образцом» [11].

Большинству из тех, кто изучал «диамат», знакомо высказывание Маркса о том, что самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что прежде строит ячейку из воска в своей голове. Так обычно в «диамате» иллюстрировалась мысль о целесообразном характере человеческой деятельности. Трудовая деятельность, таким образом, представляла как материальное действие, соотносящееся с внешней идеальной целью как проектом будущей вещи. Тем самым от имени Маркса снимался с повестки дня вопрос о становлении самого идеального проекта. Труд лишался идеального как своего необходимого внутреннего момента. А идеальное утрачивало реальное предметное основание, превращаясь в произвольное субъективное построение.

Но Мареев ставит вопрос о становлении самой проективности внутри трудовой деятельности человека. Никакого архитектора с его проектом дома в голове – и на бумаге – никогда бы не было, отмечает он, если бы наш далёкий предок не строил поначалу без всякого «проекта». Другими словами, он «проектировал» в процессе самого строительства [11]. Изначально, отмечает Сергей Николаевич, трудовая деятельность сама себя ведёт, раздваиваясь внутри себя на два момента. Здесь он опять отсылает нас к Ильенкову, который писал о сотрудничестве руки и глаза, когда одно телесное действие корректирует другое. «Раздваиваются – в непосредственно очевидном виде, – пишет Ильенков, – вполне телесные действия: рука “идёт” по предмету, а глаз заранее – чуть впереди – идёт по предстоящим движениям руки изгибам (контурам, геометрии) внешнего тела» [7, с. 70]. Поэтому не только рука, добавляет здесь Мареев, но и глаз участвует в процессе деятельности. Так, фак-

туру древесины, пишет он, хорошо видит глаз столяра или плотника, потому что она должна учитываться при выборе инструмента и способа его применения. Именно «следающая» функция глаза, таким образом, оказывается идеальным моментом труда. И только затем глаз, научившись у руки, помогает нам проектировать «в голове». Человеческий глаз и человеческая голова формируются в процессе развития деятельности вплоть до того, что они становятся способными стать глазами и головой архитектора.

Приведённая цитата о рождении идеального из сотрудничества руки и глаза взята из текста Ильенкова, который был найден в его архивах и впервые опубликован в 1990 году под названием «Свобода воли». И о следающем действии глаза как начале идеального в труде он пишет в данном тексте по поводу освоения пространственной формы предмета, где глаз корректирует движение руки. Но как трансформируется указанная следающая и опережающая функция глаза, когда перед нами уже не внешняя пространственная форма вещи? Что происходит при создании элементарного орудия труда и выборе адекватного способа его применения?

В том же тексте о свободе воли Ильенков достаточно определённо формулирует мысль о том, что условием свободного действия человека не может быть освоение ближайших обстоятельств и траекторий движения. Свобода рождается из умения действовать «вопреки отклоняющим воздействиям ближайших обстоятельств, то есть “свободно” по отношению к ним, сообразуя действия с универсальной зависимостью (необходимостью), идеально выраженной в форме цели ...» [7, с. 73]. Идеальное, таким образом, только зарождается там, где речь идёт о воссоздании рукой пространственной формы (пример Ильенкова с геометрией внешнего тела) или обобщении глазом «ближай-

ших обстоятельств» труда (пример Мареева с фактурой древесины). Другое дело – создание орудия труда, в форме и устройстве которого освоены не внешние свойства, а законы природы, именно та «универсальная зависимость», благодаря которой труд и обретает свои всеобщие формы, становится «дейтельно всеобщим».

Тогда выходит, что следающее и опережающее движение глаза – лишь исходный пункт, который не будет адекватно понят, если мы не рассмотрим, как он вовлекается и погружается в процесс создания орудия путём проб и ошибок, когда идёт не подбор и корректировка адекватного материала и формы, но и рождение нового технического решения, которое в качестве адекватного может быть парадоксальным. Без помощи глаза руке здесь не обойтись. Ильенков, кстати, в той же статье о свободе воли, пишет, что слепоглохой пытается заменить действие глаза губами. Но глаз в поиске технического решения помогает руке в сопоставлении и пробном соединении того, что при этом ею активно преобразуется. И здесь начало трансформации работы глаза в идеальную деятельность воображения. Рука всё больше нуждается в деятельности воображения, где и происходит снятие ранних форм идеального в действии глаза. Иначе говоря, основа проективности в трудовом процессе – не корректировка и подбор решений и материала, а способность к выбору и пробам, поначалу случайным, а затем всё более осозанным и свободным. Не в переборе, а в выборе – начало «хитрости разума», синтезирующей из природного мира предметы культуры.

В заключении одной из статей Мареев отмечает, что именно конкретное понимание деятельности позволяло Ильен-

кову показывать, как труд порождает идеальное в форме цели деятельности, в форме идеи, красоты и нравственного чувства. По этому пути в работах о природе идеаль-

ного шёл сам Сергей Николаевич Мареев, что даёт повод для дальнейшего обсуждения его трактовки ильенковской концепции идеального.

Примечания

1. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / ред. коллегия: И. Ф. Балакина [и др.] ; АН СССР. Институт философии. Москва : Наука, 1969. С. 73–144.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 томах / [вступ. статья Е. Ситковского, с. 5–50]. Москва : Мысль, 1974–197. (Философское наследие / АН СССР. Институт философии). Том 3 : Философия духа. 1977. С. 7.
3. Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. Москва : Высшая школа, 1962. 132 с.
4. Ильенков Э. В. Гегель и герменевтика (проблема отношения языка к мышлению в концепции Гегеля) // Вопросы философии. 1974. № 8. С. 66–78.
5. Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия : в 6 томах / глав. ред. Ф. В. Константинов. Москва : Советская энциклопедия, 1962. Том 2 : Дизъюнкция-комическое. 1962. С. 219–227.
6. Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140 (I) ; Вопросы философии. 1979. № 7 С. 145–158 (II).
7. Ильенков Э. В. Свобода воли (к разговору о Фихте и свободе воли) // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 69–75.
8. Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.
9. Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым (проблема идеального). Москва : Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.
10. Майданский А. Д. Метаморфозы идеального // Идеальное: Ильенков и Лифшиц / под ред. Г. В. Лобастова. Москва : РГГУ, 2004. С. 185–196.
11. Мареев С. Н. Труд как единство материального и идеального [Электронный ресурс]. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/mater/snm.html>
12. Мареев С. Н. Э. В. Ильенков: жить философией. Москва : Академический проект, Трикста. 2015. 326 с.
13. Мареева Е. В. Проблема идеального: спор двух марксистов // Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В. И. Толстых. Москва : РОССПЭН, 2009. С. 215–240.
14. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. Москва : Наука, 1978. 391 с.
15. Jones Peter E. *Symbols, tools and ideality in Ilyenkov*. Available at: <https://www.marxists.org/subject/psychology/works/jones/ideal.htm> (In English)
16. Mareev Sergey (2016) Lifshits and Ilyenkov on the nature of the ideal. *Studies in East European Thought*. Volume 68, Issue 4, December, pp. 319–329. (In English)
17. Mareev Sergey (2015) Abstract and Concrete Understanding of Activity: ‘Activity’ and ‘Labour’ in Soviet Philosophy. Oittinen Vesa, Maidansky Andrey, eds. *The Practical Essence of Man: the ‘Activity Approach’ in Late Soviet Philosophy*. Boston, Historical Materialism. Book Series, volume 108, Brill, Leiden, p. 96–102. (In English)

References

1. Batishev G. S. Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskiy printsip [Activity essence of man as a philosophical principle]. In: Balakina I. F., etc., eds. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii [The problem of human in modern philosophy]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1969. Pp. 73–144. (In Russian)
2. Hegel G. V. F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. V 3 tomakh, tom 3 [Encyclopedia of Philosophical Sciences. In 3 vol., vol. 3]*. Moscow, Mysl Publishers, 1977. P. 7. (In Russian)

3. Davydov Yu. N. *Trud i svoboda [Labor and Freedom]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1962. 132 p. (In Russian)
4. Ilyenkov E. V. Gegel' i germenetika (problema otnosheniya yazyka k myshleniyu v kontseptsii Gegelya) [Hegel and hermeneutics (the problem of the relationship of language to thinking in Hegel's concept)]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1974, no. 8, pp. 66–78. (In Russian)
5. Ilyenkov E. V. Ideal'noe [The ideal], In: Konstatinov F. V. *Filosofskaya entsiklopediya, V 6 tomakh, tom 2 [Philosophical Encyclopedia. In 6 vol., vol. 2]*. Moscow, State Scientific Publishing House "The Soviet Encyclopedia", 1962. Pp. 219–227. (In Russian)
6. Ilyenkov E. V. Problema ideal'nogo [The problem of the ideal]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1979, no. 6, pp. 128–140 (I); no. 7, pp. 145–158 (II). (In Russian)
7. Ilyenkov E. V. Svoboda voli (k razgovoru o Fikhte i svobode voli) [Free will (to talk about Ficht and free will)]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1990, no. 2, pp. 69–75. (In Russian)
8. Lifshits M. A. Ob ideal'nom i real'nom [About perfect and real]. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 1984, no. 10, pp. 120–145. (In Russian)
9. Lifshits Mikh. *Dialog s Eval'dom Il'yenkovym (problema ideal'nogo) [Dialogue with Evald Ilyenkov (the Problem of the Ideal)]*. Moscow, Publishing house "Progress-Tradition", 2003. 368 p. (In Russian)
10. Maidansky A. D. Metamorfozy ideal'nogo (Metamorphoses of the ideal). In: Lobastov G. V., ed. *Ideal'noe: Ilyenkov i Lifshits [Ideal: Ilyenkov and Lifshits]*. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2004. Pp. 185–196. (In Russian)
11. Mareev S. N. *Trud kak edinstvo material'nogo i ideal'nogo [Labour as a unity of the material and the ideal]*. Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/mater/snm.html> (In Russian)
12. Mareev S. N. *E. V. Ilyenkov: zhit' filosofiy [E. V. Ilyenkov: to live by philosophy]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", Publishing house "Triksta", 2015. 326 p. (In Russian)
13. Mareeva E. V. Problema ideal'nogo: spor dvuh marksistov [The problem of the ideal: the argument of two Marxists]. Tolstakh V. I., ed. *Eval'd Vasilyevich Ilyenkov*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2009. Pp. 215–240. (In Russian)
14. Yudin E. G. *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti. Metodologicheskie problemy sovremennoy nauki [System approach and principle of activity. Methodological problems of modern science]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS. 1978. 391 p. (In Russian)
15. Jones Peter E. *Symbols, tools and ideality in Ilyenkov*. Available at: <https://www.marxists.org/subject/psychology/works/jones/ideal.htm> (In English)
16. Mareev Sergey (2016) Lifshits and Ilyenkov on the nature of the ideal. *Studies in East European Thought*. Volume 68, Issue 4, December, pp. 319–329. (In English)
17. Mareev Sergey (2015) Abstract and Concrete Understanding of Activity: 'Activity' and 'Labour' in Soviet Philosophy. Oittinen Vesa, Maidansky Andrey, eds. *The Practical Essence of Man: the 'Activity Approach' in Late Soviet Philosophy*. Boston, Historical Materialism. Book Series, volume 108, Brill, Leiden, p. 96–102. (In English)

*

СЕРГЕЙ МАРЕЕВ О ТРУДОВОЙ ПРИРОДЕ СОЗНАНИЯ

Работа поддержана грантом РФФИ, проект № 20-011-00646а
«Советская философия сознания 1950–1980-х годов:
концепции, гипотезы, споры»

УДК 165.12

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10608

А. Д. Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В трудах профессора С. Н. Мареева получила дальнейшее развитие культурно-историческая теория сознания, созданная советскими психологами школы Л. С. Выготского. Философские принципы этой теории начал разрабатывать учитель Мареева – выдающийся советский философ Э. В. Ильенков. Центральный её постулат гласит, что субъектом сознания является общество. Сознание возникает как форма общественного труда и представляет собой отражение в человеческой психике процесса производства материальной жизни. Предметом сознания является не природа как таковая, а природа, преобразованная человеческой деятельностью, трудом. В статье исследуется вклад С. Н. Мареева в развитие советской философии сознания, предложенное им определение специфики человеческого сознания в сравнении с психической деятельностью животных.

Ключевые слова: сознание, советская философия, Ильенков, Выготский, Спиноза, труд, идеальное, знак, язык, превращённая форма.

Andrey D. Maidansky

Belgorod State National Research University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Pobedy st., 85, 308015, Belgorod, Belgorod Region, Russian Federation

SERGEY MAREEV ON THE LABOUR NATURE OF CONSCIOUSNESS

The cultural-historical theory of consciousness, having created by Soviet psychologists of L.S. Vygotsky school, attained its further development in the works of S. N. Mareev. It was Mareev's teacher, an outstanding Soviet philosopher E. V. Ilyenkov, who first began to elaborate the philosophical principles of this theory. Its central postulate states that the subject of consciousness is society. Consciousness arises as a form of social labour, it is a reflection of the process of material life production in human psyche. The object of consciousness is not nature as such, but the nature transformed by human activity, viz. by labour. This article investigates S. N. Mareev's contribution into the development of the Soviet philosophy of consciousness and his definition of the specificity of human consciousness in the comparison with the psychical activity of animals.

Keywords: consciousness, Soviet philosophy, Ilyenkov, Vygotsky, Spinoza, labour, the ideal, sign, language, converted form.

МАЙДАНСКИЙ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ассоциированный сотрудник Института философии Российской Академии наук, ORCID: 0000-0003-2061-3878

MAIDANSKY ANDREY DMITRIEVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, the Belgorod National Research University, Scientific Associate at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0003-2061-3878

e-mail: meotian@rambler.ru
© Майданский А. Д., 2019

Для цитирования: Майданский А. Д. Сергей Мареев о трудовой природе сознания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 71–81.
DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10608

В последние три десятилетия своего существования советская философия пережила удивительный взлёт. Казалось, сталинский «ледниковый» период убил на этом острове всё живое. Но не успел «отец народов» сойти в мавзолей, как философия ожила, и откуда ни возьмись появилась плеяда молодых, ярких мыслителей. В пору «оттепели» им думалось, что теперь-то социализм повернётся наконец лицом к человеку... Однако прав опять оказался Гегель, заметивший, что расцвет философии – это всегда *предвестие конца*: Мировой дух исполнил свою работу, настает время окинуть содеянное взором философа и запечатлеть в сознании «серым по серому», прежде чем эта реальность (в нашем случае – лагерь социализма) навсегда канет в Лету.

Взлетевшая над страной Советов сова Минервы угнездилась неподалёку от Красной площади, в квартире Эвальда Ильенкова. До философского факультета, на улице Моховой, ей оттуда было крылом подать. Там работал цвет отечественной психологии – А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, П. Я. Гальперин, и учились молодые люди, которые вскоре станут задавать тон в *советской философии сознания*: пока ещё ильенковцы Г. С. Батищев, В. М. Межуев, Э. Ю. Соловьёв, будущий ильенковец Ф. Т. Михайлов и примыкавший в то время к «логическому кружку» М. К. Мамардашвили.

Сергей Николаевич Мареев принадлежал к новой ильенковской волне, конца 1960-х годов, и всю свою жизнь в философии продолжал дело учителя. По натуре они были непохожи. Мареев характеризовал душевный склад Ильенкова гегелевским вы-

ражением «разорванное сознание». Не в том смысле, в котором этот «гештальт» фигурирует в «Феноменологии духа», – не в смысле племянника Рамо, а имея в виду обычное для Ильенкова «состояние внутреннего смятения, как будто все болячки мира отзывались острой болью в его душе» [10, с. 26]. Тем, кто ставит это в упрёк философу, Мареев отвечал словами Гегеля: заштопаный чулок лучше, чем разорванный, но о сознании так сказать нельзя. «Человек, который живёт в разорванном мире и открыт этому миру, не может не разрываться» [10, с. 48]. (На самом деле – может, и Мареев лично это продемонстрировал: в нашем разорванном мире, посреди руин милого сердцу социализма Сергей Николаевич сохранил натуру неунывающую и целеустремлённую – до последних дней жизни.)

В школьной марксистско-ленинской философии, с которой Мареев познакомился на университетской скамье, надвое распалась *теория* сознания: в курсе истмата у сознания имелся предикат «общественное», оно понималось как «отражение общественного бытия» и конкретизировалось как сознание классовое – пролетарское, буржуазное и т.д.; а в курсе диамата сознание представало как функция мозга, копирующего / фотографирующего «материю» внешнего мира при помощи органов чувств (Ленин плюс Иван Павлов). В первом случае субъект сознания – *общество*, во втором – кора головного мозга, дарованная человеку *природой*.

Истматчиков и диаматчиков эта антиномия не смущала. В гносеологическом аспекте сознание – то, а в социально-историческом – сё. Зависит от угла зрения. Как

посмотреть. Самые храбрые заходили ещё дальше: с одной стороны, сознание *идеально*, если иметь в виду присущую ему «психическую форму» и «сознаваемое содержание»; а с другой стороны, сознание *материально* – если иметь в виду заведующие им «нейроструктуры» и объективную реальность, в нем отражённую [см.: 14, с. 74]. Такого рода дуализм и релятивизм И. С. Нарский именовал «диалектическим подходом» к сознанию, Мареев же называл «раздвоением сознания».

Мареев бился за монистическое, а конкретнее – *культурно-историческое*, понимание сознания в духе Ильенкова и школы Выготского. Субъектом сознания является общество, «общественный человек», и возникает оно, сознание, *в актах общественного труда* – как отражение в человеческой психике процесса производства материальной жизни. «Можно сказать и так: труд есть человеческое бытие, а сознание может быть только “отражением” этого бытия», – пишет Мареев [11, с. 329].

Как так? Ребёнок ведь обретает сознание задолго до того, как приступает к трудовой деятельности. Не значит ли это, что сознание *предшествует* труду? Подобного рода иллюзия возникает оттого, что сознание и труд рассматриваются как индивидуальные, а не общественно-исторические процессы. Маркс называл такой абстрактный взгляд на вещи «робинзонадой».

Труд создаёт человека с первых дней его, пока ещё бессознательной, жизни. Над телом и душой новорождённой особи рода *hoto трудятся* не только мать, семья, но и все те, кто создаёт необходимые для жизни вещи, предметы культуры – пелёнки, игрушки, детское питание и много чего ещё. Каждый из нас становится человеком благодаря труду тысяч абсолютно незнакомых людей – включая и живших давным-давно

предков, оставивших свой трудовой след в культуре. А повзрослев, мы, в свою очередь, начинаем трудиться для других.

В какой момент общественного трудового процесса возникает сознание? Такая *конкретная* постановка проблемы в научной психологии. Мареев психологом не был и не пытался предлагать собственное решение, но у него был острый глаз философа-диалектика, позволявший выявлять и критически точно оценивать *логику* размышлений психологов. В последние годы жизни он издал книгу «Л. С. Выготский: философия, психология, искусство» (Москва : Академический проект, 2017), в которой центральное место было отведено проблеме сознания.

Хорошо известно, какое огромное, определяющее значение в процессе формирования сознания, человеческой психики Выготский придавал речи, слову и знакам вообще. На этом основании иные комментаторы, в порядке высокой похвалы, поспешили объявить Выготского творцом «семиотической теории культуры» (Вяч. Вс. Иванов)¹; другие же, как Д. Д. Благой, А. В. Брушлинский и В. А. Поликарпов, А. В. Сурмава, строго осудили «семиотический подход» и «знакоцентризм» Выготского. Ему инкриминировалось превращение мышления в «функцию речи», «оттеснение или иногда подмена мышления речью» [1, с. 14, 20]. Это при том, что Выготский постоянно подчёркивал разность «генетических корней» мышления и речи, заявлял, что «речевое мышление не исчерпывает ни всех

¹ См. его «Очерки по предьстории и истории семиотики», глава 8: «Путь Л. С. Выготского к семиотической теории культуры» [6, с. 747–755]. Тем самым Выготский толкуется как предтеча тартуской школы Ю. М. Лотмана (последний, стоит отметить, называл свой подход культурно-исторической психологией). К этой школе принадлежал и сам Вячеслав Иванов.

форм мысли, ни всех форм речи» [2, с. 108], и даже проводил специальные исследования *неречевого мышления* – «практического интеллекта»!

Да что говорить об этих горе-читателях, если ближайший сотрудник и друг Выготского А. Н. Леонтьев, критиковал его за «словоцентризм системы» [8, с. 23–24]. Известно, как тяжело Выготский переживал идейный разлад с Леонтьевым.

А вот Мареєв разглядел «у Выготского ... понимание речи как *превращённой формы труда*» [12, с. 6] (курсив наш. – А. М.). Это намного более верное и умное марксистское прочтение. При этом не требуется какая-то утончённая герменевтика. Сам Выготский сравнивал знак с орудием труда, рассматривая труд и «сигнификацию» как две разновидности «опосредующей деятельности». Термин «опосредствование» (*Vermittlung*) он взял от Гегеля, согласившись, что это – «самое характерное свойство разума» [2, с. 296].

В «Трактате об усовершенствовании разума» Спиноза уподоблял формирование идей трудовому процессу – кованию железа молотом. Выготский идёт по стопам любимого философа, уподобляя орудиям – знаки (слова языка, прежде всего, но далеко не только слова). Как с помощью плуга люди пахут землю, так с помощью знаков они «вспахивают» психику, свою и чужую. Посредством орудий труда совершается овладение внешней природой, посредством знаков – овладение своим собственным поведением и психикой. Слово есть «орудие поведения» [3, с. 106].

Выготский приводит цитату из пятой главы «Капитала» Маркса, где говорится, что воздействие на природу и на самого себя – это две стороны одного и того же акта труда: в процессе «очеловечения» внешнего мира совершенствуется и сам субъект труда,

трудящийся человек. Он развивает в себе способности, «дремлющие силы» (в том числе ум-разум и все остальные высшие психологические функции) и «подчиняет игру этих сил своей собственной власти». Тем самым человек «изменяет свою собственную природу», – пишет Маркс [13, с. 188].

Ровно то же самое, только иным способом, делает и язык, *речь*. Поэтому Мареєв прав, усматривая в речи «превращённую форму труда». Пусть это не буквальная передача мысли Выготского, зато логике его позиции эта формула описывает превосходно.

В каком смысле эта форма – *превращённая*? Термин *Verwandelte Form* – прямым из «Капитала». Деньги Маркс называет «превращённой формой товара, или его золотой куколкой» [13, с. 141]. Здесь «превращённая» означает «идеализованная, отражённая, представленная в чём-то ином». Как деньги – идеальный товар (а товар, напомним, не что иное, как «овеществлённый труд»), так знаки вообще, в том числе и слова, суть идеализованные формы (схемы) общественного труда, обособившиеся от этой своей «субстанции». Словами тоже часто спекулируют и тратят их впустую, слова бывают фальшивыми, как и деньги. Язык – это своего рода «рынок» общественного сознания, где совершаются акты *семантического обмена*, а функцию денег, «всеобщего эквивалента», выполняют слова.

Акт сознания всегда опосредствован знаками – в этом состоит *differentia specifica* сознания в сравнении с психической деятельностью животных. Сознание *обменивает* образы чувств и идеи мышления на знаки (фонемы, числа, ноты и пр.), и наоборот. Процессы сознания невозможны без такого языкового обмена.

Что же *отражается* в сознании, каков его предмет? Старый материализм отвечал:

природа. Исторический материализм, пишет Мареев, вносит поправку: не природа как таковая, а природа, преобразованная человеческой деятельностью, трудом. Это уже не натура, а *культура*, где всякая вещь имеет общественное значение, в каждой – «опредмечено», запечатлено трудом то или иное человеческое отношение. Посему в сознании отражается «не внешний человеку мир природы, а мир *человеческих отношений*, мир самого человека. Иначе говоря, здесь человек отражает *сам себя*» [11, с. 71].

Непосредственно человек сам себя отразить не может, для этого необходимо зеркало, хотя бы мутное и кривое. Таким зеркалом для него становится *другой* человек (во плоти или же в созданных его трудом предметах культуры). «Поэтому сознание человека не может быть не общественным», – заключает Мареев [11, с. 71].

По сути своей сознание есть *общественное отношение* людей друг к другу. Суть эта схвачена уже в самом слове «со-знание», совместное знание (калька с латинского *conscientia*, а то, в свою очередь, – с греческого *syneidos*).

Мареев выделяет и другой, *рефлексивный*, момент сознания: «*Знание о знании и есть со-знание*: я не просто знаю, но и знаю о том, что я знаю. И такое знание, соответственно – сознание, возникает и может возникнуть только в труде, в котором я должен знать не только предмет, но и то, как и при помощи чего я должен *действовать* с этим предметом. А потому мы осознаём и запоминаем только ту часть действительности, которая непосредственно втянута в нашу деятельность. И мимо нашего сознания проходят предметы, которые только *отражаются* в наших органах чувств» [11, с. 228–229].

Здесь сделана существенная поправка к «ленинской теории отражения», как её тол-

ковал диамат: осознаётся (то есть включается в работу сознания, обмениваясь на знаки и, тем самым, превращаясь в «феномен» сознательного опыта) та и только та часть отражаемого психикой мира, которая имеет значение для осуществления человеческой деятельности. Всё прочее – а это на порядок больший объём поставляемой чувствами «информации» – выпадает в бессознательный «осадок», хранящийся в низших отделах памяти.

Это ни в коей мере не открытие Мареева. Он лишь чётко сформулировал постулат «деятельностного подхода» к пониманию сознания. Правда, Мареев почему-то считал (ничем не подкрепив это своё суждение), будто у Выготского «почти не представлена *деятельностно-практическая* природа человеческого сознания. И как раз эту сторону, недостающую сторону, развивали психолог Леонтьев и философ Ильенков» [11, с. 236–237].

Автор этих слов игнорирует и фаустовскую максиму «В начале было дело», которую без конца твердил и комментировал Выготский, и те «инструментальные» психологические исследования, которые он со своими сотрудниками (в их числе был и Леонтьев) проводил во второй половине 1920-х годов. Мало того, Мареев словно забывает о том, как сам нашёл у Выготского «понимание речи как превращённой формы труда»...

Другой вопрос, который обходит вниманием Мареев: как развивалась, эволюционировала деятельностная концепция Леонтьева? На состоявшейся в 1969 году в квартире Лурии внутренней дискуссии П. Я. Гальперин, например, утверждал, что за четверть века после смерти Выготского от понятия деятельности осталась лишь «словесная тень».

«Природа самой психической деятельности по-прежнему оставалась неизвест-

ной, и поэтому, несмотря на все разговоры об осмысленной деятельности субъекта, для объяснения этих психических процессов сплошь и рядом обращались к физиологическим процессам. Разве не характерно, что все исследования, которые сегодня ведутся под руководством Алексея Николаевича [Леонтьева], ориентированы на исследование физиологических процессов: в области восприятия, в области эмоций, стресса и т.д. ... Если мы будем продолжать эту линию исследования, которая продолжалась и 50-е, и все 60-е годы, то мы придём только к тому, к чему мы уже, собственно говоря, пришли, то есть что понятие деятельности совершенно выхолощено» [9, с. 329–330] (курсив наш. – А.М).

Заметьте, это говорит в лицо Леонтьеву не противник со стороны, не Брушлинский какой-нибудь, а ближайший соратник, с которым они бок о бок работали все эти годы...

В отличие от психологов, наследников Выготского, Мареев не любил обсуждать разногласия между «своими» – по гамбургскому счёту, и вообще уклонялся от острой полемики с людьми, которых он уважал. Так, лишь в конце жизни Сергей Николаевич решил всё же разобраться в споре Лифшица с Ильенковым по проблеме идеального. А спор о «мыслящем теле», генерирующем «идеи» движением по контурам внешних тел [9], до конца старательно обходил стороной.

Меж тем обе эти дискуссии имеют самое прямое отношение к философскому решению проблемы сознания. Ведь сознание – *идеально*, это мой персональный участок *мира идей*, посему приходится как-то решать вопросы, откуда берутся идеи и какова природа идеального вообще.

Генеральная позиция, на которой Мареев стоял, как Лютер, скалою: идеальное рождается в процессе материально-прак-

тического преобразования мира, или, попросту говоря, в труде. А труд никак не сведёшь к сканированию контуров внешних тел движением собственного тела (руки, глаза и т.д.). И уж тем более не выведешь из подобного рода движений человеческое сознание. Когда Мареев это осознал, он решил доработать понятие «мыслящего тела».

Поначалу, во «Встрече с философом Ильенковым» (1997), он обратился к примеру, который казался ему отличным аргументом *ad oculos* в пользу ильенковского «Спинозы».

«Слепоглухонемая девочка¹ прогуливалась вдоль оврага с воспитателем, а затем, придя домой, вылепила тот овраг из пластилина. Этим самым она подтвердила, что она получила «адекватную идею» оврага. Как она его воспринимала? Через «состояния своего тела»! То есть совершая движение – вполне телесное движение, по контуру вещи вне её тела. Оказывается, так же, как «овёс растёт по Гегелю», окружающий мир человек познает «по Спинозе»!» [10, с. 85–86].

Если чувственный образ оврага, полученный девочкой в ходе прогулки, «нащупанный» движением ног, и есть *идея*, то при чём тут, собственно, *труд*? Подобных «идей» у любого животного сколько душе угодно. Это, кстати, ясно видел Ильенков: «Действия животных, особенно высших, также подходят, хотя и в ограниченной степени, под спинозовское определение мышления» [5, с. 34–35].

Сие определение познания «по Спинозе» *стирает принципиальную разницу* между специфически человеческой (идеальной) и животной психикой, проделывая ровно то же, что Иван Павлов и бихевиористы, хотя и более утончённым способом: вместо рефлексов и «церебральной архитекто-

¹ Юлия Виноградова, воспитанница выдающегося дефектолога И. А. Соколянского.

ники» – пространственные передвижения по контурам. Но итог один – *натуралистическое* понимание процесса производства идей, элиминирующее труд и создаваемый им мир культуры, истории, общественных отношений.

Спиноза, конечно, не дошёл до понимания культурно-исторической природы сознания, идей, но и не опускался до *соматического материализма*: мышление есть «лишь свойство, предикат, атрибут ... тела» [5, с. 23]. Это уже просто Гоббс какой-то...

Впрочем, Спинозе не привыкать, ему ещё не так доставалось. Ильенков, по крайней мере, желал ему добра, искренне – как медведь пустынною. Куда грустнее история о том, как наследники Ильенкова приняли взгляды его «Спинозы» за марксизм, упустив из виду поправку в финале очерка: «Но и этого мало, добавил Маркс. По Марксу, с необходимостью мыслит только природа, достигшая стадии общественно производящего свою жизнь человека, природа, изменяющая и осознающая сама себя в лице человека ... Труд – процесс изменения природы действием общественного человека – и есть “субъект”, коему принадлежит “мышление” в качестве “предиката»» [5, с. 54].

Вот-те и «мыслящее тело», товарищ. Чтобы начать мыслить, недостаточно уметь двигаться по контурам внешних тел. Этого мало! Так заявляет Ильенков устами Маркса. Пока тело не научилось *трудиться*, никакого мышления, сознания, идей и ничего идеального вообще нет и быть не может.

Когда понятие «мыслящего тела» сделалось предметом полемики, довольно ожесточённой, Мареев скорректировал свою трактовку случая с оврагом. Да, животное тоже способно воспроизвести движением своего тела контур оврага, но вот *смоделировать* этот контур под силу лишь челове-

ку. «Слепоглухая девочка *идеально* отразила контур оврага не тогда, когда она двигалась вдоль оврага, так может двигаться и животное, а тогда, когда она *вылепила контур* оврага из пластилина, чего уже не сможет сделать никакое животное» [12, с. 265] (курсив наш. – А. М.).

Иными словами, когда Юля «ощупывала» овраг ногами, она действовала так же, как какой-нибудь суслик неподалёку, в результате чего у обоих сложился *чувственный образ* оврага. Вылепив же модель оврага, Юля превратила тот образ в *феномен сознания*. Искусственный, пластилиновый образ *идеален*, в отличие от натурального психического образа оврага (который Мареев, судя по всему, счёл *материальным*).

Отметим, что идеальный образ оврага был создан *рукой*, а не ногой, как образ натуральный. Без работы руки не могло бы возникнуть *сознание*. «И если бы у нас вместо рук были копыта, как заметил кто-то из французских материалистов, то мы бы до сих пор только бегали вдоль оврага и щипали травку» [12, с. 265]¹.

Мареев пишет, что, разработав понятие идеального, Ильенков «снял Спинозу» – развил его мысль на более высокой ступени, показав разницу между мышлением человека и животного, поскольку у самого Спинозы эту разницу «трудно понять».

Не знаю, что тут такого уж трудного. Спиноза иллюстрировал искомую разницу примером «глупейшего осла», умирающего от голода между двумя охапками сена. Животное действует под давлением слепых аффектов, а человек – «вещь мыслящая» – способен действовать разумно, руководствуясь чистыми идеями («идеальным», сказал бы Ильенков). Правда, люди часто ведут себя как ослы, а есть ещё малые дети и умали-

¹ Слова из книги Гельвеция «Об уме».

шённые, оговаривается Спиноза. Так что «Аристотель сильно ошибся», определив человека как «разумное животное». Многие люди живут неразумно, в «рабстве страстей». Но человек всё же способен действовать *согласно идее*, что и позволяет назвать его «вещью мыслящей», в отличие от ослов и других зверей.

Оставив притязания «снять Спинозу», вернёмся к нашему примеру. Мареев совершенно верно прочертил разницу между натуральным и идеальным образом оврага: второй представляет собой «отражение» первого в работе руки. Идеальный образ всегда *рукотворен, искусствен и представлен в предметной форме* – например, в пластилине, а не только в структурах действующего тела. Сознание имеет дело с «определёнными» образами вещей; нужда в сознании, собственно, и возникает там, где требуется «распредметить» искусственно созданную вещь. Природные чувства заточены под восприятие «натуры», в то время как сознание служит для ориентации в мире культуры. Сознание позволяет видеть идеальное в вещах, улавливать их культурные значения и назначения, скрытые от глаза, уха и прочих природных органов чувств. Можно назвать сознание «шестым чувством», но точнее было бы определить сознание как культурный «модус операнди» пяти наших природных чувств.

Среди недавно опубликованных архивных материалов Ильенкова есть текст лекции об идеальном, прочитанной им в 1968 году. Случай с оврагом толкуется в ней иначе, чем у Мареева.

Ильенков отмечает, что психический образ оврага представляет собой *схему деятельности*, конкретнее – способ построения траектории движения тела в соответствии с геометрической формой оврага. Эта схема действия и запечатлевается «внутри»

Юли, в нервно-мышечной структуре её тела, обеспечивая память о прошлых действиях. «Тут видна глубокая правота мысли Фихте, который подчёркивал, что память человека сохраняет в себе не “*вещи*”, а *способ построения этих вещей*» [6, с. 103].

Со времён Фихте утекло много воды, и в психофизиологии эта истина успела стать общим местом. Можно добавить, что и геном представляет собой не что иное, как набор схем деятельности, или «норм реакции» на внешние раздражители (а не набор признаков, как часто думают профаны). В течение жизни эти схемы по мере надобности включаются в текущую работу тела, модифицируясь в соответствии с конкретными условиями среды.

Фиксация схемы передвижения своего тела в овраге позволяет Юле при желании воспроизвести геометрический контур оврага. «При этом безразлично, – прибавляет Ильенков, – выполнит она этот контур реальным движением своего тела, то есть реальным действием своего тела в реальном пространстве, или же только движением руки, оставляющей след в пластилине. Во втором случае она и выполнит то, что на модном кибернетическом языке называется *моделью*» [6, с. 102–103].

По Марееву, это далеко не безразлично. *Идеальное*, в теоретически строгом смысле слова, возникает лишь во втором случае – в процессе создания пластилиновой модели оврага. Воспроизвести схему действия, запечатлённую в собственном органическом теле, способно любое животное и даже растение¹. В такой «репродукции», по-

¹ Помимо врождённых норм реакций у растений имеются и аналоги памяти. Так, белковая «память» выполняет защитную функцию, позволяя растениям вырабатывать устойчивость к абиотическим стрессам, возникающим в экстремальных условиях (например, в случае засухи) [см.: 15; 16].

вторении пройденного, нет ровным счётом ничего идеального.

Иное дело – построение предметной модели действия. Это специфически культурный акт, который Гегель именовал «овнешнением» (*Entäußerung*), то есть отделением схемы действия от действующего тела и запечатлением её в материале внешней природы, в частности – в контурах пластилиновой фигурки. Тем самым Юлин образ оврага, схема её действия, открывается и для других людей, превращаясь в предмет *общения*, а вылепленная фигурка обретает *значения*. Работа руки свершила *обмен образа на знак* – в чём, как мы видели, и состоит функция сознания.

Создав пластилиновую модель оврага, Юля произвела элементарный художественный акт, переступила порог особой сферы *общественного сознания* – искусства. Другой воспитанник Загорского интерната Юрий Лернер вылепил гипсовый бюст своего учителя А. И. Мещерякова – отлитый в бронзе, он установлен на могиле Александра Ивановича.

Рука зажигает искру сознания, а сознание в ответ поставляет руке идею. Так работа руки, ранее подчинявшаяся лишь органической потребности и аффектам, делается *осознанной*, или, что то же самое, *культурной*.

В процессе осознания какого-либо действия совершается *раздвоение субъекта*, замечает Мареев. «Чтобы сознавать себя, я должен раздвоиться в самом себе на себя и своё иное. Сознание – это сугубо *рефлексивная* форма, которая не может возникнуть в природе, а может возникнуть только в *обществе* ... У ребёнка сознание ещё не развито, не потому что мозг ещё “маленький”, и не потому, что он не вырос, а потому что он ещё *не врос* полностью в систему человеческих отношений» [11, с. 99].

Много места в книге Мареева отведено критике редукции сознания к процессам, протекающим в головном мозге. Такого рода критика – занятие не самое трудное: дорога проторена вдоль и поперёк ещё Ильенковым, в позициях неприятеля – дыра на дыре, осталось решить, как его убедительнее сразить. И противникам несть числа, хочешь – И. П. Павлова критикуй, хочешь – М. И. Чуприкову.

«Понятно, что любую психическую функцию можно свести к каким-то механизмам мозга. При любом восприятии, переживании, мышлении, воспоминании и т.д. в голове что-то “шевелится”. И можно сказать, что за данную психическую функцию отвечают именно эти механизмы мозга. *Свести-то можно!* А вот можно ли *вывести?* ... Никакое самое тщательное исследование указанных механизмов ничего нам не скажет о своеобразии человеческих переживаний, об их *смысле* и *значении* в человеческой жизни, которая именно этим отличается от жизни животных и растений. Смыслы и значения – это *идеальные образования*» [11, с. 97–98].

Заниматься объяснением человеческой субъективности из физиологических процессов в черепной коробке – это настолько же «трудная проблема сознания» (Д. Чалмерс), сколь трудно из динамики молоточков и струн под крышкой рояля объяснить «Аппассионату» или хотя бы «Собачий вальс».

Старая дискуссия об идеальном, как видим, продолжается. И ясно, почему: не прекращаются, наоборот – множатся, как грибы после дождя, психофизиологические робинзонады и гипотезы, как в сером веществе мозга зарождается нечто «феноменальное» и «субъективное». Агасфер советской философии сознания Д. И. Дубровский, как и полвека тому назад, мечтает «раскрыть ней-

родинамический код субъективного образа» и, наконец, объяснить сознание из «грандиозной нейродинамической архитектоники в головном мозгу личности». Целый легион Ильенковых и Мареевых бессилён остановить этот церебральный поток сознания...

Мареев не создал своей персональной «философии сознания», да и вообще не страдал «неопатией» (термин Мих. Лифшица, в переводе с греческого: 'страсть к новому'). С Ильенковым сблизился, когда толпа прежних адептов того уже рассосалась в погоне за новыми философскими модами, и до конца оставался марксистом без страха и упрёка. Мареев принялся развивать «старую» культурно-историческую теорию со-

знания с того самого места, в котором её оставил Ильенков, и по ряду проблем, полагаю, ему удалось продвинуть общее дело дальше.

В научных кругах у Мареева было много друзей и немало врагов, особенно в молодые годы, когда он был резок и зубаст. Он защищал докторскую в 1985 году в Ростовском университете, где я в то время учился, а годом раньше выступил у нас с лекцией. Но познакомиться лично нам довелось лишь двадцать лет назад, и все эти годы, несмотря на всякие частные разногласия, Сергей Николаевич был для меня честным камертоном разума, равным образом «чистого» и «практического».

Примечания

1. Брушлинский А. В., Поликарпов В. А. Мышление и общение. Минск : Университетское, 1990. 128 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. Москва : Смысл, 2006. 1136 с.
3. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / под общ. ред. Е. Завершневой и Р. ван дер Веера. Москва : Канон+, 2018. 608 с.
4. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры : в 2 томах / МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт теории и истории мировой культуры. Москва: Языки русской культуры, 1998-___. Том 1. 1999. 911 с. : ил., портр.
5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. Москва : Политиздат, 1974. 271 с.
6. Ильенков Э. В. Идеальное и реальность. 1960–1979 / [авт.-сост. Е. Иллеш]. Москва : Канон-плюс, 2018. 527 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : Смысл ; Академия, 2004. 352 с.
8. Леонтьев А. Н. Философия психологии : Из научного наследия / под ред. [и с предисл., с. 5–21] А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. Москва : Изд-во МГУ, 1994. 288 с. : ил.
9. Майданский А. Д. Понятие мышления у Ильенкова и Спинозы // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 163–173.
10. Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. 2-е издание. Москва : Эребус, 1997. 192 с.
11. Мареев С. Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. Москва : Культурная революция, 2008. 448 с.
12. Мареева Е. В., Мареев С. Н. Проблема мышления: созерцательный и деятельностный подход. Москва : Академический Проект, 2013. 280 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 томах. Москва : Политиздат, 1955–1981. Т. 23. 1960. 907 с.
14. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. Москва : Наука, 1969. 246 с.
15. Bulgakov V. P., Wu H.-C., Jinn T.-L. (2019) Coordination of ABA and chaperone signaling in plant stress responses. *Trends in Plant Science*, vol. 24, no. 7, pp. 636–651. Doi:10.1016/j.tplants.2019.04.004 (In English)
16. Ding Y., Fromm M., Avramova Z. (2012) Multiple exposures to drought 'train' transcriptional responses in *Arabidopsis*. *Nature Communications*, vol. 3, art. 740. Doi:10.1038/ncomms1732 (In English)

References

1. Brushlinsky A. V., Polikarpov V. A. *Myshlenie i obshchenie [Thought and communication]*. Minsk, Publishing house “Universitetskoe”, 1990. 128 p. (In Russian)
2. Vygotsky L. S. *Psikhologiya razvitya cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow, Publishing house “Smysl”, 2006. 1136 p. (In Russian)
3. Zavershneva E., Veer R. van der, eds. *Zapisnye knizhki L. S. Vygotskogo. Izbrannoe [L. S. Vygotsky's Notebooks. A Selection]*. Moscow, Publishing house “Kanonplus”, 2018. 608 p. (In Russian)
4. Ivanov Vyach. Vs. *Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury. V 2 tomakh, tom 2 [Selected works on semiotics and cultural history. In 2 vol., vol. 1]*. Moscow, LRC Publishing House, 1999. 912 p. (In Russian)
5. Ilyenkov E. V. *Dialekticheskaya logika [Dialectical logic]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1974. 271 p. (In Russian)
6. Ilyenkov E. V. *Ideal'noe i real'nost'. 1960–1979 [The ideal and reality. 1960–1979]*. Moscow, Publishing house “Kanonplus”, 2018. 528 p. (In Russian)
7. Leontyev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]*. Moscow, Publishing house “Smysl”, Publishing house “Academia”, 2004. 352 p. (In Russian)
8. Leontyev A. N. *Filosofiya psikhologii [Philosophy of psychology]*. Moscow, Publishing house of Moscow State University, 1994. 288 p. (In Russian)
9. Maidansky A. D. Ponyatie myshleniya u Ilyenkova i Spinozy [The concept of thought in Ilyenkov and Spinoza]. *Voprosy filosofii [Problems of philosophy]*. 2002, no. 8, pp. 163–173. (In Russian)
10. Mareev S. N. *Vstrecha s filosofom E. Ilyenkovym [Encounter with philosopher E. Ilyenkov]*. 2nd edition. Moscow, Publishing house “Erebus”, 1997. 192 p. (In Russian)
11. Mareev S. N. *Iz istorii sovetskoy filosofii: Lukács – Vygotsky – Ilyenkov [From the history of Soviet philosophy: Lukács – Vygotsky – Ilyenkov]*. Moscow, Publishing house “Kulturnaya revolyutsiya”, 2008. 448 p. (In Russian)
12. Mareeva E. V., Mareev S. N. *Problema myshleniya: sozercatel'nyy i deyatel'nostnyy podkhod [The problem of thought: a contemplative and activity approach]*. Moscow, Publishing house “Academic Project”, 2013. 280 p. (In Russian)
13. Marks K., Engels F. *Sochineniya, v 50 tomakh, tom 23 [Collected works, in 50 volumes, vol. 23]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1960. 907 p.
14. Narsky I. S. *Dialekticheskoe protivorechie i logika poznaniya [Dialectical contradiction and logic of cognition]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1969. 246 p. (In Russian)
15. Bulgakov V. P., Wu H.-C., Jinn T.-L. (2019) Coordination of ABA and chaperone signaling in plant stress responses. *Trends in Plant Science*, vol. 24, no. 7, pp. 636–651. Doi:10.1016/j.tplants.2019.04.004 (In English)
16. Ding Y., Fromm M., Avramova Z. (2012) Multiple exposures to drought ‘train’ transcriptional responses in Arabidopsis. *Nature Communications*, vol. 3, art. 740. Doi:10.1038/ncomms1732 (In English)

*

СЕРГЕЙ МАРЕЕВ И «ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10609

С. Н. Бычков

Московский педагогический государственный университет

В работе излагается взгляд автора на роль и значение творчества крупного российского учёного Сергея Николаевича Мареева. Описано влияние, оказанное философскими трудами Мареева, на авторские исследования в области истории науки. Предпринята попытка оценить вклад С. Н. Мареева в развитие марковского метода восхождения от абстрактного к конкретному. Приведены примеры, демонстрирующие плодотворность применения метода восхождения от абстрактного к конкретному к решению проблем педагогики и исторической науки. Особое внимание уделено критическому анализу Мареевым современного состояния философии науки. Труды С. Н. Мареева по диалектике логического и исторического представляют собой тот фундамент, на основе которого можно чётко и ясно вскрыть причины неудачи философии науки XX века в решении поставленных ею же самой задач.

Ключевые слова: диалектика, логическое, историческое, абстрактное, конкретное, философия науки.

Sergey N. Bychkov

Moscow State Pedagogical University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
M. Pirogovskaya str., 1/1, 119991, Moscow, Russian Federation

SERGEY MAREEV AND “PHILOSOPHY OF SCIENCE”

The paper presents the author's view on the role and significance of the works of a major Russian scientist Sergey Nikolaevich Mareev. The influence of Mareev's philosophical works on the author's research in the field of the history of science is described. An attempt is made to evaluate the contribution of S. N. Mareev to the development of the method of ascent from the abstract to the concrete. Examples are given that demonstrate the fruitfulness of applying the method of ascent from the abstract to the concrete to solve the problems of pedagogy and historical science. Special attention is paid to Mareev's critical analysis of the current state of philosophy of science. The works of S. N. Mareev on the dialectics of the logical and historical are the Foundation on which it is possible to explicitly and clearly reveal the reasons for the failure of the philosophy of science of the XX century in solving its own tasks.

Keywords: dialectics, logical, historical, abstract, concrete, philosophy of science.

БЫЧКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

BYCHKOV SERGEY NIKOLAEVICH – Full Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy, the Institute “Higher School of Education”, the Moscow State Pedagogical University

e-mail: sn.bychkov@mpgu.su

© Бычков С. Н., 2019

Для цитирования: Бычков С. Н. Сергей Мареев и «философия науки» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 82–87. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10609

О том, что в СССР есть интересный учёный Сергей Николаевич Мареев, я узнал, попросив продавца в Доме книги на Дерибасовской посмотреть тонкую философскую книжку в мягкой красной обложке. Это было тёплым сентябрьским вечером 1984 года во время моего пребывания в одесской Школе по истории математики. К этому времени было уже ясно, что идей Э. В. Ильенкова по соотношению логического и исторического, увы, недостаточно для разрешения занимавшей меня уже более трёх лет проблемы зарождения дедуктивной математики. И по прошествии пятиминутного пролистывания книги неизвестного мне автора душа как-то наполнилась уверенностью, что в ней я найду именно то, что мне было нужно. Книга продавалась только заказавшим её предварительно из московского магазина «Книга - почтой» на Мичуринском проспекте, куда я и поспешил по возвращении в Москву из научной поездки. Через некоторое время книгу «Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса» [5] я по почте получил, после чего сразу же погрузился в чтение.

Должен сказать, что к тому времени я прочитал все известные мне работы Ильенкова (и почти всё в них понял), но даже этого конкретного опыта было недостаточно, чтобы сходу уяснить рассуждения автора. Только с пятого раза (примерно через полтора года) возникло ощущение полной понятности этой сравнительно небольшой книги. Ещё восемь лет ушло на приложение её общих идей к волновавшей меня специальной историко-научной проблеме, после чего стало ясно, что первые впечатления от книги меня не обманули: в ней действительно

содержалось всё необходимое и достаточное для преодоления методологических трудностей, сдерживавших решение занимавших меня вопросов.

Естественное желание познакомиться с человеком, написавшим столь замечательную книгу, было осуществлено только в 1990 году, когда я был приглашён в гости к С. Н. и Е. В. Мареевым, жившим в то время в Зеленограде. Помню, мы уединились с Сергеем Николаевичем на кухне, где я поведал хозяину свои соображения по поводу его (и его учителя) философских взглядов. Видимо, этой беседы оказалось достаточно, чтобы Сергей Николаевич принял меня в ряды ильенковцев, и дальнейшее наше общение происходило уже на этой «идейной платформе».

Мы не беседовали (тет-а-тет) в девяностые и нулевые годы по поводу «общежизненных проблем», ограничиваясь обсуждением конкретных философских вопросов. Сергей Николаевич был всегда лаконичен и точен, так что оставалось время ещё и для «застольных» разговоров в компании. Когда он в последнее время был уже нездоров, я приезжал вместе с Вячеславом Пшенниковым летом к нему в деревню, и там философские вопросы, которые тоже поднимались, но в основном не мной, а приехавшим со мной другом, уступали место душевному человеческому общению. Именно в последние годы Сергей Николаевич раскрылся мне как личность, которая замечательно гармонировала с Мареевым-учёным.

После этих воспоминаний, связанных с условиями места и времени, хотелось бы поделиться мыслями по поводу собственно научных взглядов С. Н. Мареева. Уже не-

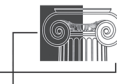
сколько лет во мне крепнет убеждение, что с работами Сергея Николаевича по диалектике логического и исторического получение завершения работ Эвальда Васильевича Ильенкова о методе восхождения от абстрактного к конкретному. В этом смысле именно работами Э. В. Ильенкова и С. Н. Мареева под марксизм подведён крепкий философский фундамент, и дальше может идти речь лишь о применении этих общих идей к решению специальных научных вопросов. То, что это дело – плодотворное, я постараюсь проиллюстрировать двумя примерами.

Первый относится к математике и связан с заданным мне вопросом как докладчику на методологическом семинаре в Современной гуманитарной академии в 2013 году. Один из его участников Г. В. Лобастов спросил меня: «Какая категория является для математиков основной?» Недолго думая (вспомнив об Энгельсе), я ответил: «Категория количества». Геннадий Васильевич поправил: «Нет, категория качества». Прошедшие годы показали, что эта (естественная с точки зрения гегелевской логики) мысль находит красивые подтверждения в таких разных областях математики, как теория вероятностей, теория информации и теория группового выбора. И это не простые теоретические умствования, а то, что важно и актуально для практики преподавания математики студентам гуманитарных специальностей. Сказанное демонстрирует, сколь высоким был теоретический уровень методологического семинара в СГА, многие годы руководимого С. Н. Мареевым.

Второй пример призван проиллюстрировать важность столь любимой Сергеем Николаевичем идеи конкретного историзма. Современные позитивистски мыслящие историки науки и философии абсолютизируют гипотетико-дедуктивный метод, доми-

нирующий в мышлении представителей физической науки. Можно, однако, заметить, что это, как и аксиоматико-дедуктивный метод, изобретение исключительно древнегреческой цивилизации. И если в отношении метода математических рассуждений, который абсолютизировался Д. Гильбертом, можно аккуратно показать, что он возник случайно (продолжая и по сей день нести в себе эту случайность своего зарождения) [1], то в отношении метода мышления физики и биологии – наук, с развитием которых связаны основные успехи современной цивилизации, это пока что не сделано, хотя, скорее всего, дело обстоит примерно подобным же образом.

Из публикаций последних лет по проблеме генезиса физического знания [3; 4] видно, что совокупное мышление ведущих учёных Нового времени не может быть описано в рамках субъективно разделявшегося ими гипотетико-дедуктивного метода, но требует для своего объяснения обращения к диалектике логического и исторического, причём не в гегелевском, а именно в марксистском варианте, что и было описано в книге С. Н. Мареева. Решающую роль в возникновении физики Галилея сыграли факторы, связанные с развитием европейской техники. Их в своё время начал изучать Маркс в связи с проблемой генезиса капитализма, но потом оставил эту тему, когда ему стало понятно, что с какого-то момента не техника определяла развитие общества, а напротив, запросы последнего стали определять развитие техники. Об этом моменте я впервые узнал именно из книги Сергея Николаевича. Эти факторы не могут быть выведены «из головы» в стиле «интерналистского подхода», господствовавшего до недавнего времени в истории и философии науки, но могут быть осознаны лишь путём диалектического рассмотрения хи-

тросплетений взаимодействия технической и научной мысли XV–XVII веков.

Указанное обстоятельство различия фактического способа мышления учёных и его субъективного осознания может быть радикализировано «углублением» его во времена Аристотеля. Современное мышление (не только научное!) исходит как из само собою разумеющегося взгляда на отношение между словом и вещью как условным знаком и его значением. С этого, собственно, и начинается трактат Стагирита «Об истолковании». Между тем в позднем платоновском диалоге «Софист» излагается прямо противоположное учение о тождестве имени и называемой именем вещи [2].

Можно показать (по текстам Аристотеля), что лежащее в основе современной семиотики представление о знаке и значении построено Аристотелем на основе абсолютизации представлений о бестелесных объектах современной ему дедуктивной геометрии. Отсутствие таковой в цивилизациях Индии и Китая (по крайней мере, до систематических контактов с западной цивилизацией) имело следствием взгляды на отношение слова и вещи, сходные не с аристотелевскими, а с платоновскими, а Платон, как известно, в отличие от Аристотеля, ставил диалектику выше геометрии. Случайность возникновения отдельной науки, а именно теоретической геометрии, отражается, таким образом, не только на всей послеаристотелевской «философии языка», но на самом способе мышления западной цивилизации (данное обстоятельство, кстати, не может быть осмыслено в рамках гегелевской философии). Понимаемые исторически категории марксовской диалектики, а в это понимание Сергей Николаевич внёс решающий вклад, представляют собой те инварианты человеческого мышления, которые позволяют находить случайность (и тем

самым историчность) в современном бытии западной мысли и, напротив, всеобщие моменты в восточном мышлении, которое, как считают позитивистски мыслящие историки науки и философии, якобы не доросло до мышления Запада.

Мы живём в гораздо более историчном мире, нежели это казалось даже Гегелю. И прийти к подобным выводам без работ С. Н. Мареева, думаю, вряд ли вообще возможно. Так, он настаивал на том, что в «философии науки» мы имеем дело с неадекватной формой осмысления особенностей современной науки, которая возникает исторически во взаимосвязи с позитивизмом в общеметодологическом плане. Критическому анализу «философии науки» (кавычки обязательны!) Сергей Николаевич посвятил отдельную монографию [7]. В более кратком виде он представил эту позицию в статье «Ильенков и “философия науки”» в журнале «Логос» [6]. А в коллективной работе [8] преимущества классической философии в анализе научного познания представлены, в частности, на уровне отдельных понятий и проблем.

Квинтэссенцией критического анализа с позиций классической философии развития «философии науки» в XX веке может служить следующее высказывание Сергея Николаевича: «Два важнейших завоевания немецкой классической философии были отвергнуты “философией науки” – диалектика и историзм. Что касается диалектики, то “философы науки” её, как правило, не знают и не принимают. И только Карл Поппер решил сразиться с диалектикой, но изобразил её до крайности примитивно, в духе “диамата”, которым она была истолкована не как логика и метод, а как “общая теория развития”. Именно в этом виде она может быть выведена непосредственно на очную ставку с вещами и, со-

ответственно, «фальсифицирована». Но не о вещах как таковых толкует диалектика, а о *понятиях* вещей – ведь это логика, а не физика» [6, с. 103–104]. В свою очередь, неприятие историзма, в его конкретном, присущем марксовому подходу, виде, как утверждает Мареев, является следствием непонимания диалектики: «На пути к конкретному историзму философия науки останавливается, так сказать, перед воображением и противоречием ... Это те вещи, о которых всерьёз в научной методологии заговорил только Кант. Ильенков в своё время говорил, что современная наука в своём методе дошла только до Канта. Мы бы сказали, что и «философия науки» дальше Канта не пошла и пойти не может, не отказавшись полностью от позитивистской «парадигмы»» [6, с. 109]. Но приведённые тонкие и точные заключения автора в этом месте хотелось бы конкретизировать.

Причины отхода от Канта, движения вспять от него к Лейбницу состоят в том, что все попытки истолкования самого успешного научного «предприятия» в истории человечества – теории электромагнетизма Дж. К. Максвелла – в рамках кан-

товской теории познания потерпели неудачу, что и было со всей определённой отмечено Э. Кассирером в заключительном томе его «Философии символических форм». Этой неудачей объясняется повсеместный отказ от убеждения Канта во всеобщем характере категориального мышления. В трудах же Фихте, Гегеля и Маркса развитие философии происходило как раз в рамках этой кантовской «аксиомы». Позитивистская парадигма зиждется сегодня на идущей от физико-математического естествознания уверенности в превосходстве формально-символических выводов над «допотопными категориальными рассуждениями» классической философии. Это лишний раз показывает, что по-прежнему актуальна поставленная учителем Сергея Николаевича задача развёртывания диалектикой системы собственных специфически философских понятий, с точки зрения которых она могла бы проявлять силу критического различия по отношению к фактически данному мышлению и сознательно практикуемым методам. В решение этой задачи С. Н. Мареев внёс вклад, который трудно переоценить.

Примечания

1. Бычков С. Н. «Греческое чудо» и теоретическая математика. Москва : РГГУ, 2007. 188 с.
2. Бычков С. Н. Философия, математика, язык // Философия в современном мире = Philosophy in the contemporary world : сборник научных докладов Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию семинара «Проблема обоснования знания» и 70-летию юбилею профессора Кудряшева Александра Федоровича / Министерство образования и науки РФ, Башкирский государственный университет ; [редакционная коллегия: д-р филос. наук, профессор Г. Г. Салихов (отв. ред.) и др.]. Уфа : БашГУ, 2017. С. 17–23.
3. Зайцев Е. А. Нелинейная история становления понятия инерции в XVII веке // Турбулентная история науки и техники : труды семинара ИИЕТ РАН 2018–2019 годов / отв. ред. Ю. Н. Батурич. Москва : ИИЕТ РАН, 2019. С. 107–125.
4. Зайцев Е. А. От доклассической физики к классической механике // Чебышевский сборник. 2019. Т. 20. Вып. 2. С. 478–487.
5. Мареев С. Н. Диалектика исторического и логического и конкретный историзм К. Маркса. Москва : Наука, 1984. 158 с.
6. Мареев С. Н. Ильенков и «философия науки» // Логос. 2009. № 1. С. 94–111.

7. Мареєв С. Н. Классическая философия и «философия науки» : монография. Москва : Изд-во Современного гуманитарного университета, 2009. 320 с.
8. Мареєва Е. В., Мареєв С. Н., Майданский А. Д. Философия науки : учебное пособие для аспирантов и соискателей. Москва : Инфра-М, 2010. 332 с.

References

1. Bychkov S. N. “*Grecheskoye chudo*” i *teoreticheskaya matematika* [“Greek Miracle” and Theoretical Mathematics]. Moscow, Publishing house of the Russian State Humanitarian University, 2007. 188 p. (In Russian)
2. Bychkov S. N. *Filosofiya, matematika, yazyk* [Philosophy, Mathematics, Language]. In: Salikhov G. G., ed. *Philosophy in the contemporary world*. Ufa, Publishing house of the Ufa State University, 2017. Pp. 17–23. (In Russian)
3. Zaytsev E. A. Nelineynaya istoriya stanovleniya ponyatiya inertsii v XVII veke [Nonlinear history of the formation of the concept of inertia in the 17th century]. In: Baturin Yu. N., ed. *Turbulentnaya istoriya nauki i tekhniki. Trudy seminarov IET RAN 2018–2019 godov* [Turbulent history of science and technology. Proceedings of the Institute of the History of Natural Science and Technology RAS Seminar 2018–2019]. Moscow, Published by Institute of the History of Natural Science and Technology RAS, 2019. 107–125. (In Russian)
4. Zaytsev E. A. From pre-classical physics to classical mechanics. *Chebyshevskiy sbornik* [Chebyshevsky collection]. 2019, vol. 20, issue 2, pp. 478–487. (In Russian)
5. Mareev S. N. *Dialektika istoricheskogo i logicheskogo i konkretnyy istorizm K. Marksa* [Dialectics of historical and logical and concrete historicism of K. Marx]. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1984. 158 p. (In Russian)
6. Mareev S. N. Ilyenkov i “filosofiya nauki” [Ilyenkov and the “philosophy of science”]. *Logos*. 2009, no. 1, pp. 94–111. (In Russian)
7. Mareev S. N. *Klassicheskaya filosofiya i “filosofiya nauki”* [Classical philosophy and “philosophy of science”]. Moscow, Publishing House of the Modern Humanitarian University. 2009. 320 p. (In Russian)
8. Mareeva E. V., Mareev S. N., Maidansky A. D. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Moscow, Publishing house “Infra-M”, 2010. 332 p. (In Russian)

*

ДИАЛЕКТИКА И ЖИЗНЬ. ПАМЯТИ С. Н. МАРЕЕВА

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10610

В. А. Лазуткин

Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

В статье поднимается вопрос единства жизни и философии С. Н. Мареева (1941–2019), который, будучи последователем выдающегося советского философа Э. В. Ильенкова, продолжал развитие марксистской философии в направлении материалистической диалектики и материалистического понимания истории. На конкретных обстоятельствах жизни С. Н. Мареева показано, что теоретическая мысль в конечном счёте определяется предметно-практической деятельностью человека, его жизненной, общественной позицией. Рассматривается специфика понимания С. Н. Мареевым диалектики как логики и теории познания марксизма, как единства метода восхождения от абстрактного к конкретному, как конкретного историзма. Показано, что теоретическое обобщение опирается на «обобщение фактом», осуществляемое в реальном историческом процессе.

Ключевые слова: С. Н. Мареев, Э. В. Ильенков, диалектика, конкретный историзм, восхождение от абстрактного к конкретному.

Vladimir A. Lazutkin

The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation,
Okhotny ryad str., 1, 103265, Moscow, Russian Federation

DIALECTICS AND THE LIFE. IN MEMORY OF S. N. MAREEV

The article deals with the issue of unity of life and philosophy of S. N. Mareev (1941–2019), who, as a follower of the outstanding Soviet philosopher E. V. Ilyenkov, continued the development of Marxist philosophy in the direction materialistic dialectics and materialistic understanding of history. On the specific circumstances of S. N. Mareev's life, it is shown that theoretical thought is ultimately determined by the subject-practical activity of a person, his life and social position. The author considers the specifics of S. N. Mareev's understanding of dialectics as a logic and theory of knowledge of Marxism, as the unity of the method of ascent from the abstract to the concrete, as concrete historicism. It is shown that the theoretical generalization is based on the actual generalization, which is carried out in the real historical process.

Keywords: S. N. Mareev, E. V. Ilyenkov, the dialectics, the concrete historicism, the method of ascent from the abstract to the concrete.

Для цитирования: Лазуткин В. А. Диалектика и жизнь. Памяти С. Н. Мареева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 88–92.
DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10610

ЛАЗУТКИН ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат философских наук, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

LAZUTKIN VLADIMIR ANATOLYEVICH – Ph.D. (Philosophy), Assistant of the Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

© Лазуткин В. А., 2019

Первый раз я увидел Сергея Николаевича Мареева в феврале предпоследнего года прошлого века на «Ильенковских чтениях», проходивших в Московском институте делового администрирования в Зеленограде.

Но познакомился я с ним раньше, можно сказать, заочно, и познакомил нас Э. В. Ильенков... Конечно, с Ильенковым я лично знаком не был. В 1979 году, когда он умер, я ещё учился в восьмом классе средней школы и ни о какой философии не знал, хотя, безусловно, сталкивался с ней, поскольку с ранних лет пытался познать и понять окружающую действительность и себя самого. Стремление постичь природу человеческого мышления и сознания не могло не привести меня к Ильенкову, что и произошло в конце 1980-х годов. Важнейшей для меня стала проблема «идеального» – ключ к природе мышления. К середине 1990-х я перечитал, нет, проштудировал всё, что было опубликовано к тому времени из Э. В. Ильенкова и М. А. Лифшица, к которому также не могла ни привести проблема идеального. И вот то ли летом, то ли осенью 1996 года, зайдя в магазин «Гилея», который тогда находился на Знаменке, я нашёл там книжку С. Н. Мареева «Встреча с философом Э. Ильенковым». Книга потрясла меня глубиной чувства и мысли, ничего подобного я до этого не читал.

С этого времени мы стали единомышленниками и оппонентами, как бы парадоксально это ни звучало. Хотя ведь абстрактно понимаемым единомышленником нельзя быть даже самим с собой, это было бы равнозначно полному отсутствию мысли.

«Каков человек, такова и его философия». Это утверждение И.-Г. Фихте очевидно разделял и Э. В. Ильенков, и сам С. Н. Мареев. На этом основана «онто-

гносеология» или, как он её ещё называл, «историческая гносеология» М. А. Лифшица, согласно которой способность понимать, способность мыслить не в последнюю очередь определяется той позицией, которую человек занимает в обществе, в историческом процессе, в общественной практике.

Сергей Мареев родился и вырос в Москве, но много времени проводил в селе Михайловское Домодедовского района Московской области, где жил его дед, который занимался столярным и плотницким делом, у которого он научился многое делать своими руками. Позднее Сергей Николаевич сам построил один бревенчатый дом и перестроил другой на земле, где жили его предки. Отсюда, как представляется, и понимание им того, что труд, человеческая предметно-практическая деятельность является основой культуры, главным средством человеческого развития. Это тоже сближало его с Ильенковым, который превосходно разбирался в радиотехнике, успешно занимался переплётным делом.

По окончании службы на Северном флоте Сергей Николаевич получил рекомендацию для поступления на философский факультет МГУ. Таким образом, в известном смысле флотскому начальству мы обязаны появлением философа С. Н. Мареева.

Сергей неизменно гордился своим дедом, своими деревенскими корнями, службой во флоте. Как-то на банкете по случаю защиты диссертации он произнёс замечательный тост за моряков, бравших Зимний дворец, за моряков, защищавших Родину в годы войны, за тех, кто служит сейчас. Отсюда и такое его качество как демократизм, нетерпимость к фальши, пошлости и подлости, иногда доходящее до крайности, как и у его любимого поэта Сергея Есенина.

Пожалуй, главное, на чем мы сошлись, что меня больше всего привлекло в мыслях Сергея Николаевича, начиная с книги «Встреча с философом Э. Ильенковым», это понимание материалистической диалектики и отвращение к позитивизму всякого рода. Диалектику С. Н. Мареев, вслед за К. Марксом, В. И. Лениным, Э. В. Ильенковым, понимал как искусство мышления, как исследование, познание, понимание и изложение предмета в его истории, в его становлении и развитии, в его полноте и целостности, в его в известной мере завершенности. Такое понимание мышления, познания предполагает единство предмета и метода, имманентность метода предмету, что отрицает инструментальный подход к мышлению. Диалектика есть логика, но это не есть нечто внешнее, не есть некая универсальная отмычка, извне прилагаемая к любому предмету познания, а это есть логика самого предмета, результат его истории.

Возьмём, например, «Капитал» К. Маркса, его критику политической экономии. Александр Кузнецов раскрывает значение слова «критика» как мастерское исследование, завершаемое надлежащим решением. Это ни в коем случае не критика в её школьном, а тем более административном понимании (термин «адмкритик», подавляющий оргмерами, принадлежит Андрею Платонову [5, с. 491]), а критика, как её понимали русские классики: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, это исследование содержания, в данном случае литературного произведения. Маркс же исследует содержание политико-экономических учений. И это исследование заключается не в том, что Маркс внешним образом применил к своему предмету диалектику Г. В. Ф. Гегеля, а в том, что, научившись диалектике у Гегеля, он провёл историческое исследование политической

экономии и, раскрыв для себя её собственную логику, разрешил накопившиеся в ней противоречия.

Господствовавший в то время в советской философии «диамат» С. Н. Мареев, как и Э. В. Ильенков, считал разновидностью позитивизма, всеобщей теории бытия, которую, по словам Ленина, много раз открывали в самых различных формах многочисленные представители философской схоластики [1]. Мареев любил повторять ироническое определение Ильенковым «диамата» как «диалектики кипящего чайника» [4, с. 159]. Речь шла об известном законе перехода количественных изменений в качественные.

Значительное внимание в своих исследованиях С. Н. Мареев уделил проблеме единства исторического и логического – одной из центральных проблем материалистической диалектики. Если Гегель идеалист, то преимущественно потому, что у него в конечном счёте Логика «съедает» Историю. Гегель прав, что логика есть снятая история, но в его системе это снятие носит абсолютный характер. М. А. Лифшиц замечал, что у Гегеля даже теория, по существу, сводится к истории вопроса, к истории мышления; мысль достигает абсолютной истины, когда она полностью возвращается к себе, сознаёт всю свою предварительную историю. Это – другая теоретико-познавательная сторона *вопроса о взаимодействии людей и обстоятельств*, о воспитании воспитателя [2, с. 28–29].

Вслед за Ильенковым Сергей Мареев понимал диалектику как единство метода восхождения от абстрактного к конкретному и имманентно присущего ему историзма или же как конкретный историзм, то есть историзм, включающий в себя имманентно присущую ему логику [4, с. 161]. Интересно заметить, что даже единомышленники не

понимали Мареева, когда в дискуссиях он говорил об «обобщении фактом». Но ведь обобщение – это не только процесс в человеческой голове, а прежде всего объективный исторический процесс, в котором первоначально частный, иногда даже случайно возникший факт становится фактом принципиально всеобщим и таким образом – ключом к пониманию исторически становящегося и развивающегося предмета, как такой частный товар, как рабочая сила, в процессе становления и понимания капитала.

Когда мы познакомились с С. Н. Мареевым, я как раз разбирался с модой на так называемую синергетику. Бегущие за модой философы говорили о том, что диалектика устарела и что её, мол, необходимо заменить синергетикой. Причиной этого и был «диамаг» с его пониманием диалектики как некоей «всеобщей теории бытия». Синергетика же считалась не определённым пониманием физической материи, а новейшей всеобщей теорией бытия. Тексты Мареева серьёзно помогли мне разобраться в этом вопросе. «Синергетиков» от философии я определил как «научных мародёров», это же, собственно, было присуще и «диамагу», который претендовал на так называемое обобщение достижений современной науки. И здесь имеет смысл вернуться к исходному тезису И.-Г. Фихте: «Каков человек, такова и его философия».

В последние годы жизни Андрей Платонов планировал написать большую книгу для детей под условным названием «Путешествие в человечество». По этому поводу в записной книжке писателя появляются следующие строки: «Чрезвычайно важно ... надо идти именно туда, в сверхконкретность, в “низкую” действительность, откуда все стремятся уйти ... Есть такой низовой человек, на которого опирается весь мир, как на вершину опрокинутого конуса ... он словно утратил душу и ищет её как способ жизни для всего человечества» [5, с. 617] (курсив наш. – В. Л.).

Когда ты ищешь способ жизни для всего человечества, а не охотишься за бутербродами, не плывёшь по поверхности как уитменовский пузырёк с открытым ртом (высказывания из письма Платонову находящегося в лагере писателя В. Бокова) [5, с. 621], тогда в тебе, по словам М. А. Лифшица, сказанным об Э. В. Ильенкове, начинает жить «дух всеобщий, объединяющий, способный привлекать людей, связывать поколения» [3].

Этот дух всеобщности жил и в Сергее Николаевиче Марееве. Он продолжает жить в его трудах, и он будет продолжать объединять людей, как объединяет их истина, добро и красота, как объединяет их всеобщность и универсальность мышления в качестве диалектики.

Примечания

1. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм [Электронный ресурс]. URL: <https://leninism.su/works/56-tom-18/2731-glava-vi-empiriokriticizm-i-istoricheskij-materializm.html>
2. Лифшиц Мих. Varia. Москва : Грюндриссе, 2010. 172 с.
3. Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым (проблема идеального). Москва : Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.
4. Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. 2-е издание. Москва : Эребус, 1997. 192 с.
5. Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма [1920–1950 годы] / составитель Наталья Корниенко. 2-е издание, дополненное. Москва, 2019.

References

1. Lenin V. I. *Materialism i empiriocriticism*. Available at: <https://leninism.su/works/56-tom-18/2731-glava-vi-empiriokriticizm-i-istoricheskij-materializm.html> (In Russian)
2. Lifshits Mikh. *Varia*. Moscow, Grundrisse, 2010. 172 p. (In Russian)
3. Lifshits Mikh. *Dialog s Eval'dom Il'yenkovym (problema ideal'nogo) [Dialogue with Evald Ilyenkov (the Problem of the Ideal)]*. Moscow, Publishing house "Progress-Tradition", 2003. 368 p. (In Russian)
4. Mareev S. N. *Vstrecha s filosofom E. Ilyenkovym [Encounter with philosopher E. Ilyenkov]*. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Erebus", 1997. 192 p. (In Russian)
5. Platonov A. *"...ya prozhil zhizn". Pis'ma (1920–1950 gody) ["... I have lived my life"/ Letters (1920–1950)]*. 2nd edition. Moscow. 2019. (In Russian)

*

СЕРГЕЙ МАРЕЕВ И КРУГ ИЛЬЕНКОВА: МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10611

Гудрун Рихтер

Берлин, Германия

Представлены воспоминания автора о совместной работе с выдающимися русскими философами Э. В. Ильенковым и С. Н. Мареевым.

Ключевые слова: С. Н. Мареев, Э. В. Ильенков, философия науки.

Gudrun Richter

Berlin, Germany

SERGEY MAREEV AND ILYENKOV CIRCLE: MY MEMORIES

The author's memoirs about collaboration with prominent Russian philosophers E. V. Ilyenkov and S. N. Mareev are presented.

Keywords: S. N. Mareev, E. V. Ilyenkov, Philosophy of Science.

Для цитирования: Рихтер Г. Сергей Мареев и круг Ильенкова: мои воспоминания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 93–96.

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10611

Мы с Сергеем познакомились в 1973 году, на банкете после защиты его кандидатской диссертации. Это была моя вторая командировка в Москву. Первая состоялась в конце 1971 года, когда обо мне должен был заботиться Саша Сорокин, и мы с ним с тех пор дружили¹. Оба раза я была прикреплена к сектору, которым заведовал Владислав

¹ Кстати, именно у Саши Сорокина я увидела великолепную карикатуру на Эвальда Васильевича Ильенкова, автором которой был А. А. Зиновьев. Худой Ильенков, протягивает руки от себя, как будто хочет защититься от кого-то/чего-то; а за ним на стене висит портрет кислотоухмяющегося человека, помесь Гегеля с академиком Федосеевым. На обороте была этикетка, на которой было написано: «Сюжет: Красный метафизик; цена – 4 р. 12 к.». К сожалению, карикатура не сохранилась.

Александрович Лекторский. Я скоро заметила, что в секторе можно было выделить две группы: «диалектики» (или «гегельянцы») – Э. В. Ильенков, Г. С. Батищев, Г. В. Лобастов, А. Г. Новохатько, и «логики» (или «методологи») – В. С. Швырёв, например.

Я, собственно, тогда занималась больше формальной логикой. В своей дипломной работе (1964) «Употребление терминов “формальная логика” и “диалектическая логика” в философии Советского Союза и ГДР» я обсуждала дискуссии на эту тему в Москве (1948) и Йене (Jena) / ГДР (1951). А кандидатскую диссертацию я защитила в 1974 году на тему «К критике позитивистского понятия закона». Тема была избрана по желанию моего научного руководителя Гюнте-

РИХТЕР ГУДРУН – доктор философии, Берлин, Германия

RICHTER GUDRUN – Full Doctor of Philosophy, Berlin, Germany

© Рихтер Г., 2019

ра Крёбера (Günter Kröber). В диссертации была проанализирована 20-летняя дискуссия в области так называемой «философии науки» (Philosophy of Science) по проблеме: как можно различать законоподобные высказывания и обобщения фактов по чисто формально-логическим критериям. Ключом к решению, как полагали тогда, были так называемые *counterfactual conditionals*, то есть контрафактические условные придаточные предложения типа «если было бы – то было бы...».

Короче говоря, это была проблематика, довольно далёкая от диалектики. Но я, конечно, также интересовалась материалистической диалектикой и её историей, в первую очередь немецкой классической философией (Гегель), а также читала литературу и участвовала в дискуссиях на эти темы. Ведь я с 1966 года работала в секторе диалектического материализма в Институте философии Академии наук ГДР.

В секторе в Москве (возможно через Сашу Сорокина) я была интегрирована в группу «диалектиков». И с Эвальдом Васильевичем Ильенковым у меня с самого начала завязались довольно дружеские отношения; я побывала у него дома и познакомилась с его женой и матерью. Во время своих командировок – не только в 1971 и 1973 годах, но также в 1976 и 1978 годах – я познакомилась в секторе с А. А. Щитовым и А. А. Хамидовым, вновь встретила там Ж. М. Абдильдина, которого знала с конференции в честь 200-летия Гегеля в Берлине в 1970 году.

Атмосфера в группе «диалектиков» была дружеской, хотя не без разногласий. Помню, что Эвальд Васильевич мне показал машинописный текст Генриха Батищева о борьбе эфемерного Я с Миропорядком (с большой буквой) и попросил: «Читаете, пожалуйста, вслух, Гудрун, – разве это не чи-

стый Хайдеггер?» Эвальд Васильевич действительно был всесторонне образован, с ним можно было говорить о самых различных проблемах. Помню, мы часто ходили по улицам, гуляли от здания Института философии на Волхонке в сторону Александровского сада, а там сидели и дискутировали. Помню, как мы с Алексеем Новохатько и Алексеем Щитовым втроём ходили, беседуя, вдоль улицы Горького, от гостиницы «Националь» до площади Маяковского и обратно.

Одним словом, атмосфера долгие годы была дружеская и даже весёлая, но ситуация в институте резко изменилась в 1974 году, когда директором института был назначен Б. С. Украинцев. Самой важной после этого стала кибернетика, а диалектиков-«гегельянцев» причислили к «старомодными» и «отсталыми». И для Эвальда Васильевича стало всё сложнее участвовать в публикациях института.

Пример того: Институт философии АН СССР издал четыре тома об истории диалектики, которые наш Институт философии АН ГДР переводил на немецкий язык (я в этом деле принимала большое участие). Для первого тома «От возникновения марксизма до Ленинского этапа» (Москва, 1971, отв. ред. М. М. Розенталь) Ильенков написал две главы: «Диалектика абстрактного и конкретного» и «Логическое и историческое». В четвёртом томе «Немецкая классическая философия» (Москва, 1978, отв. ред. Т. И. Ойзерман) главу о Гегеле уже написал не Э. В. Ильенков, а его антипод – И. С. Нарский!

Когда я прибыла в командировку в Москву в 1979 году, Эвальда Васильевича уже не было. Я попала на сороковины; не помню, у кого это происходило, и не помню, был ли там Сергей Мареев. Помню только, что состоялся спор о Батищеве, которого там не было. В декабре 1979 года я ещё раз

приезжала в институт, по поводу конференции, вместе с моим зав. сектором Камиллой Варнке (Camilla Warnke). Сергей достал тогда необходимый пропуск у вдовы Эвальда Васильевича и повёз нас на Новодевичье кладбище, на могилу Э. В. Ильенкова.

В последующие годы Сергей мне посылал книги, мы обменивались рукописями. Я активно занималась исследованиями в области диалектики. Докторскую диссертацию защитила в начале 1986 года, она была опубликована в 1985 году под названием «Закономерность и исторический процесс. Логическое и историческое» [4]. Там я отстаивала позицию Эвальда Васильевича: основа опосредствования между логическим и историческим – это не логическое, как полагало большинство авторов, но именно и исключительно историческое.

9 ноября 1989 года произошло падение Берлинской стены, и 3 октября 1990 года ГДР перестала существовать. Вместе с ней перестала существовать и Академия наук ГДР. В «договоре об объединении» ей посвящена статья № 36: все институты и учреждения ликвидировать до конца 1991 года. С тех пор я почти исключительно занималась переводами – в первую очередь с русского, но иногда и с английского.

В 1994 году я осуществила проект, о котором думала уже давно: был издан том «Эвальд Васильевич Ильенков: Диалектика идеального. Избранные произведения» [1]. В сентябре 1999 года в Хельсинки состоялась конференция в честь Эвальда Васильевича Ильенкова, организатором которой был Веса Ойттинен [2]. Я туда поехала вместе с моим другом Вольфгангом Янтценом. Сергея там не было, а из России приняли участие Ф. Т. Михайлов и А. Г. Новохатко. Вольфганг Янтцен выступал на тему «Леонтьев, Ильенков и дискуссия вокруг Мещерякова». Я перевела на немецкий язык

книгу А. И. Мещерякова «Слепоглухонемые дети»¹. Она была опубликована позже [3]. Вольфганг, который имел связь с издательством, знал этот текст.

С 1991 года, как известно, ежегодно стали проводить «Ильенковские чтения», посвящённые Эвальду Васильевичу Ильенкову и его философии. Сергей Мареев с самого начала был главным организатором этого события. 21–22 февраля 2002 года Вольфганг Янтцен и я приняли участие в «Ильенковских чтениях» на тему «Ильенков и общественный идеал». Вольфганг выступил с докладом «Об отношении между идеальным и идеалом у Леонтьева и Ильенкова». Я на этом мероприятии встретила многих знакомых коллег и познакомилась с Андреем Майданским. Эта была моя последняя встреча с Сергеем и его женой Еленой. На конференции мы много фотографировались, и сразу после её окончания я получила маленький альбом с этими фотографиями.

Сергей и в дальнейшем поддерживал меня, например, искал русский текст цитат Леонтьева из собрания сочинений Маркса и Энгельса 1930-х годов для немецкого перевода; в Берлине эти книги после 1990 года лежали в архиве, и там были труднодоступны.

В 2009 году Сергей и Лена поехали в Германию. После этого Мареевы прислали мне фотографии, например, из Гейдельберга – «по следам Гегеля». При этом мы всё время были связаны, переписывались по электронной почте и обменивались новостями.

Смерть Сергея для меня большая и болезненная утрата. Все эти годы Сергей был для меня хотя и далёким, но всегда надёжным и верным другом.

¹ Русское издание 1974 года мне подарил Э. В. Ильенков «от имени воспитанников А. И. Мещерякова. За них [подпись], 25 июля 1976».

References

1. Il'enkov È. V. *Dialektik des Ideellen. Ausgewählte Aufsätze*. Zusammengestellt, übersetzt und eingeleitet von Gudrun Richter. Münster und Hamburg : LIT Verlag, 1994. (In German)
2. *Evald Ilyenkov's Philosophy Revisited*. Edited by Vesa Oittinen. Helsinki : Kikimora Publications, 2000. (In English)
3. Meščerjakov A. *Helen Keller war nicht allein. Taubblindheit und die soziale Entwicklung der menschlichen Psyche*. Übersetzt von Gudrun Richter. Berlin : Edition Marhold, 2001. Zweite Ausgabe: Berlin, Lehmanns Media Verlag, 2020. (In German)
4. Richter G. *Gesetzmäßigkeit und Geschichtsprozeß. Logisches und Historisches*. Berlin : Dietz Verlag, 1985. (In German)

*

СЛОВО О МАСТЕРЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10612

В. В. Пшенников

В статье на основе воспоминаний автора о знакомстве с известным русским учёным С. Н. Мареевым представлен анализ его работ, посвящённых разработке материалистической диалектики, системного подхода, сравнительному анализу формальных, или механических, систем, а также органических систем. Отмечается, что умение С. Н. Мареева вывести из конкретного процесса труда все основные характеристики систем, элементом которых эти процессы являются, определяет особую значимость его работ для развития теории и практики управленческой деятельности.

Ключевые слова: С. Н. Мареев, материалистическая диалектика, системный подход, формальные системы, органические системы, теория и практика управленческой деятельности.

Vyacheslav V. Pshennikov

A WORD ABOUT THE MASTER OF MATERIALIST DIALECTICS

Based on the author's recollections of meeting with a famous Russian scientist S. N. Mareev, the article presents an analysis of his works on the development of materialist dialectics, a systems approach, a comparative analysis of formal, or mechanical, systems, as well as organic systems. It is noted that the ability of S. N. Mareev to derive from the concrete labor process all the basic characteristics of the systems of which these processes are an element determines the special significance of his work for the development of the theory and practice of managerial activity.

Keywords: S. N. Mareev, materialistic dialectics, systems approach, formal systems, organic systems, theory and practice of managerial activity.

Для цитирования: Пшенников В. В. Слово о Мастере материалистической диалектики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 97–101. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10612

Имя Сергея Николаевича Мареева мне довелось впервые услышать в начале 1990-х годов. И здесь не обойтись без краткого описания тех политических событий, в контексте которых оно прозвучало.

Произошло это на одном из собраний инициативной группы по созданию Марксистской платформы в КПСС. Импульсом к её формированию стало не столько стремление к объединению единомышленников на

ПШЕННИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, директор ООО «ТиПиЭм-центр»

PSHENNIKOV VYACHESLAV VASILYEVICH – Ph.D. (History), Director of the “Tipiem-Center” LLC

© Пшенников В. В., 2019

базе определённой теоретической позиции, сколько неприятие, с одной стороны, достаточно аморфного, с претензией на выражение «общечеловеческих ценностей» курса тогдашнего официального руководства КППС, с другой – принципиальная невозможность согласиться с либеральной программой Демократической платформы в КПСС, единственной на тот момент оппозицией этому курсу. Возникшая на отрицании двух уже, в общем-то, сложившихся политических полюсов инициативная группа была очень разношёрстной и по своим взглядам, и по степени организованности, да и по глубине понимания того учения, приверженность которому её участники провозгласили. Между тем цель, которую они поставили перед собой в начале 1990-х годов, была более чем амбициозной: оформиться идейно и организационно как самостоятельная платформа, которая должна будет выступить на XXVIII съезде КПСС, намеченном на июль этого же года. Сказать, что программный документ рождался в муках, спорах, на эмоциях, – значит, ничего не сказать. Не раз обсуждение заходило в тупик из-за различий как в принципиальных позициях, так и в оценке текущей ситуации. В один из таких моментов я в сердцах заметил: «Неужели нет у нас в стране настоящих марксистов?!». На что Александр Бузгалин, по моему мнению подлинный лидер Марксистской платформы, заметил: «Есть, но очень мало». «Кто же?», – спрашиваю. Ответ меня удивил тем, что была названа не бывшая на слуху фамилия кого-то из философов, а совсем мне тогда неизвестная: «Мареев Сергей Николаевич».

Но события развивались стремительно. Документ под названием «Марксистская платформа в КПСС», в конце концов, был создан и опубликован в «Московской правде» и «Правде». Были доступны и номера те-

лефонов тех из нас, кто счёл возможным их предоставить. Маховик организационного формирования платформы начал раскручиваться. Люди звонили, например, из Приморья, когда там был день, спрашивали, как можно связаться с тем-то и тем-то, оставляли свои контакты, предлагали поддержку. В этот период мы познакомились с Сергеем Бычковым, которому я обязан открытием для себя имени Эвальда Васильевича Ильенкова и ключевых его идей и дел. А среди множества звонков один оказался совсем уж необычным. «Это ты, что ли, из марксистской платформы?» – сразу раздалось из трубки. Уже после звонка понял, что мне помешало сразу прекратить начавшийся столь резкими словами разговор, – миролюбивый тон, с которым они были произнесены.

- Ну, я, – говорю, – а что?

- Ты хоть прибыль-то на вложенный капитал считать умеешь?

- Нет.

- Приезжай, научу.

- Когда?

- Да прямо сейчас и приезжай.

Таким оказалось моё знакомство с Побиском Георгиевичем Кузнецовым, близко знавшим Эвальда Васильевича и многих из тех, кто входил в круг его коллег, учеников, друзей. Спустя несколько дней мы с Сергеем Бычковым приехали к Побиску Георгиевичу, и этот визит оказался началом многолетней череды встреч, прервавшейся только тогда, когда Побиска Георгиевича не стало. Во время одной из бесед Сергей Бычков осторожно, осознавая деликатность вопроса, спросил: «Побиск Георгиевич, а Эвальд Васильевич когда-нибудь говорил о том, кто, по его мнению, может лучше всего продолжить его дело?». Ответ для человека, не лишённого дипломатических способностей, был на удивление прям: «Да, говорил. Я как-

то спросил его об этом. Он сказал – Сергей Мареев».

С самим Сергеем Николаевичем Мареевым меня познакомил весной 1991 года Сергей Бычков. Сергей Николаевич находился в состоянии переезда из квартиры в Зеленограде, где мы и встретились, в квартиру в Москве. Сохранилась в памяти залитая солнцем уже почти пустая квартира. Запомнилось, что говорили долго и о многом. И осталось чувство установившейся близости, не столько политических взглядов, сколько чисто человеческой.

А Марксистская платформа в КПСС всё-таки была учреждена. Произошло это 14 апреля 1990 года, через три месяца от её имени на XXVIII съезде КПСС выступал Андрей Колганов. Продолжавшееся внутри платформы и после съезда идейное и организационное самоопределение различных течений привело к тому, что спустя примерно год она прекратила своё существование, которое, однако, не прошло бесследно. Вышедшие из неё группы нашли своих единомышленников, одни оформились в партии левого толка, другие сохранились в виде семинаров, кружков, третьи просто сохранили установившиеся человеческие контакты. В глубине явления, кажущегося распадом, – упорно продолжающиеся попытки развития творческой марксистской мысли в России во вполне адекватной его содержанию форме – в виде поиска ответов на актуальные жизненные вопросы.

Попав в ближний круг С. Н. Мареева, мы с Сергеем Бычковым в меру своих возможностей потом участвовали в работе созданного позднее Российского Философского общества «Диалектика и культура» и в организуемых этим обществом вот уже около 30 лет международных научных конференциях «Ильенковские чтения». Не принижая роль других единомышленников С. Н. Ма-

реева, которые создавали и развивали эту наполненную разнообразным интеллектуальным содержанием организационную конструкцию, отмечу, что Сергей Николаевич был тем, кому она в первую очередь обязана своей мировоззренческой последовательностью, ясностью и одновременно оригинальностью мысли.

Начало 1990-х годов для всех в нашей стране, за небольшим исключением, было тяжёлым временем. Но тем, для кого марксизм не был легко отбрасываемой ширмой, прикрывавшей совсем иные взгляды на мир и методологию, оно было особенно трудным. Весной 1994 года мы встретились с Сергеем Николаевичем у Политехнического музея, чтобы забрать готовый тираж его книги «Встреча с философом Э. Ильенковым». День был ненастный: ветер, дождь со снегом. Пока ждали на улице оформления документов на получение книг, разговаривали. Врезался в память такой фрагмент этого разговора:

– Если не будет возможности преподавать, заниматься научной работой, что будете делать, Сергей Николаевич?

– Плотничать буду. Бригаду соберу. А на заработанные деньги издавать буду то, что напишу.

Из подъезда нам вынесли упакованные в пачки книги, 250 экземпляров. Мягкая, бежеватая, невзрачная обложка, подслеповатый, как бывало при печати на ротапринтере, текст. Книга была напечатана на средства самого автора. Он же был и дарителем этих книг. Слово «даритель» здесь употреблено не случайно. Просто не могу припомнить, чтобы кому-нибудь из даже не очень близких знакомых он эту книгу продал. Потом эта книга переиздавалась не раз и в гораздо лучшем типографском исполнении. Но, наверное, понятно, почему для меня имеет особую ценность это первое её издание.

Так сложилось, что зарабатывать на жизнь артельным трудом Сергею Николаевичу в дальнейшем не пришлось. Но перспектива эта была отнюдь не иллюзорной, как по причине утраты возможности преподавания на основе марксистской методологии, так и в отношении реальной, сформированной пройденным жизненным путём способности трудиться физически. Ведь за плечами была работа на заводе сразу после школы и ратный труд турбиниста во время срочной службы на корабле Северного флота в начале 60-х годов прошлого века. И плотником он был вполне профессиональным. Свидетельство тому – дом, срубленный им собственноручно в его родном селе Михайловском Домодедовского района Московской области. Сергей Николаевич часто выбирался туда из московской квартиры, чтобы отдохнуть и, конечно, поработать – как физически, так и умственно. Топор, рубанок и другие инструменты там у него всегда были в рабочем состоянии. Компьютер и обширная библиотека тоже имелись.

Несколько штрихов к картине, связанной с селом Михайловским.

Во второй половине 2010-х годов как-то так получалось, что каждое лето мы с Сергеем Бычковым приезжали в Михайловское. Ехали на электричке из Москвы по Павелецкому направлению до станции Барыбино. Там нас встречал Сергей Николаевич на своей машине, которую водил хоть и на небольшой скорости, но уверенно. Рейсовые автобусы до Михайловского ходили с большими интервалами. Потому на обочине дороги часто были «голосующие». Сергей Николаевич всегда останавливался и всегда подвозил, если было по пути. Подвозил любого, для кого было свободное место: бабушку с сумкой-каталкой, сезонного рабочего, женщину с ребёнком, пожилого дачника-москвича. Выходя из машины, люди бла-

годарили, часто предлагали деньги, которые он не брал никогда. Как-то жестом отмахивался и скороговоркой бормотал что-то вроде: «Да-ладно-ладно, ничего-не-надо...».

В один из визитов пошли на сельское кладбище. Сергей Николаевич подвёл к месту, где были рядом одна с другой могилы его родных. Произнёс по несколько слов о каждом ушедшем. Помолчал. Потом кивнул на небольшое свободное пространство и сказал: «А это вот – моё место». Там он и похоронен.

Впечатления о человеке важны. И черты его характера, и поступки многое о нём могут рассказать. Но когда речь идёт о глубоком мыслителе, а по отношению к С. Н. Марееву эти слова совсем не кажутся преувеличением, то для понимания его личности обязательно необходимо знание сути его работ, которое достигается не иначе, как через их изучение, чаще всего – многократное.

В последние годы жизни Сергею Николаевичу не очень нравилось, когда его называли философом. Сам себя он считал учёным, исследователем. Конечно, за этим не стояло желание как-то размыть или увести в тень свои политические взгляды, которые он выражал ясно и определённо. Достаточно прочесть его последние работы, посвящённые Великому Октябрю и ленинской теории социалистической революции. Как пояснял он сам, за таким смещением акцентов в названии того, чем он занимался, стояло желание лишней раз подчеркнуть научность разрабатываемого им метода материалистической диалектики. Для меня, инженера по первому высшему образованию, вот уже более пятнадцати лет занимающегося консультированием промышленных предприятий по управлению и организационному развитию, этот акцент, не будучи новым, но будучи более отчётливо проявленным, был принципиально важен. Именно благо-

даря развитию науки о мышлении в трудах С. Н. Мареева они являются, а чем дальше – тем больше будут являться, основой для очень продуктивной работы в других областях человеческой деятельности. То, что среди последователей С. Н. Мареева – инженеры и экономисты, педагоги и историки науки, математики и культурологи, – явление абсолютно закономерное.

Пример из близкой мне профессиональной области – разработка С. Н. Мареевым системного подхода. В 1984 году в издательстве «Наука» вышла подготовленная коллективом авторов книга «Принципы материалистической диалектики как теории познания». Второй раздел в ней «Монизм и системность материалистической диалектики» был написан С. Н. Мареевым. По меркам и сегодняшнего дня это – удивительный текст, по крайней мере – в двух аспектах.

Первый аспект – сравнительный анализ, с одной стороны, формальных, или, как их сегодня чаще называют, механических систем, а с другой – органических систем. Едва ли не ключевая управленческая ошибка сегодня – это подходить к органическим системам с инструментами, годными для формальных, механических систем. Проведя это различие предельно чётко и конкретно, С. Н. Мареев тем самым создал главную предпосылку для предотвращения этой ошибки.

Второй аспект уникальности упомянутого текста – это углублённая разработка теории органических систем. Здесь нужно заметить, что сейчас вполне осознанно и более или менее широко теория и практика таких систем развиваются в основ-

ном в Японии. При изучении этой работы С. Н. Мареева возникает ощущение, что её автор сам участвовал в разработке органических систем, таких как система обслуживания сложного технологического оборудования, система менеджмента качества или интегрированная система управления. Хотя известно, что он ни в чём подобном участия не принимал. Это, однако, не помешало ему сделать такие выводы в отношении управления органическими системами, после которых ничего другого не остаётся, как только применять их на практике.

Если учесть непревзойдённое умение С. Н. Мареева вывести из конкретного процесса труда все основные характеристики систем, элементом которых эти процессы являются, то значимость его работ для развития теории и практики управленческой деятельности невозможно переоценить.

Именно в процессе освоения работ С. Н. Мареева как-то непроизвольно всплывает в памяти характеристика, которую дала творчеству В. В. Маяковского М. И. Цветаева: «За порогом стихов Маяковского – ничего: только действие. Единственный выход из его стихов – выход в действие. Его стихи нас из стихов выталкивают, как белый день с постели сна ... Над строками Маяковского – ничего, предмет весь в его строке, он весь в своей строке, как гвоздь весь ушёл в доску: мы же уже непосредственно у дела и с молотком в руках».

Таким примерно себя и чувствуешь в орбите Мастера материалистической диалектики: непосредственно у дела и с предназначенными для этого дела инструментами-категориями «в руках».

*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕРГЕЕ МАРЕЕВЕ

УДК 101.9

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10613

А. А. Хамидов

Институт философии, политологии и религиоведения

Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

В статье автор вспоминает то время, когда он учился в аспирантуре Института философии АН СССР, о работе Сектора диалектического материализма, об Э. В. Ильенкове, который был его научным руководителем, о знакомстве с С. Н. Мареевым.

Ключевые слова: философия, Э. В. Ильенков, С. Н. Мареев, материалистическая диалектика.

Aleksandr A. Khamidov

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

A FEW WORDS ABOUT SERGEY MAREEV

In the article, the author recalls the time when he studied in graduate school at the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR, about the work of the Sector of Dialectical Materialism, about E. V. Ilyenkov, who was his scientific adviser, about his acquaintance with S. N. Mareev.

Keywords: philosophy, E. V. Ilyenkov, S. N. Mareev, materialistic dialectics.

Для цитирования: Хамидов А. А. Несколько слов о Сергее Марееве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 102–106. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10613

15 ноября (как помню) 1974 года я был зачислен в аспирантуру Института философии АН СССР в Сектор диалектического материализма (так он ещё тогда именовался, а негласно среди сотрудников Института именовался Сектором Лекторского). Я хотел, чтобы моим научным руководителем был Г. С. Батищев, но назначен был

Э. В. Ильенков, что, как потом выяснилось, пошло мне на пользу. Дело в том, что Эвальд Васильевич был единственным доктором наук в Секторе, к тому же его аспирант А. Г. Новохатько к этому времени уже окончил аспирантуру.

Я поступил в аспирантуру в том году, когда директором Института философии

ХАМИДОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

KHAMIDOV ALEKSANDR ALEKSANDROVICH – Full Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

© Хамидов А. А., 2019

был назначен Б. С. Украинцев, сменивший Б. М. Кедрова, которого, так сказать, «ушли». Надо отметить, что после подавления Пражской весны в стране вообще стала усиленно нарастать реакция. Советская партийная номенклатура почуяла, что идеи, вдохновлявшие лидеров и участников чехословацких событий, коренятся в философии, и стала в этой области постепенно «закручивать гайки». Конечно, и не только в этой области. В частности, негласно была запрещена тема и проблема отчуждения как якобы неактуальная для социализма, хотя ею занимался формально канонизированный К. Маркс.

В 1971 году на должность секретаря МГК КПСС по идеологии был назначен В. Н. Ягодкин, один из известных представителей ультраконсервативного крыла КПСС. Он постоянно выступал с идеологическими нападениями на журнал «Вопросы философии», главным редактором которого в то время был И. Т. Фролов, а также на Институт философии АН СССР. Первые несколько месяцев в институте было спокойно (как заметил Г. Батищев, Ягодкин присматривался к обстановке), но потом он заявил о себе. В том же, 1974, году заместителем директора Института философии был назначен В. И. Мишин – личность довольно серая как в профессиональном, так и в человеческом плане. Его привезли в Москву из Горького (ныне Нижний Новгород).

Сектор Лекторского во время моего поступления в аспирантуру работал над темой (как сейчас выражаются, проектом), которая была сформулирована и утверждена при Б. Кедрове. Работа над ней проходила на моих глазах (я не пропускал ни одного заседания Сектора, хотя мне разрешалось посещать его раз в неделю).

Первое время я тесно общался с Батищевым, но потом разошёлся с ним (разу-

меется, не по философским вопросам) и стал больше внимания уделять Сектору и его сотрудникам. Сашу Сорокина я знал до аспирантуры по одной из его публикаций в книге «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа» (1971), Сергея Мареева же узнал впервые. Оба они были искренними приверженцами Эвальда Васильевича, и это нас сблизило. Благодаря им я более тесно стал общаться и с самим Эвальдом Васильевичем. Не помню, чтобы мы с Сорокиным бывали вдвоём у Эвальда Васильевича дома, но с Сергеем бывали не раз.

Я, как уже сказал, присутствовал на всех заседаниях Сектора и слышал всех участвующих в обсуждениях. Сергей в своих суждениях по тому или иному вопросу был последовательным и бескомпромиссным. Он, как и Саша Сорокин, болел за философское дело Э. В. Ильенкова и, особенно, за диалектическую логику. В отличие от Саши, да и от Эвальда Васильевича, Сергей, можно сказать, отождествлял человека с его философской позицией и на этом основании строил или не строил с ним отношения. У Эвальда Васильевича среди приятелей были и его идейные противники. Исключением, насколько я могу судить, в Институте философии был Й. Элез, а вне его – И. С. Нарский. Эвальд Васильевич даже придумал ему кличку «Угорь Сергеевич» (это потому, что тот трактовал диалектическое противоречие как противоречие «в разных отношениях»). Для Сергея же, как я уже сказал, человек исчерпывался его философской позицией. Вот наглядный пример. В Секторе работал Игорь Меркулов, человек сам по себе несколько циничный, в философском же плане совсем чуждый диалектике. Так вот Саша Сорокин и я дружили с ним и часто ходили в кафе «Ветерок» (на его месте давно уже разместилось, за-

хватив, кроме того, ещё огромную территорию, военное ведомство). Ходили мы туда и вместе с Сергеем. Но ситуация была такой: если мы идём с Меркуловым, Сергей с нами не шёл, если шёл он, то оставался Меркулов.

Сергей почему-то не любил Батищева, причём не только как человека, но и как философа, хотя в проблемах диалектики, по крайней мере, в то время его позиция не сильно отличалась от ильенковской. Мы часто с ним спорили о Батищеве. И был такой случай. Сектор диалектического материализма (впоследствии переименованный в Сектор теории познания) был в тесных отношениях с Институтом философии и права АН КазССР. В этом институте разрабатывалась диалектическая логика, вдохновителем которой был Э. В. Ильенков. Она была известна на весь Советский Союз (имеется в виду, конечно, философское его сообщество). Это направление диалектической логики в самом начале разрабатывали Ж. М. Абдильдин, А. Х. Касымжанов, Л. К. Науменко, Г. А. Югай и некоторые другие. С 1979 года там начал работать и я.

Так вот, кажется, в 1976 году в Москву в Сектор теории познания был командирован сотрудник Института философии и права Мурат Сабитов (ныне – Сабит). В институте он встретился с Сергеем, и они решили зайти ко мне. Я жил в аспирантском общежитии на ул. Малая Бронная. Мы, как положено, выпили, разговаривали, а потом у нас с Сергеем начался спор о Батищеве. Мурат был в недоумении: как так? Ильенковцы – и так ожесточённо спорят между собой?

А однажды была такая ситуация. В Секторе обсуждали какие-то тексты, в том числе и текст Сергея. Рецензентом был В. С. Швырёв. Он начал «катить бочку» на Сергея, и Батищев с места сделал ему за-

мечание, что, мол, он недостаточно понял текст. Дело чуть не дошло до рукоприкладства со стороны Швырёва. По крайней мере, он грозился встать и... Он не любил не только Сергея, но также и Эвальда Васильевича, и Батищева.

До Института философии Сергей работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Секторе произведений Маркса и Энгельса. Хотя он тогда не был членом партии. У меня был такой случай. Мне нужно было по теме диссертации познакомиться с ещё не опубликованными тогда тетрадами из марксовой рукописи 1861–1863 годов. Все документы от института я собрал, и в ИМЭЛ мне дали разрешение на бланке (он у меня до сих пор хранится). Но когда я пришёл и позвонил, меня спросили о партбилете. Я сказал, что не член партии. И меня не пропустили. Но, насколько мне известно, Сергей участвовал в подготовке 46-го тома «Сочинений» Маркса и Энгельса. Он свободно владел немецким и польским языками. В 1976 году, кажется, в Институт философии были прикомандированы из Польши Станислав Раинко и Адам Сикора. Сергей был «посредствующим звеном» между ними и Сектором теории познания. С А. Сикорой мы общались нечасто, а вот со Станиславом очень много и очень подружились.

Однажды Сергей дал мне почитать свой текст по диалектике исторического и логического. Я сейчас, конечно, уже не помню, что это за текст и для чего он предназначался, но я обратил внимание на то, что он толкует соотношение исторического и логического иначе, чем Эвальд Васильевич. Я сказал ему об этом. Он ответил: «Ну, я вот так понимаю». Так что он вовсе не следовал во всём слепо за позицией Ильенкова, но имел своё мнение по тем же вопросам, которыми занимался последний.

В 1977 году я закончил обучение в аспирантуре и уехал в Красноярск, из которого как целевик Красноярского госуниверситета поступил в аспирантуру. Обсудился я за полгода до окончания аспирантуры. Поэтому мне продлили пребывание в общежитии до Нового года. Диссертацию рекомендовали единогласно. Я помню, как А. Г. Спиркин сказал: «Как это нет замечаний?». Лекторский ответил ему: «Нет у нас замечаний». «Как же так, – недоумевал Спиркин. – Саше надо помочь. Дайте мне диссертацию, я посмотрю». Я дал ему «кирпич», он через неделю принёс и сказал: «Она как-то так написана, нет у меня замечаний». Однако ко времени моего обсуждения закрыли Совет по защите диссертаций при Институте философии АН СССР. Защиту отложили. Образовалась очередь. Защитился я только в апреле 1978 году.

В 1975 году Сектор завершил работу над утверждённым при Кедрове проектом. Получилось два тома. Были назначены рецензенты. Но когда началось заседание Учёного совета, оказалось, что из официально назначенных рецензентов остался только А. С. Богомолов. Остальные были чужими (при этом о замене не поставили в известность Лекторского). Эти чужие, как голодные псы, набросились на текст Эвальда Васильевича, как будто в двухтомнике он был единственным. Били, в основном, только по этому тексту. Остальные авторы отделались несущественными замечаниями. Но этого оказалось достаточно, чтобы отклонить двухтомник и признать его недостойным публикации.

После года работы в Красноярске я уехал в Алма-Ату (теперь это – Алматы). Ж. М. Абдильдин принял меня на работу. 22 марта 1979 года мы узнали о безвременном уходе из жизни Эвальда Васильевича. М. И. Баканидзе, М. С. Орынбе-

ков (первый аспирант очного обучения Эвальда Васильевича; после него поступил А. Г. Новохатько) и я прилетели в Москву. Гражданская панихида проходила в конференц-зале Института экономики АН СССР, занимавшего в том же здании, что и Институт философии, второй и третий этажи. Когда панихида подходила к концу, ко мне подошёл Сергей и сказал, что надо будет принять участие в несении гроба. Мы несли, кажется, шестером: Орынбеков (слева) и я (справа) шли впереди. За нами, в каком порядке не помню, шли Сергей, Новохатько, Гена Лобастов, Саша Сорокин. Было не до того.

Через какое-то время Саша Сорокин перешёл в другой сектор, а Сергей вообще уволился из Института и перешёл на преподавательскую деятельность. В 1986–1987 годах я был на стажировке в Секторе теории познания. Виделся там с Сашей Сорокиным, но Сергея там уже не было. Приходилось встречать его на нескольких конференциях. Последняя конференция, на которой мы более или менее полноценно пообщались, проходила в 2013 году в Астане (теперь это – Нур-Султан) и была посвящена 80-летию со дня рождения Ж. М. Абдильдина. Помню, мы собрались в номере гостиницы, и с нами были ещё Нина Гусева и Гена Лобастов.

Уход Сергея, безусловно, серьёзная потеря для Философии. Особенно это ощутило в нынешнее время, когда Маркс и Гегель для большинства перестали быть авторитетами, когда сложилась ситуация, о которой в своё время Гегель писал: «каждый называет свою совершенно случайную и незначительную форму [мышления] оригинальным открытием и ведёт себя как философ».

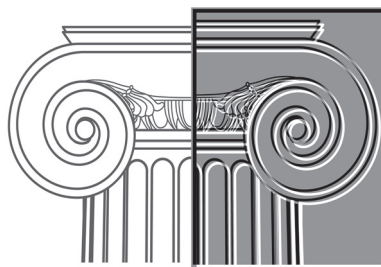
Ушли Саша Сорокин, Лёша Новохатько, теперь вот ушёл и Сергей... Хорошо, что есть Андрей Майданский, Лена Мареева,

Ольга Иващук... Много ли таких, как они? Хочется всё же надеяться, что дело, которым жили такие люди, как Сергей, переживёт нынешнее философское помрачение. Да, в общем-то, когда Философия тор-

жествовала по-настоящему?! Тот же Эвальд Васильевич – в каких условиях он жил и творил? Так что я думаю, что пока живы те, для кого работа в Философии есть род *служения*, можно ещё надеяться на лучшее.

*

ЭСТЕТИКА

ТРАНССРЕССИВНЫЙ ОПЫТ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10614

Л. Н. Ульянова, Р. И. Шуралев

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых

Статья посвящена эстетическому осмыслению трангрессивного опыта в современном искусстве, проблеме соотношения неклассической художественной практики и эстетического опыта, включающей в себя маргинальные темы и эстетизацию повседневности. Раскрываются проблемы трангрессивного опыта, соотношения воспроизведения опыта художника с внутренним опытом субъекта восприятия на основе описания чувственных данных и возможных переходов за рамки дозволенного с фиксацией на опыте свободной игры. Предпринята попытка философско-эстетического анализа феномена трангрессии (на примерах творчества де Сада, Ш. Бодлера, Ж. Жене, Ж. Батая) и его последующего развития и влияния на художественную практику пост-культуры.

Ключевые слова: эстетика, трангрессия, трангрессивный опыт, жестокость, эстетический опыт, маргинальность, телесность.

Larisa N. Ulyanova, Ruslan I. Shuralev

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovykh, the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation, Gorky str., 87, 600000, Vladimir, Russian Federation

TRANSGRESSION IN THE CONTEXT OF AESTHETIC EXPERIENCE

The given article deals with aesthetic comprehension of transgressive experience in contemporary art, the issue of correlating non-classical artistic practice with aesthetic experience, the subject involving marginal issues and aestheticization of daily life. Reveals the problems of transgressive experience, mapping the playback experience of the artist with the internal experience of the subject of perception-based descriptions of sense data, and the possible transitions out of bounds latching on to experience free games. The article attempts to conduct a philosophical-aesthetical analysis of the transgression phenomenon basing on works by de Sade, Genet, Bataille, Baudelaire and to trace its subsequent development and impact on the artistic practice of the post-culture.

Keywords: aesthetics, transgression, transgressive experience, cruelty, aesthetic experience, marginality, corporeality.

¹УЛЬЯНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, профессор, директор Института искусств и художественного образования Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

ULYANOVA LARISA NIKOLAEVNA – Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Arts and Artistic Education, the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovykh

²ШУРАЛЕВ РУСЛАН ИЛЬЯСОВИЧ – студент Института искусств и художественного образования Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

SHURALEV RUSLAN IYASOVICH – student of the Institute of Arts and Artistic Education, the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovykh

e-mail: lari-2009@live.ru¹, rshuralev@list.ru²

© Ульянова Л. Н., Шуралев Р. И., 2019

Для цитирования: Ульянова Л. Н., Шуралев Р. И. Трансгрессивный опыт в эстетическом дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 108–116. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10614

Актуальность выбранной нами темы заключается в том, что многие тенденции в искусстве и поиски в области эстетического связаны с категориями нонклассики. И сегодня под понятием постмодернизма каждый исследователь понимает что-то своё. Трансгрессия становится паракатегорией (ещё не вполне устоявшиеся и пока не подтвердившие свою полезность категории неклассической эстетики) в наше время. Рассматривая феномен трансгрессии с точки зрения современных дискурсивных практик, мы будем опираться на эстетические паракатегории. Нами будет рассмотрено явление трансгрессии и сделана попытка проанализировать трансгрессивный опыт на примере творчества авторов, сознательно шедших на преодоление устоявшихся норм как в художественном, так и в этическом смысле.

Обращение к эстетическому опыту трансгрессии мы предварим некоторыми теоретическими предпосылками с опорой на феноменологический подход. Как известно, воспроизведение опыта художника является эстетическим опытом в процессе реальной чувственной встречи с эстетическим объектом. По мысли Л. Ландгребе, эстетический опыт проявляется «в игровом пространстве возможностей самодвижения» [10]. Момент чувственного опыта должен содержать в себе также раздражители, которые создадут особую атмосферу, фон, необходимый для проникновения и углубления в эстетический предмет. Традиционно феноменологический метод чувственного опыта в работах известных феноменологов Э. Гуссерля, Р. Ингардена, Н. Гартмана опирается на описание явленности предмета сознанию, а рефлексия, как говорил Гус-

серль, это всегда «постобнаружение». Это возможность свободной игры и достижения удовольствия в процессе «бесполезных» с точки зрения прагматической цели движений. Согласимся с исследователями, что одним из ключевых показателей является предвосхищающая направленность движения к «горизонту ожидания» [5]. При этом подчеркнём, что Ж.-П. Сартр указывал на то, что удовольствия чувств не имеют эстетического качества, конкретные цвета, формы, звуки, слова смогут обрести смысл только в ирреальном мире [12].

Человек на протяжении всего своего существования был загнан в рамки «дозволенного»; его бытие постоянно сталкивается с границей «недопустимого». Каждый индивид желает хоть раз нарушить запрет и перейти через это тотальное «нельзя». Но при переходе таких границ мы понимаем, что запрет не перестаёт быть запретом, а напротив, подтверждает его фундаментальность, а произведённые действия можно назвать кощунством или преступлением. Но такое бесконечное преодоление собственных ограничений заложено в природе человека. Переход через рамки дозволенного в неклассической философии постмодернизма называется «*трансгрессией*».

Трансгрессия (греч. trans – ‘сквозь, через’; gress – ‘движение’) – понятие, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы и прежде всего – границы между возможным и невозможным. Французский философ М. Фуко даёт своё определение трансгрессии: «трансгрессия – это жест, который обращён на предел» [13].

В экзистенциальной философии нередко можно встретить упоминание, что бытие

человека есть умирание и именно смерть служит конечным пределом, последней трансгрессией. Вся суть трансгрессии заключена не только в переходе сквозь границы социальных, моральных, сексуальных и нравственных структур; трансгрессия есть возможность соприкосновения с конечным пределом, то есть с собственной смертью. Вечный бег человека от смерти предполагает осязание и ощущение её только через «умирание» другого; трансгрессия же «являет себя как заступление в бытийную возможность собственной смерти» [14].

Согласно современным тенденциям философского дискурса этот феномен мы можем рассматривать с точки зрения эстетики, а конкретно – с помощью неклассических паракатегорий, таких как *жестокость, садизм, мазохизм, эротизм*. Развивая мысли эстетиков-постмодернистов, мы можем быть удовлетворены только тогда, когда выходим за пределы дозволенного. Такие переживания дают возможность испытывать полноту проживания; они (переживания) приобретают эстетический характер в произведениях искусства.

Само понятие «трансгрессия» возникает в XX веке, но предпосылки к формированию данного феномена складываются за много веков до этого. В XVII–XVIII веках среди интеллигенции и знати становится популярным новое философское течение – *либертинаж*, которое проповедует нигилистический образ жизни, отречённость от моральных принципов и сексуальную развращённость. На волне революционных идей, когда «свобода» (*libertas*) становится ключевым понятием и знаменем для революционно настроенного общества, либертинаж (или либертинизм) просачивается не только в личную, будничную жизнь, но и становится почвой для произведений искусства. Границы «дозволенного» перестают

быть для многих вольнодумцев сдерживающей силой; свобода могла проявляться только лишь через жестокость.

Культивируя такую эстетику, во Франции ещё в XVIII веке творит скандально известный писатель-беллетрист **Маркиз де Сад**. Пьер Клоссовски писал о нём так: «... в тот момент, когда лезвие отсекло голову Людовику XVI, в глазах Сада умер ... представитель Бога; и кровь наместника Бога на земле ... кровь Бога окропила головы восставших людей» [9]. В мире, лишившемся Бога, под сомнение ставится вся иерархия ценностей – мораль, нравственность, религия. Маркиз де Сад, возводя в культ гедонизм и первичные, плотские желания, раздвигает границы «дозволенного» для героев своих произведений. Мы можем сказать, что единственным увлечением героев де Сада является процесс трансгрессии, сопровождающейся кощунствами, преступлениями против нравственности, убийствами и богохульством.

Знаменитый роман «120 дней Содома, или Школа разврата», написанный в 1785 году, когда писатель находился в заключении в Бастилии, является самым ярким примером культивирования эстетики жестокости. Многообразие сцен с описаниями оргий, насилия, убийств, многообразных сексуальных девиаций и крайне жестоких пыток всё же заставляют читателя до сих пор переживать *эстетический опыт*.

Вспоминая слова Аристотеля о том, что мы смотрим с удовольствием даже на неприятные нам вещи, мы можем сделать вывод, что эстетический опыт не обязательно приводит к получению приятного удовольствия, ведь созерцание даже безобразных вещей даёт человеку познание. Читатель, сопереживающий герою и вовлечённый в сюжетное полотно произведения, возможно,

испытывает на себе трансгрессивный опыт не только на чувственном уровне.

Эстетика жестокости притягательна, и именно поэтому она продолжает своё воплощение в художественных произведениях, всецело затрагивая многие области искусства. Так, в XIX веке эстетика зла становится главным объектом изучения и воспевания среди поэтов-декадентов. *Декадентство*, как всеобщее понятие для всей второй половины XIX века, убирает любую границу; догмы рушатся, в умах людей царит ощущение безысходности, упадка и желание саморазрушения. Трансгрессия в эту эпоху происходит не посредством жестокости как оправдания свободы, а через созерцание и культивирование всего того злого, что есть в человеке; она непременно является способом постижения глубины чувств через испытываемое отвращение к ним. Трансгрессируя, человек пресыщается чувством, отодвигая видимую границу, погружается в мир новых ощущений и восприятий. Творцы данной эпохи считали, что *«эстетическое описание зла подразумевает глубокую склонность к добру, высочайшую степень нравственности»* [8].

Одним из самых ярких представителей эпохи декаданса являлся *Шарль Бодлер*. Он, воспитанный на концепциях романтизма, выводит свои художественные принципы. Одним из них является *неограниченность предмета искусства*. Мы видим, что Бодлер пытался эстетизировать *безобразное*, которое с помощью *мимесиса* обретает у него красоту и привлекательность. Поэт по-своему трактует категорию прекрасного, различаясь с классическим определением. Он пишет, что прекрасное – *«... это нечто пыльное и печальное, нечто слегка зыбкое, оставляющее место для догадки ... Тайна и сожаление тоже суть ... Прекрасного»* [3]. Мы можем сказать, что для Бодлера такое «сия-

ние» может исходить и от вещей безобразных. Такие трактовки мы можем видеть у эстетиков *нонклассической эпохи*. Созерцание и упоение картинами зла, описаниями безобразного и уродливого способствуют приобретению реципиентом эстетического опыта, направленного на переход, трансгрессию через общепринятую категорию прекрасного; осознание, восприятие и получение удовольствия от свободы и неограниченности предмета искусства.

Скандално известный сборник стихотворений *«Цветы зла»*, который Бодлер опубликовал в 1857 году, служит одним из ярких примеров попытки эстетизации зла и безобразного. Стихотворение *«Падаль»*, эпатировавшее французскую общественность в XIX веке, является *квинтэссенцией* всей творческой деятельности поэта. В нём Бодлер воспевае тленность материи, недолговечность физической красоты; контрастирующие образы прекрасного («ангел») и безобразного («падаль») ярко воздействуют на чувственный уровень восприятия читателя. Картины созерцания безобразного, доведённые до полного упоения разложением мёртвого тела, вводят реципиента в состоянии экстаза. Здесь трансгрессия протекает сквозь и с помощью нити смыслообразующих образов стихотворения. Поэт заставляет нас наблюдать и наслаждаться величием всепоглощающей смерти, где мёртвое тело как физически нестабильная материя – это свобода от клеток и апофеоз частиц.

Эстетика безобразного раскрывается в полной мере в XX веке, когда в только что наступившей эпохе *постмодернизма* классические категории эстетики уходят на задний план и на пьедестале возвышаются паракатегории, уже упомянутые нами, – ужасное, жестокость, садизм. Эротизм культивируется в любых своих проявлениях; творцы XX века экспериментируют с художествен-

ным текстом, не чураясь ни слов, ни образов, описывают маргинальные картины, но самое интересное, что удивить общество уже не получается, да и, скорее всего, задачи такой просто не стояло. Вспоминая слова Ф. Ницше о том, что человек обычно наслаждается злом и находит бесчеловечное зло наиболее привлекательным, мы обратимся к французскому писателю **Жану Жене** [4]. Начиная свой роман «Дневник вора», автор пишет, что был движим «любовью к тому, что зовётся злом» [7]. Жене пытается выйти за предел, «найти новый рай», «заставив признать зло в невинном обличье», определяя своё собственное «благо» как нечто, не связанное с категориями «добра» и «зла», ставя в противовес своё «благо» благу общепринятому. Главное для автора – уловить прекрасное, запечатлеть его, и неважно, что эстетическое начало подчиняет начало этическое.

Текст Жене очень поэтичен – многообразии образов и форм, эротические мечты, собранные воедино, дезинтегрируются в освобождении удовольствия. Жене пытается добиться полного экстаза, как и Бодлер, заставляя присутствовать и наблюдать. «Волевая перверсия сексуального акта» и открывшиеся вместе с ней «мечты-слова» являются попыткой трансгрессирования и выявления аффектов такого процесса [14].

Жан Жене обращается к темам гомосексуальной любви, нарочито заводит читателя в дебри собственных грёз и томлений. Как писал Жорж Батай, заглавная идея Жене – это «отвернуться от возможного и безучастно открыться невозможному» [2]. В романе «Богоматерь цветов» (1943) Жене стремится через текст удовлетворить самого себя – он описывает акты мастурбации, с целью и без цели варьируя их возле фиксированных элементов, повторяет «аффектированные» сцены неограниченно. Он наслаждается соб-

ственной жестокостью; автор – бог, который «пирует в человеческом приношении». Герои романа статичны, их жизнь пассивна. Жене набрасывает на читателя пелену многочисленных образов, стирая сюжетную линию, отводит Слову главенствующую позицию, где оно становится объектом и приобретает *присутствие*. Весь текст романа – как попытка высвободиться из догматичности классической прозы; от начала и до финала Жене существует за «гранью», здесь нет даже фиксации перехода из «дозволенного» в «недозволенное», герои уже априори находятся за этой «гранью».

Трансгрессию как философскую и эстетическую категорию развивает в XX веке французский философ левых убеждений **Жорж Батай**. Мартин Хайдеггер называл его «самым светлым умом во Франции». Мы обратимся к батаевскому «трансгрессивному опыту», который помогает преодолеть предел. Такой опыт является разрушительным и самоубийственным; он выводит за грани греческого «космоса», отрицая сократовский принцип «*ничего сверх меры*». Батай эстетизирует хаос, первоначальное состояние Вселенной; он убеждён, что трансгрессия обязана привести к обновлению мира. Философ культивирует и постулирует сексуальную неумеренность, ведь именно с помощью неё человек способен совершить акт перехода, то есть трансгрессивный опыт. Мера, по Батаю, является особенностью и определяющей категорией для *профанного мира*. Жорж Батай выводит категорию «*сакрального*», говоря о том, что сакральное является синтезом *чистого* и *нечистого*. Больше не существует диалектики противоположностей, они сплетены воедино, обретают святость. Основатель сюрреализма Андре Бретон писал: «... *существует некая духовная точка, в которой жизнь и смерть, реальное и воображаемое,*

прошлое и будущее, выраженное и невыразимое уже не воспринимаются как понятия противоречивые» [2].

Как мы уже говорили, Жорж Батай эстетизирует хаос и всё, что способно привести к нему, а именно – саморасточительство. Наивысшим расточительством он считает принесение себя в жертву. Результат не имеет значения, важен только процесс, получаемый при «само-дарении», помещении себя в «область пред-смертия». На наш взгляд, это и может быть такой эстетический опыт, который можно назвать «игрой со смертью».

Говоря о «святости» трансгрессии, мы не можем не сказать о неприятии такого рода феномена христианской религией, ведь всё, что является предметом запрета, становится сакральным, а *характер трансгрессии – характер греха*. Батай эстетизирует всё, что находится за «гранью», и вводит это в область сакрального. Даже убийство, как нарушение запрета, становится для него сакральным. Батай считает, что желание убивать присуще каждому человеческому индивиду. Комментируя подобное «недопустимое», связанное с актом трансгрессии, добавим цитату Лео Перуца: «Мы носим спящего убийцу в своём мозгу», а то, что спит, способно пробудиться [10].

XX век полон экспериментов, новых явлений в культуре и искусстве. Эстетика трансгрессии стала весьма и весьма популярна во второй половине столетия. Появление в массовой культуре шокирующих фильмов, книг, музыкальных групп говорит лишь о том, что процесс трансгрессии имеет под собой весьма «привлекательные» для современного человека идеи. Теперь это не только удел интеллигенции и творческой элиты; эстетика трансгрессивного распространяется с невероятной скоростью во всех областях искусства.

В 1975 году **П. П. Пазолини** снимает по роману Маркиза де Сада фильм «Сало, или 120 дней Содома», только время действия переносится в последние дни итальянского фашизма, в 1944 год. После выхода фильма в обществе разразился скандал: кто-то полагал, что фильм необходимо запретить, а кто-то – что это произведение искусства, достойное высокой оценки. Несмотря на это, мы можем сделать вывод, что процессы трансгрессивного перехода и эстетика запредельного выходят на новый уровень – уровень массового искусства.

За этим фильмом следует ещё огромное множество кинематографических опытов, экспериментальных фильмов, фильмов в стиле нуар, трэш, арт-хаус, и все они пронизаны попытками эстетизировать и культивировать трансгрессивный опыт. Фильм «Порождённый» **Э. Э. Мериджа**, вышедший в 1990 году, является некой эстетической «пыткой», погруженной в липкое и вязкое безумие, наполненное странными и страшными образами. Фильм является попыткой переосмыслить Книгу Бытия; в нём также содержатся отсылки к философии Ницше и Батая. Здесь трансгрессивный опыт протекает не через призму сексуальных девиаций, а через нарушение религиозных представлений, через «умирание Бога», представление божественного в низменных, упаднических формах.

В 90-е годы XX века на волне популярности французской маргинальной прозы Жана Жене с его преступно-гомосексуальной тематикой, Пьера Буржада с «эротической механикой», Луи Фердинанда Селина с его человеконенавистничеством, Габриэль Витткоч с «торговкой детьми» и Пьера Гийота с его «эдемом» в кинематографе появляется течение – «новый французский экстрим». Этот термин вводится канадским кинокритиком Джейсом Квандтом, который

описал в журнале «Artforum» моду на растущий интерес к феномену шока. Общую тематику кинематографических картин «нового французского экстрима» Квандт описал как «порно, каннибализм и порванное нижнее белье» [15]. Действительно, данное направление затрагивает достаточно щепетильные и маргинальные темы: садо-мазо, инцест, насилие, педофилию, некрофилию и многие другие формы сексуальных девиаций. Кажется, что удивить общественность уже было и нечем, ведь подобные темы уже освещали писатели предыдущих эпох. Но, как мы можем увидеть, со стороны критиков в адрес режиссёров «французского экстрима» посыпались обвинения в пропаганде и эстетизации жестокости и низменной природы человека, а это не могло не придать большей огласки, а вместе с этим и популярности новым экспериментальным картинам. Среди известных фильмов «нового французского экстрима»: «Падалъ» и «Необратимость» *Гаспара Ноэ*, «Крысятник» *Франсуа Озона*, «Что ни день, то неприятности» *Клер Дени*, «Мученицы» *Паскаля Ложье*.

Ещё больше интерес к телесности и трансгрессивности проявляется в совсем уж андеграундных фильмах, рассчитанных на особую группу зрителей. Подобный кинематограф не чурается ни тошнотворных образов, ни чудовищно-пугающих сцен. Среди таких фильмов – картины режиссёра *Люцифера Валентайна* «Идеальный ребёнок Сатаны», «Выблеванная жертва» и другие.

Эстетика трансгрессии становится популярна и в современной рок-музыке, так как потребность в трансгрессивном опыте свойственна сегодняшнему человеку. Категория зла эстетизируется в творчестве известного американского музыканта *Мерилина Мэнсона*. Его творческая карьера наполнена шокирующими событиями; его

песни – призывы к насилию и жестокости; музыкальные клипы, снятые известными режиссёрами, шокируют и пугают. Но, конечно, мы понимаем, что это всего лишь попытка провокации, «взбадривания» серой общественности; это всего лишь образы, через которые Мэнсон пытается поделиться со своим слушателем насущными проблемами жизни общества, политики, искусства и религии...

В связи с противоречивостью современной пост-культуры, возникают всё новые паракатегории; «эстетическое» носит относительный и субъективный характер. Человек, нередко загнанный в узкие рамки неполноценных и крайне скудных шаблонных актов восприятия, навязанных обществом и массовой культурой, ищет новые формы эстетического опыта на основе свободной игры чувственных данных. Такой формой, на наш взгляд, может являться трансгрессия. Стремясь к трансгрессивному, порой «невозможному» мистическому опыту, человек обращается к мрачным, зачастую отталкивающим глубинам собственной психики. Трансгрессивный опыт как явление эстетического порядка был запечатлён в произведениях авторов разных эпох как в классическом, так и в современном искусстве, что было проанализировано нами на примерах творчества де Сада, Ш. Бодлера, Ж. Жене, Ж. Батая, П. Пазолини и многих других. Опыт трансгрессии автора и читателя может происходить не только на чувственном, но и на метафизическом уровне, в системе символического мышления. Категория прекрасного, претерпевающая трансформацию уже в творчестве Ш. Бодлера, в дальнейшем в процессе эстетического опыта приводит к новым качествам эстетического объекта в трансгрессии, которая характеризуется неограниченностью самого предмета искусства. Таким образом, клас-

сические принципы эстетического опыта, связанные со стремлением к духовной гармонии, нередко заменяются в современном искусстве на принципы трансгрессивного эстетического опыта, в котором важнейши-

ми становятся феноменологические координаты: самодвижение, игра, диалог реального и ирреального. Проблема трансгрессивного опыта в эстетическом дискурсе остаётся неоднозначной, но актуальной.

Примечания

1. *Аристотель*. Поэтика. Риторика. Москва : Азбука, 2020. 320 с.
2. *Батай Ж.* Литература и зло. Москва : Издательство Московского университета, 1994. 168 с.
3. *Бодлер Ш.* Цветы Зла : [сборник стихотворений] ; Стихотворения в прозе ; Дневники. Москва : Высшая школа, 1993. 510 с. : ил. (Библиотека студента-словесника).
4. *Бычков В. В.* Эстетика. Москва, 2002. 556 с.
5. *Гартман Н.* Эстетика / пер. с нем. Т. С. Батищевой и [др.] ; под ред. канд. философ. наук А. С. Васильева. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1958. 692 с. (Для научных библиотек).
6. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / [пер. с нем. А. В. Михайлова]. Москва : Академический проект, 2009. 285 с. (Философские технологии).
7. *Жене Ж.* Дневник вора. Москва, 2012.
8. *Калассо Р.* Размышления кровавого убийцы [Электронный ресурс]. URL: <https://batenka.ru/aesthetics/reading/kalasso/>
9. *Клоссовски П.* Сад и Революция // Маркиз де Сад и XX век : [сборник : пер. с фр. / сост., сверка пер., вступ. ст. и коммент. М. К. Рыклина]. Москва : РИК «Культура», 1992. С. 280.
10. *Ландгребе Л.* Что такое эстетический опыт? // Современная западно-европейская и американская эстетика : сборник переводов / под общ. ред. Е. Г. Яковлева. Москва : Книжный дом «Университет», 2002.
11. *Перуц Л.* Мастер Страшного суда. Москва, 2008.
12. *Сартр Ж.-П.* Произведение искусства // Современная западно-европейская и американская эстетика : сборник переводов / под общ. ред. Е. Г. Яковлева. Москва : Книжный дом «Университет», 2002.
13. *Фуко М.* О трансгрессии // Танатография Эроса : Ж. Батай и французская мысль середины XX века : [сборник] / Экспериментальная студия книжного искусства «Чистое поле» ; [сост., авт. пер. и коммент. С. Л. Фокин]. Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. С. 111.
14. *Хайдеггер М.* Время и бытие : статьи и выступления / [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибикина]. Москва : Республика, 1993. 448 с. (Мыслители XX века).
15. Quandt J. (2004) *Flesh and blood: sex and violence in recent French cinema. Artforum.* New York. P. 37. (In English)
16. Sartre J.-P. (2010) *Saint Genet, comédien et martyr.* Paris. 610 p. (In French)

References

1. Aristotle. *Poetika. Ritorika. [Poetics. Rhetoric]*. Moscow, "Azbooka" Publishing house, 2020. 320 p. (In Russian)
2. Batay Zh. [Bataille Georges] *Literatura i zlo [Literature and evil]*. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 1994. 168 p. (In Russian)
3. Bodler Sh. [Baudelaire Charles Pierre] *Tsvety Zla ; Stikhotvoreniya v proze ; Dnevniki [Evil Flowers; Poems in prose; Diaries]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1993. 510 p. (In Russian)
4. Bychkov V. V. *Estetika [Aesthetics]*. Moscow, 2002. 556 p. (In Russian)
5. Gartman N. [Hartmann Nicolai] *Estetika [Aesthetics]*. Moscow, Publishing House of Foreign Literature, 1958. 692 p. (In Russian)
6. Husserl E. *Ideen zu einer reinen phänomenologie und phänomenologischen philosophie.* (In Rus. ed.: Gusserl E. *Idey k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2009. 285 p. (In Russian)).
7. Zhene Zh. [Genet Jean] *Dnevnik vora [Thief's diary]*. Moscow, 2012. (In Russian)

8. Kalasso R. [Calasso Roberto] *Razmyshleniya krovozhadnogo ubiytsy [Reflections of a bloodthirsty killer]*. Available at: <https://batenka.ru/aesthetics/reading/kalasso/> (In Russian)
9. Klossovski P. [Klossowski Pierre] *Sad i Revolyutsiya [Garden and Revolution]. Markiz de Sad i XX vek [Marquis de Sade and the 20th century]*. Moscow, Editorial and Publishing Complex “Culture”, 1992. P. 280. (In Russian)
10. Landgrebe L. *Что takoe esteticheskiy opyt? [What is aesthetic experience?]*. In: Yakovlev E. G., ed. *Sovremennaya zapadno-evropeyskaya i amerikanskaya estetika [Contemporary Western European and American aesthetics]*. Moscow, Book House “University”, 2002.
11. Peruts L. *Master Strashnogo suda [Master of the Last judgment]*. Moscow, 2008. (In Russian)
12. Sartr Zh.-P. [Sartre J.-P.] *Proizvedeniye iskusstva [Piece of art]*. In: Yakovlev E. G., ed. *Sovremennaya zapadno-evropeyskaya i amerikanskaya estetika [Contemporary Western European and American aesthetics]*. Moscow, Book House “University”, 2002. (In Russian)
13. Fuko M. [Foucault Paul-Michel] *O transgressii [About transgression]. Tanatografiya Erosa: Zh. Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka [Thanatography of Eros: J. Bataille and French thought of the mid 20th century]*. Moscow, Publishing house “Mifril”, 1994. P. 111. (In Russian)
14. Khaydegger M. [Heidegger M.] *Vremya i bytie [Time and being]*. Moscow, Publishing house “Respublika”, 1993. 448 p. (In Russian)
15. Quandt J. (2004) *Flesh and blood: sex and violence in recent French cinema. Artforum*. New York. P. 37. (In English)
16. Sartre J.-P. (2010) *Saint Genet, comédien et martyr*. Paris. 610 p. (In French)

*

ПОНЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИКИ ТРАВМЫ

УДК 7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10615

М. П. Фокеева

Литературный институт имени А. М. Горького

Автор рассматривает, каким образом трансформировалось понятие художественной правды в эстетике травмы. Предметом анализа становятся типологизирующие черты произведений искусства, актуальных в области эстетики травмы, а также то, каким образом это трансформировало понятие художественной правды. Такими чертами можно назвать утрату памяти вследствие травматического опыта, аннигиляцию символического языка, невозможность структурированного нарратива, свидетельство как приём. Автор обращается к основным работам по эстетике и философии, актуализующим понятие травмы и её соотношение с истиной в искусстве. Результатом исследования является вывод о том, что художественная правда в эстетике травмы трансформируется до буквального отображения травмирующей действительности – свидетельства, которое ставит перед собой задачу ресимволизировать язык и восполнить пустоты в культурной памяти.

Ключевые слова: эстетика травмы, художественная правда, мимесис, свидетельство, история.

Mariya P. Fokeeva

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tverskoy Blvd, 25, 123104, Moscow, Russian Federation

THE CONCEPT OF ARTISTIC TRUTH IN TRAUMA AESTHETICS

The author considers the concept of artistic truth and its transformations in trauma aesthetics. The subject matter of analysis is works of art classifying features relevant in the field of trauma aesthetics, as well as how it transformed the concept of artistic truth. Such features include loss of memory due to traumatic experience, annihilation of symbolic language, impossibility of structured narrative, evidence as a technique. The author refers to the main works on aesthetics and philosophy, actualizing the concept of trauma and its relationship with artistic truth. The study result is that artistic truth in the aesthetics of trauma is transformed into a literal representation of traumatic reality, evidence that aims to re-symbolize language and fill the voids in cultural memory.

Keywords: trauma aesthetics, artistic truth, mimesis, evidence, history.

Для цитирования: Фокеева М. П. Понятие художественной правды в контексте эстетики травмы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 117–122. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10615

ФОКЕЕВА МАРИЯ ПЕТРОВНА – аспирантка кафедры общественных наук Литературного института имени А. М. Горького

FOKEEVA MARIYA PETROVNA – graduate student of the Department of Social Sciences, the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing

e-mail: valhaol@mail.ru

© Фокеева М. П., 2019

Понятие художественной правды или истины в искусстве предельно обобщённо можно трактовать как отображение действительности в произведении искусства. В классической эстетике понятие художественной правды тесно связано с понятием мимесиса. Так, согласно А. Ф. Loseву и В. П. Шестакову, «подражание относится к тем эстетическим категориям, посредством которых эстетика прошлого пыталась выяснить сущность искусства» [7, с. 204]. Вполне естественным продолжением этого утверждения является то, что на разных исторических этапах развития искусства понятие мимесиса имело свои специфические значения, которые различным образом воплощались в конкретных произведениях.

В действительности можно отметить, что дискуссия о мимесисе Платона и Аристотеля в самых разнообразных прочтениях продолжалась вплоть до XIX века, когда новые теории искусства проблематизировали вопрос, какую именно правду или истину возможно приписать искусству. В общих чертах понятие художественной правды оказывалось связанным с воображением и выражением того, что выходит за рамки обыденного восприятия.

В XX веке, вследствие лингвистического поворота в философии, начинают преобладать проблемы обозначения связей между репрезентативным искусством и реальностью, экспрессивным искусством и личностью. Как пишет Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате», «тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира» [4, с. 81].

Т. Адорно утверждает, что способность бросать вызов обыденному языку даёт искусству уникальную способность нести ис-

тину: «Искусство, воспроизводя обаяние реальности, сублимируя его в виде образа, в то же время тенденциозно освобождается от него; сублимация и свобода находят взаимопонимание» [1, с. 191].

В то же время содержание художественно правдивого произведения искусства не является метафизической идеей или сущностью, поскольку оно неразрывно связано с реальностью: конкретными историческими этапами, общественными и политическими формациями. В конечном счёте мы не можем трактовать истину в искусстве как просто набор приёмов, в противном случае мы столкнёмся с неразличением художественного текста и работой СМИ. Истина в искусстве возникает из интенции художника в его взаимодействии с миром. Это выражение самых неразрешимых противоречий в пределах возможного примирения посредством работы искусства. Таким образом, нельзя утверждать, что художественная правда является пропозицией, поскольку она постоянно требует критической рефлексии и интерпретации.

Общим важным местом является вопрос о критериях истинности. Если у Адорно контекст художественного содержания истины связан с разрушением реальности, то у М. Хайдеггера общее представление об истине в искусстве сформулировано как «разомкнутость». Понимание, согласно Хайдеггеру, есть артикулированная разомкнутость [11]. Таким образом, вопрос о художественной правде или истине в искусстве находится не в соответствии с действительностью, а в герменевтической открытости интерпретатора перед бытием. Для нас крайне важным выводом является то, художественная правда, помимо эстетического, имеет также социальное, историческое и политическое измерения.

Эстетика травмы, возможно, более других дисциплин оказывается вовлечена в дискуссию о возможностях выразительных средств искусства в репрезентации реальности. В этом отношении одна из важнейших тем эстетики XX века полностью обращена к историческому процессу, поскольку XX век, по замечанию Ш. Фелман, можно назвать посттравматическим [12]. Именно история XX века позволяет сконцентрироваться на историзме художественных потребностей, позволяя с другой точки зрения рассмотреть понятие художественной правды.

Проблема отображения действительности очень остро возникает в контексте переосмысления истории XX века, поскольку речь идёт о репрезентации травматического опыта, что, согласно утверждению философа и культуролога Е. В. Петровской, является главной задачей аналитики травмы, которая «представляет собой один из междисциплинарных способов номинализации, говорения о заведомо болезненных и зачастую закрытых от прозрачной манифестации и артикуляции событий» [8, с. 98].

В данном ключе нас интересуют способы репрезентации травматического опыта в искусстве, поскольку это позволяет изучать вопрос истины в искусстве, не находясь в контексте классической эстетики. Как пишет социолог Е. Ю. Рождественская, «не правда ли, рассказывая или выдумывая некую историю, мы ориентируемся “на другого?”» [9, с. 108].

К диалогической направленности текстов, которые находятся в поле эстетики травмы, следует отнести направленность художника к другому, то есть реципиенту. Художник создаёт пространство, в котором возможен этот диалог, восполняющий символическую недостаточность, создаю-

щий возможность заимствования и в конечном счёте артикуляции травматического опыта для реципиента. Таким образом, опыт восприятия произведения искусства с присвоением дискурса травмы оказывается диалогическим.

Эту ориентацию «на другого» с целью репрезентации травматического опыта в художественном тексте следует трактовать как понимание художественной правды в эстетике травмы. Тем не менее Ш. Фелман и Д. Лауб указывают, что существует степень неясности между повествованием и историей, между искусством и памятью, между речью и выживанием в том плане, что документирование истории травмы оказывается крайне сложным из-за восприимчивости истории к памяти [12].

Можно говорить, что репрезентация травматического заведомо определяет форму повествования как диалогическую, поскольку внутренний опыт может быть выражен только в обращении к другому, вне зависимости от того, кем этот другой будет являться. Далее следует подчеркнуть, что это выражение травматического опыта сопряжено с припоминанием, преодолением амнезии, которой он часто сопровождается. Помимо потери памяти, травматический опыт также связан с утратой способности к ясному изложению, с аннигиляцией символического в языке.

Таким образом, мы можем говорить о том, что понятие художественной правды в искусстве в контексте эстетики травмы связано буквально с отображением травмирующей реальности, которое в значительной степени затруднено как раз в результате её травмирующего характера. Не следует забывать также и то, что часто попытки реконструкции терпят поражение по причине того, что жертвы и свидетели насилия бесконечно пытаются прийти к соглашению с

насилием: агрессоры и жертвы постоянно меняют свой статус.

Как пишет философ Р. Рорти, «если высказаться по-хайдеггеровски: “язык говорит человеком”, языки изменяются в ходе истории, и поэтому люди не могут избежать их историчности» [10, с. 79].

Эстетика травмы как раз выявляет тенденции в отношении сцепления между прошлым, историей и настоящим, которые репрезентованы в произведении искусства. Таким образом, истинность в искусстве напрямую соотносится с культурной ответственностью, выраженной в интенции по восполнению пустот в исторической памяти, возникших вследствие исторической травмы.

Х. Келлнер в интервью Э. Доманской говорит: «То, что мы имеем, есть рассказы, истинные для данного пространства и времени» [5, с. 121]. Это является точнейшей формулировкой того, что можно понимать как художественную правду в контексте эстетики травмы.

По словам Ш. Фелман, основной дискурсивной моделью, присущей посттравматическому XX веку, является свидетельство [12]. Ж. Амери в предисловии к своей работе «По ту сторону преступления и наказания» очень внятно пишет об этом: «Я не пытался выстраивать объяснения ни тогда, тридцать лет назад, ни сегодня – я способен только свидетельствовать. Что меня занимает и о чём я вправе говорить – это жертвы рейха ... Я хотел лишь описать морально-психическое состояние, а оно неизменно» [2, с. 10].

Так, фигура свидетеля – новая фигура текста, которая в некотором роде становится на место автора и/или рассказчика, и появление этой новой фигуры имеет решающее значение в контексте художественной правды. Реальный свидетель в обстоятель-

ствах репрезентации своего свидетельства становится автором, и это авторство также сопровождается большой ответственностью, возникающей в связи с необходимостью утверждения подлинности его речи или письма. С точки зрения стратегий свидетельствования по понятным причинам наибольший интерес у нас вызывают письменные свидетельства, являющие собой, согласно С. Зонтаг, особое дискурсивное пространство, легитимное для определённой, понимающей аудитории [6, с. 18].

Свидетель является носителем памяти, своего рода проводником памяти, пережившим травматический опыт, но способным артикулировать его.

В отношении художественного текста в первую очередь важна эта фиксация памяти или же следа памяти, то есть художественная правда здесь будет приравниваться к сохранению работы памяти о травматическом опыте. В этом отношении фигура свидетеля не нуждается в доказательствах своей подлинности. Так, работа в дискурсе травмы *a priori* не подразумевает работы с документами. Скорее, речь идёт о сохранении риторических фигур, присущих репрезентации травмы и посттравматических состояний, за счёт которых осуществляется идентификация. Таким образом, фигура свидетеля – это риторическая фигура, гарантирующая истинность в произведении искусства.

Подводя итоги, следует выделить следующее: центральным компонентом является разговор о травматическом опыте, который в свете истории XX века уже имеет не произвольный характер, но становится социальной необходимостью. Эстетика травмы проблематизирует этот разговор в контексте искусства, которое ставит перед

собой задачу репрезентовать травматический опыт художественными средствами. Травматический опыт прошлого не может остаться в прошлом, не может быть помещён в архив, он имеет процессуальный характер. Нас интересует не травма, полученная вследствие частного стечения обстоятельств, но травма, полученная вследствие травматических событий истории, и мы можем утверждать её всеобъемлющее присутствие в рамках европейской культуры в XX веке.

Художественную правду или истину в искусстве в понимании эстетики травмы следует трактовать не как подражание (миметическое в платонической или аристотелевской традиции), но как буквальное отображение действительности, которое задействует определяющие приёмы ре-

ального свидетельства, но в пространстве искусства. Ради этого мы и выделили фигуру свидетеля как собственно риторическую фигуру, являющуюся своего рода гарантом истинности.

Художественно правдивым является то произведение, которое стремится восполнить символическую недостаточность языка травмы. С одной стороны, перед таким произведением стоит задача ресимволизации, с другой – восполнение утраченной памяти о травматическом опыте истории и через это восполнение, через изображение ужасного дать возможность реципиенту пережить терапевтическое воздействие, обрести утраченный вследствие травмы язык. Или же, если обратиться к В. Беньямину, художественно правдивое произведение даёт голос «традиции угнетённых» [3].

Примечания

1. Адорно Т. Эстетическая теория = Ästhetische Theorie / [пер. с нем. А. В. Дранова]. Москва : Республика, 2001. 526 с.
2. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Москва : Новое издательство, 2015. 190 с.
3. Беньямин В. О понятии истории // Учение о подобии : медиаэстетические произведения / [пер. с нем. И. Болдырева и др.] ; Российский государственный гуманитарный университет. Москва : РГГУ, 2012. С. 237–253.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. и сверено с авториз. англ. переводом И. Добронравовым, Д. Лахути ; общая ред. и предисл. д-ра философ. наук, проф. В. Ф. Асмуса. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1958. 133 с. : черт.
5. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. Москва : Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
6. Зонтаг С. Смотрим на чужие страдания. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014. 96 с.
7. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. Москва : Искусство, 1965. 376 с.
8. Петровская Е. В. Безымянные сообщества. Москва : Фаланстер, 2012. 384 с.
9. Рождественская Е. Ю. Словами и телом: травма, нарратив, биография // Травма: пункты : [сборник статей] / [сост.: С. Ушакин, Е. Трубина] ; под ред. Сергея Ушакина и Елены Трубиной. Москва : Новое литературное обозрение, 2009.
10. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / [пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова]. Москва : Русское феноменологическое общество, 1996. 279 с. : ил. (Пирамида. Библиотека журнала «Логос»; 17).
11. Хайдеггер М. Бытие и время / [пер. с нем. В. В. Библихина]. Харьков : Фолио, 2003. 510 с.
12. Felman Sh., Laub D. (1992) *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Taylor & Francis. 312 p. (In English)

References

1. Adorno T. *Esteticheskaya teoriya [Aesthetic theory]*. Moscow, Publishing house “Respublika”, 2001. 526 p. (In Russian)

2. Amery Zh. *Po tu storonu prestupleniya i nakazaniya [Beyond crime and punishment]*. Moscow, Publishing house “Novoe izdatelstvo”, 2015. 190 p. (In Russian)
3. Benyamin V. [Benjamin Walter] O ponyatii istorii [Theses on the Philosophy of History]. In: Benyamin V. [Benjamin Walter] *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya [The doctrine of likeness: media aesthetic works]*. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2012. Pp. 237–253. (In Russian)
4. Vitgenshteyn L. [Wittgenstein L.] *Logiko-filosofskiy traktat [Tractatus logico-philosophicus]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1958. 133 p. (In Russian)
5. Domanska E. *Filosofiya istorii posle postmodernizma [The philosophy of history after postmodernism]*. Moscow, Publishing house “Kanonplus”, 2010. 400 p. (In Russian)
6. Zontag S. *Smotrim na chuzhie stradaniya [Regarding the pain of others]*. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. 96 p. (In Russian)
7. Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriya esteticheskikh kategoriy [The History of aesthetic categories]*. Moscow, Art Publishing House, 1965. 376 p. (In Russian)
8. Petrovskaya E. V. *Bezimyannye soobshchestva [Unnamed communities]*. Moscow, Publishing house “Falanster”, 2012. 384 p. (In Russian)
9. Rozhdestvenskaya E. Yu. Slovami i telom: travma, narrativ, biografiya [With words and body: trauma, narrative, biography]. In: Ushakin S., Trubina E., eds. *Travma: punkty [Trauma: points]*. Moscow, New Literary Observer publishing house, 2009. (In Russian)
10. Rorty R. [Rorty Richard McKay] *Sluchaynost', ironiya i solidarnost' [Contingency, irony and solidarity]*. Moscow, published by Russian phenomenological society, 1996. 279 p. (In Russian)
11. Khaydegger M. [Heidegger M.] *Bytie i vremya [Being and time]*. Kharkov, Publishing house “Folio”, 2003. 510 p. (In Russian)
12. Felman Sh., Laub D. (1992) *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History*. New York: Taylor & Francis. 312 p. (In English)

*

П

ИРАМИДАЛЬНОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА. К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ТРАДИЦИЙ

УДК 7.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10616

Е. А. Скоробогачева

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

Статья посвящена малоизученной проблеме выявления основных закономерностей в эволюции искусства, исследованию «механизма» сохранения и эволюции традиций. Цель статьи – обосновать впервые предлагаемое пирамидальное теоретическое построение развития искусства, приложимое в целом к сфере культуры. Обоснование проведено посредством анализа памятников изобразительного творчества Русского Севера в хронологических рамках XV – начала XXI века. Результаты исследования суммируются в заключении: создание произведений искусства должно быть связано с традицией; новаторские образцы развивают традицию, что позволяет создавать профессиональные, духовно наполненные памятники культуры.

Ключевые слова: традиция, пирамидальное теоретическое построение, эволюция искусства, интерпретация традиций, духовно-художественные основы, развитие искусства.

Ekaterina A. Skorobogacheva

Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Myasnikskaya st., 21, 101000, Moscow, Russian Federation

PYRAMIDAL THEORETICAL CONSTRUCT OF THE DEVELOPMENT OF ART. ON THE ISSUE OF PRESERVATION AND EVOLUTION OF TRADITIONS

The article is devoted to the little-studied problem of identifying the main regularities in the evolution of art, the study of the «mechanism» of preservation and evolution of traditions. The purpose of the article is to substantiate for the first time the proposed pyramidal theoretical construction of the development of art, applied in General to the sphere of culture. The study was conducted by analyzing the monuments of the Russian North's fine arts in the chronological framework of the XV – early XXI century. The results of the study are summarized in the conclusions – the creation of works of art should be associated with tradition; innovative samples develop tradition, which allows you to create professional, spiritually filled cultural monuments.

Keywords: tradition, pyramidal theoretical model, evolution of art, interpretation of traditions, spiritual and artistic foundations, development of art.

СКОРОБОГАЧЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусств, директор музея Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

SKOROBOGACHEVA EKATERINA ALEXANDROVNA – Full Doctor of Art Criticism, Professor of the Department of General History of Arts, Director of the Museum of the Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture

e-mail: Skorobogacheva@mail.ru

© Скоробогачева Е. А., 2019

Для цитирования: Скоробогачева Е. А. Пирамидальное теоретическое построение развития искусства. К вопросу сохранения и эволюции традиций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 123–128. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10616

Исследование произведений культуры в настоящее время требует не только профессионального анализа и практических навыков, но и теоретических обобщений, что особенно актуально, учитывая многообразие стилей и духовно-визуальные контрасты современных направлений культуры, изобразительного искусства в частности. Наряду со столь распространёнными в современных экспозициях предметами «актуального» искусства исключительно значимо сохранение исконных духовно-художественных устоев [4, с. 188], основ классического искусства, традиций реализма, школы мастерства.

Учитывая вышесказанное, очевидна актуальность обращения к теоретическим исследованиям и положениям для ответа на ряд спорных вопросов: должно ли быть создание произведения искусства связано с традицией; отрицает ли традицию новаторское для своего времени произведение.

На основании определения ряда ключевых понятий и проведённого практического исследования нами предлагается *пирамидальная теоретическая модель эволюции искусства. Первый уровень данного построения образуют духовные и художественные устои. Следующим этапом эволюции искусства является локальная интерпретация обозначенных устоев в тех или иных центрах искусства. Завершением пирамиды полагаем трактовку локальных художественных характеристик в единичных предметах искусства.*

Для данной теоретической структуры нами избрана именно пирамидальная форма, поскольку при создании любого произведения искусства и, шире, культуры, на наш взгляд, важно осмыслить вектор дви-

жения вверх, исходящий из устойчивого основания. Необходимо не только осознать опору на традицию, но и стремление развить её, отчасти выйти за её рамки, словно «подняться» над ней в процессе творческого создания образа и визуализации конкретной философской идеи.

Подтвердим данную модель конкретными примерами различных эпох и видов искусства – живописи (иконописи [1, с. 120], станковой масляной живописи) и графики. Последовательно рассмотрим в ракурсе решения обозначенного вопроса икону «Зырянская Троица» (конец XIV века) [2, с. 53] и пейзажную композицию А. П. Афонина «Голгофа Русского Севера» (1995).

Рассмотрим в данном ракурсе **икону «Троица Ветхозаветная»** конца XV – начала XVI века псковской школы, происходящую из собрания С. А. Щербатова, ныне принадлежащую Государственной Третьяковской галерее. Прежде всего, определим *первый уровень теоретической пирамидальной модели – духовные и художественные устои* создания данного памятника. Иконография «Троица Ветхозаветная», а именно – образ трёх ангелов, соединённых в цельном композиционном и смысловом решении, была известна в Византийской империи начиная с XIV столетия и именовалась Филоксения (греч. ‘гостеприимство’). В древнерусском государстве иконографическая композиция «Троица Ветхозаветная» была несколько переосмыслена, что подтверждает, в частности, рассматриваемая псковская икона «Троица Ветхозаветная», где исключительно наглядно дана не столько иллюстрация к библейскому повествованию, сколько представлено ясное воплощение богослов-

ской, религиозно-философской идеи о троичности (триединстве) Господа Бога – Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа. Следовательно, *исконные традиции христианства, православной культуры, как византийские, так и древнерусские, являются тем «фундаментом», который образует основу пирамидального теоретического построения в отношении иконы «Троица Ветхозаветная».*

Взаимодействие миграционных потоков под влиянием историко-социальных, религиозно-философских факторов, обусловленные ими духовные и художественные векторы, их интерпретация в различных «очагах» культуры, в том числе на землях Великого Новгорода, Пскова, Севера, были отражены в произведениях искусства. Икона «Троица Ветхозаветная»¹ – один из памятников, который доказывает исследуемую тенденцию. Таким образом, анализируем следующий этап развития традиций и теоретический ярус пирамиды – обращаемся к локальному преобразованию традиций на различных территориях, применяем его к иконе «Троица Ветхозаветная». Закономерно, что данному образу присущи те основные черты, которые характеризуют псковскую иконопись в целом: свойственные псковской иконной живописи цветовые сочетания изумрудно-зелёного, оранжево-красного темно-зелёного, а также вишнёвого. Среди них выделим чёткость композиционных решений и деталей изображения, ясно очерченных по силуэту, геометрически точно трактованных фигур, превалирующее использование местных красителей, нередко довольно грубого по мола, обилие золота, которое образует тонкий ассист одежд ангелов. *Указанные характеристики образа «Троица Ветхозаветная»*

¹ Икона «Троица Ветхозаветная». Конец XV – начало XVI века. Дерево, темпера. 145x108. Государственная Третьяковская галерея, Москва [28597].

составляют специфику конкретной интерпретации традиций древнерусской живописи в псковском крае.

Обратимся к анализу вершины пирамидального теоретического построения – к индивидуальной художественной специфике данного памятника. Икона «Троица Ветхозаветная» отличается необычным построением. Как композиционный, также во многом и смысловой центр в верхней части иконной доски по вертикальной центральной оси композиции расположен Мамврийский дуб, который уподоблен древним символам Мирового древа, Древа жизни. Данный образ чётко выделен цветовым и тональным решением – довольно насыщенным по тону пятном с ясно обозначенным силуэтом предстаёт на светлом фоне. Значимо цветовое сопоставление золота фона и серо-зеленоватых оттенков дубовой кроны, что акцентирует образ художественными средствами. Эта трактовка обуславливает особое религиозно-философское звучание [3, с. 69]. Н. М. Терехин, изучая древние сакральные представления северян, писал о важной роли преобразования «реальности, развёрнутой по вертикали (небо – земля – море)» [7, с. 15]. При этом Древо является связующим философским звеном между земным и небесным, доказывает целостность картины мироздания [5, с. 37].

Такая деталь, как закланный телец, позволяет отнести данную икону к типу «Гостеприимство Авраама» («Гостеприимство Авраама и Сары») и отчасти дополняет её смысловую трактовку, наиболее чётко следуя сюжету Ветхого Завета, книге «Бытие», в которой сказано, как Господь в виде трёх мужей явился Аврааму у дубравы Мамре. «Авраам радушно принял гостей. Он велел Саре сделать пресные хлебы и отдал отроку приказание заколоть телёнка. И взял масла и молока и телёнка приготовленного, и по-

ставил перед ними, а сам стоял подле них под деревом. И они ели» (Быт. 18:8). Один из странников сказал Аврааму, что через год у них с Сарой родится сын.

Такое художественное решение акцентирует композиционную целостность, единство трёх ангелов, отражает важное философское содержание – идею единения Руси духовным началом, православием, жертвенностью, о чём свидетельствует также евхаристическая чаша, напоминая о жертве Сына Господа, о Его Воскресении. Символ евхаристической чаши связан также со смыслом Этимасии (Престола уготованного), соотносим с историческими событиями в Древней Руси XV – начала XVI века [2, с. 38].

Единение Руси было необходимо в обозначенную эпоху. Через православную веру соединились с русским народом многие другие народности многонационального государства. Также идея единения на иконе находит отражение в трактовке ангелов, которые образуют целостный композиционный центр, составляют общий силуэт с повторяющимися линейными ритмами подобно орнаменту, объединены тональным и цветовым строем, а также образом Мамврийского дуба, ветви которого исходят из одного ствола, иносказательно напоминая о том, что множество малых народов и народностей Руси были объединены православием.

Таким образом, очевидно, что для иконы «Троица Ветхозаветная» характерна самостоятельность художественного решения, в том числе в отношении трактовки деталей христианской символики и идейного содержания, которое имеет вневременное звучание, но и явно соотносится с историческими событиями XV – начала XVI века, их осмыслением очевидцами. Столь индивидуальное и глубокое по идейному зву-

чанию художественное решение оказалось востребованным не только во времена Древней Руси, но и в последующие эпохи и свидетельствовало о распространении и философском осмыслении догмата о Троице в учении Св. Сергия Радонежского на русских землях.

Обратимся к исследованию возможности применения пирамидального теоретического построения в отношении произведения иного жанра, другой технико-технологической специфики, образного содержания, образца современного нам искусства конца XX века.

Не менее актуально применение теоретической модели пирамидального построения по отношению к произведениям современного искусства, продолжающим, интерпретирующим традиции, в том числе в реалистической живописи. Рассмотрим как один из примеров **пейзажную композицию А. П. Афонина «Голгофа Русского Севера» (1995)**. В отношении приложения к её решению пирамидальной структуры очевидно, что основанием пирамиды следует считать традиции реалистического искусства в наиболее широком значении данного понятия. Реализм получил широкое распространение как в мировой культуре, так и в России с середины XIX столетия, обрёл многогранное звучание в творчестве таких известнейших живописцев, как в Европе и США – Ж. Бретон, Т. Икинс, Г. Курбе, Ж.-Ф. Милле, Т. Руссо, У. Хомер; в России – В. М. Васнецов, Н. Н. Ге, И. Н. Крамской, И. И. Левитан, Г. Г. Мясоедов, М. В. Нестеров, В. Д. Поленов, И. Е. Репин, В. И. Суриков и другие.

Следующий уровень пирамидальной структуры – локальная интерпретация традиции в различных центрах культуры – в отношении картины А. П. Афонина «Голгофа Русского Севера» может быть обозначен

в более широкой или более узкой трактовке. Обобщённое обозначение – реалистическое искусство России, более узкое – московская реалистическая живопись. Наиболее локальное звучание – реалистическая школа Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, поскольку автор данного произведения является выпускником Академии Ильи Глазунова, ныне – профессором факультета живописи той же академии. Каждая из трёх вышеуказанных трактовок обоснованна, они взаимосвязаны и могут быть названы уточняющими характеристиками обозначенного живописного произведения.

Третий уровень теоретической структуры, вершина пирамиды, – это индивидуальная художественная манера конкретного автора, узнаваемое образное решение, значимая для творчества А. П. Афонина идейная направленность – равнодушное обращение художника к гибнущим ныне образцам культуры Русского Севера, сокровищницы старины Руси, её вневременных заветов.

Таким образом, из вышесказанного заключаем, что произведения искусства, созданные согласно обозначенной пирамидальной теоретической модели, не теряют связь с традицией, но обретают благодаря ей самобытное профессиональное звучание, развивают традицию, «поднимают» её на

новую высоту, востребованную во вневременном масштабе. Исходя из анализа многочисленных памятников культуры, в том числе приведённых в данной статье, полагаем, что именно традиционность, устойчивость традиций (основание пирамидальной композиции) является тем необходимым «фундаментом», который обеспечивает возможность создания индивидуальных, ярких по решению предметов культуры и народного, и профессионального творчества. Таким образом, приходим к выводу, что традиционность, в том числе сохранение исконных устоев, достижение их синтеза, их преобразование, в частности, посредством «многовекторности» [6, с. 47] влияний, во многом обуславливают яркое, индивидуальное звучание произведений искусства, их значимость в масштабе отечественной и мировой культуры.

Отсюда очевидно, что создание памятника искусства так или иначе должно быть связано с традицией; новаторское для своего времени произведение не отрицает, а развивает традицию. Именно развитие традиции (не копирование, не ремесленное повторение и не полный отказ от неё) позволяет создавать профессиональные, духовно наполненные самобытные памятники искусства, значимые для философии своей эпохи, нередко получающие вневременное значение.

Примечания

1. Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. Москва : Искусство, 1984. 338 с.
2. Вздорнов Г. И. Вологда. Ленинград : Аврора, 1972. 130 с.
3. Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни / под общ. ред. Е. М. Юхименко. Москва : Изд-во ГИМ, 1994. 95 с.
4. Скоробогачева Е. А. Феномен старообрядчества в контексте культуры и искусства Русского Севера XVIII века // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3. С. 188–198.
5. Скоробогачева Е. А. Многокрасочная целостность русского национального искусства: образ Святого Николая Чудотворца в Северной Руси // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 5. С. 37–49.

6. Скоробогачева Е. А. Многовекторность как одна из ключевых характеристик искусства Русского Севера // Искусство и образование. 2018. № 2 (112). С. 47–58.
7. Теребихин Н. М. Метафизика Севера : монография. Архангельск : Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2004. 272 с.

References

1. Bryusova V. G. *Russkaya zhivopis' XVII veka [Russian painting of the 17th century]*. Moscow, Art Publishing House, 1984. 338 p. (In Russian)
2. Vzdornov G. I. *Vologda*. Leningrad, Publishing house “Aurora”, 1972. 130 p. (In Russian)
3. Yukhimenko E. M., ed. *Neizvestnaya Rossiya. K 300-letiyu Vygovskoy staroobryadcheskoy pustyni [Unknown Russia. On the 300th anniversary of the Vygov Old Believer Desert]*. Moscow, State Historical Museum Publishing House, 1994. 95 p. (In Russian)
4. Skorobogacheva E. A. Fenomen staroobryadchestva v kontekste kul'tury i iskusstva Russkogo Severa XVIII veka [The phenomenon of Old Believers in the context of the culture and art of the Russian North of the 18th century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]*. 2013, no. 3, pp. 188–198. (In Russian)
5. Skorobogacheva E. A. Mnogokrasochnaya tselostnost' russkogo natsional'nogo iskusstva: obraz Svyatitelya Nikolaya Chudotvortsya v Severnoy Rusi [The multi-color integrity of Russian national art: the image of St. Nicholas the Wonderworker in Northern Russia]. *Society. Environment. Development*. 2014, no. 5, pp. 37–49. (In Russian)
6. Skorobogacheva E. A. Mnogovektornost' kak odna iz klyuchevykh kharakteristik iskusstva Russkogo Severa [Multivectorness as one of the key characteristics of the art of the Russian North]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2018, no. 2 (112), pp. 47–58. (In Russian)
7. Terebikhin N. M. *Metafizika Severa [Metaphysics of the North]*. Arkhangelsk, Publishing house of the Pomor State University named after M. V. Lomonosov, 2004. 272 p. (In Russian)

*

Музыка и математическая логика: от учения Пифагора к теории А. Ф. Лосева

УДК 78.01

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10617

М. В. Андрейкина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Со времён античности учёных интересовала связь музыки и математики. Пифагор, Платон, Аристотель, неоплатоники и пифагорейцы полагали, что в музыке заложена математическая гармония в виде числа и числовых пропорций, а сама же музыка есть проявление космической гармонии сфер, положительно воздействующей на внутренний мир человека. Античная теория стала краеугольным камнем в формировании рационального рассмотрения музыкальной теории и в целом музыкального искусства в последующие эпохи. Почему музыкальная философия А. Ф. Лосева отталкивается от учения пифагорейцев и Платона? Каким образом он исследует взаимосвязь музыкальной и математической логики? Цель статьи – ответить на эти вопросы, опираясь на исследование А. Ф. Лосева «Музыка как предмет логики». Автор приходит к выводу, что музыка и математика взаимосвязаны не только внешне, но и внутренне: в одной доминирует чистая логика, в другой – алогическое, выразительное. Обе относятся к сфере смысла и с помощью математического анализа и числовых выражений добираются до сути.

Ключевые слова: музыка, математика, логика, теория А. Ф. Лосева, философия музыки, теория музыки.

Marina V. Andreykina

Belgorod State National Research University, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Pobedy st., 85, 308015, Belgorod, Belgorod Region, Russian Federation

MUSIC AND MATHEMATICAL LOGIC: FROM THE DOCTRINE OF PYTHAGOR TO THE THEORY OF A. F. LOSEV

Since antiquity scientists have been interested in the connection between music and mathematics. Pythagoras, Plato, Aristotle, the Neoplatonists and the Pythagoreans believed that the music included mathematical harmony in the form of numbers and numerical proportions. The music itself is a manifestation of the cosmic harmony of the spheres, positively influencing the inner world of a man. Antique theory became the cornerstone in the formation of a rational consideration of musical theory and music art in general in subsequent eras. Why the musical philosophy of A. F. Losev starts from

АНДРЕЙКИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры философии и теологии социально-теологического факультета имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) Белгородского государственного национального исследовательского университета

ANDREYKINA MARINA VLADIMIROVNA – graduate student of the Department of Philosophy and Theology, the Faculty of Theology and Social Sciences, the Belgorod State National Research University

e-mail: mar.andreykina@gmail.com

© Андрейкина М. В., 2019

the teachings of the Pythagoreans and Plato? How does he explore the relationship of musical and mathematical logic? The purpose of the article is to answer these questions based on Alexey Losev's work *Music as the Subject of Logic*. The author comes to the conclusion that music and mathematics are interconnected not only externally, but also internally. In the former, pure logic predominates, and the illogical, the expressive dominates in the latter. Both belong to the sphere of meaning, and with the help of mathematical analysis and numerical expressions get to the point.

Keywords: music, mathematics, logics, theory of Losev, philosophy of music, theory of music.

Для цитирования: Андрейкина М. В. Музыка и математическая логика: от учения Пифагора к теории А. Ф. Лосева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 129–136. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10617

Музыка есть чисто-алогически выраженная
предметность жизни чисел, данных
в аспекте чистой интеллигенции
А. Ф. Лосев

Связь музыки и математики, столь же неоспоримая, сколь и загадочная, сделалась предметом исследования уже у Пифагора, объяснявшего палитру чувств, которые вызывает музыка, математической гармонией, которая в ней априори заложена. Платон в духе пифагорейской эстетики развивает учение о гармонии сфер: его теория небесного гептахорда в «Тимее» утверждает тождество музыкально-космических взаимосвязей – отношений между семью планетами и музыкальными интервалами. Положение о числовой природе музыкальной гармонии излагается им в диалоге «Филеб».

Античная музыкально-математическая теория стала основной платформой формирования взгляда на музыкальное искусство и в последующие эпохи. «Своеобразная эволюция идеи об отражении музыкальным искусством “гармонии сфер”, а также гармонии мира имела место в XIX веке в рамках работ различных, преимущественно немецких мыслителей, в частности, таких как Й. Гёррес, И. Риттер, А. Шопенгауэр» [4, с. 32]. Математичность и логику в классическом европейском музыкальном искусстве Нового времени в своих теориях

используют такие учёные, как А. Б. Маркс, д'Энди, Х. Риман, а также впоследствии Г. Шенкер, С. Танеев, Б. Яворский, Г. Колюс, В. Бобровский, С. Скребков, Л. Мазель, В. Цуккерман, Ю. Холопов и В. Холопова и другие [см.: 1, с. 57]. Сенситивный компонент связи музыки и математики подчёркивал Г. Лейбниц; он утверждал, что музыка – это таинственная арифметика души, поскольку она вычисляет, сама того не сознавая.

Эта глубокая философская традиция нашла своё продолжение в XX столетии в работах А. Ф. Лосева. В 1927 году вышел его фундаментальный труд «Музыка как предмет логики», в котором была предложена одна из самых радикальных логико-математических концепций природы музыки. Это было время кризиса классической музыки, когда «переживала успех “новая” музыка А. Шенберга и звучала “последняя музыка” – музыка С. Рахманинова» [8]. Со своей стороны, «Лосев утверждает, что музыка “идеальна” и что она является “символом”, что позволяет понять музыку одновременно как вневременное и как неисторическое явление» [8, с. 49]. «Музыка, согласно А. Лосеву,

– это своеобразный феномен, идеальная субстанция, она есть время, в котором существует число, которое пронизывает Вселенную и бытие человека» [3, с. 1260].

Лосевское «чистое музыкальное бытие» – вне пространства, у него нет физических, физиологических или психологических признаков; оно хаотично и бесформенно, характеризуется слитостью, которая движется, течёт, непрерывно меняется; для него характерна сплошная процессуальность и динамизм. Это течение времени, длительное настоящее без ухода в прошлое, слияние противоположностей – *coincidentia oppositorum*.

Лосев ставит музыку как форму выражения скрытой сути мироздания неизмеримо выше науки. «Музыка гонит науку и смеётся над ней. Мир – не научен. Мир – музыка, а наука – его накипь и случайное проявление» [6, с. 228]. Понятия в музыке нужны только философу, поэтому следует различать саму живую музыку и размышления о ней, являющиеся, по мысли Лосева, лжемзыкальным феноменом.

Особого рода математическую логику, присущую музыке, следует отличать от рассудочности, что, впрочем, относится не только к музыке. «Ни в музыке, ни вне музыкальных пределов мысль не есть рассудочность и весьма мало имеет с нею общего» [5, с. 100].

Лосев стремится определить, что такое музыкальное бытие с точки зрения абстрактно-логического знания. Свою концепцию «абсолютной музыки» он подкрепляет рядом «основоположений». Рассмотрим ключевые основоположения особо.

По сути своей музыка – это, с одной стороны, жизнь, являющаяся самопротиворечием, борьбой с самостью, а с другой – это жизнь чисел, «универсальное противостояние алогического хаоса и эйдетической из-

ваянности, противостояние, предстоящее тем не менее реальному взору сочинителя, исполнителя и слушателя как неразличимое тождество, что кратко заостряется в проблеме музыки как жизни чисел» [6, с. 256].

Почему Лосев полагает, что только математика способна сравниться с музыкой? Он выдвигает аргумент такого рода: «Только идеальность численных отношений может быть сравниваема с эйдетической завершённостью музыкального объекта» [6, с. 269]. Математика и музыка равнозначны в смысле идеальности областей, к которым они относятся. Математические уравнения верны или неверны *сами по себе*, независимо от того, понимает их кто-нибудь или не понимает, так же как и музыкальные произведения с эстетической точки зрения прекрасны сами по себе, независимо от того, понимают ли слушатели тонкости их конструирования (сочинения).

И музыка, и математика, по Лосеву, позволяют человеку прикоснуться к идеальному. Обе обладают характеристиками неподвижно-идеального, законченно-оформленного, ясного и простого бытия. Обе оперируют скрытым эйдосом, не обнажая разгадку, сущность: «... Живой эйдос есть сущее (единичность), данное как подвижной покой самотождественного различия в абсолютном соотношении с самим собою» [6, с. 289]. Два первых основоположения гилетической (то есть вещественной, от греч. *hyle* – ‘вещество, материя’) конструкции музыкального предмета Лосева вытекают одно из другого. «Чистое музыкальное бытие есть распыление и размыв, меонизация, того или другого эйдоса на бесконечно малые величины (в смысле математического анализа) и воссоединение их в сплошное и неразличимое множество» [6, с. 289]. Как уточняется в «основоположении подвижного покоя», эти величины воссоединяют-

ся в сплошную и неразличимую текучесть и непрерывность. По отношению к музыкальному бытию и музыкальному времени имеет место всеобщая и нераздельная слитость и взаимопроникновение частей, моментов целого.

Далее Лосев определяет музыкальное бытие как абсолютное тождество логического и алогического. Отсюда делается следующий вывод: «Музыка говорит многое, но она не знает, о чём она говорит. Ей нечего сказать. Или, вернее, она говорит о неказуемости, логически конструирует алогическую стихию, говорит о непознаваемом ...» [6, с. 290–291].

С этим тезисом трудно согласиться. Допустим, музыка в известном смысле действительно «не знает, о чём она говорит», – если, скажем, сравнивать музыку с физикой. Но неужели музыка совершенно ничего не говорит о *познаваемом* и *сказуемом*? Было бы чересчур опрометчиво так ограничивать предмет музыки. Язык музыки достаточно пластичен и выразителен, чтобы позволить высказываться *обо всём*, о любом интересном для человека предмете – познаваем он или нет. Но, безусловно, бывает и такая музыка, которая сама не знает, о чём говорит, – особенно это касается современной «непрограммной» музыкальной традиции, зарождавшейся как раз в то время, когда Лосев писал свой «логико-музыкальный» трактат. Не случайно он приветствовал авангардистские опыты в музыке, ломку классических музыкальных форм, начатую его любимым композитором Рихардом Вагнером. Порвавшая с обыкновенной человеческой чувственностью музыка превращается в некую высшую, творческую игру непознаваемого Абсолюта с самим собой.

Будучи хорошим музыкантом, молодой Лосев посвящал своему любимому виду искусства не только трактаты, но и литератур-

ные произведения – «Трио Чайковского» и «Женщина-мыслитель». В них он стремился раскрыть тему «музыкального субъекта» и осмыслить её в художественных образах. То же самое он проделал и в своём логико-музыкальном трактате, но уже при помощи платоновско-гуссерлевских мыслительных форм. Ключевой такой формой становится «эйдос», трактуемый то в неоплатоническом, то в феноменологическом ключе.

Здесь формируется триада: эйдос – алогическое – субъект. Причём субъект *музыкальный* предстаёт у Лосева как архетип человеческой субъективности вообще. «Эйдос относит себя к себе же, соотносит с собою же, утверждает себя как себя. В музыке тот, кто утверждает себя, есть алогическое становление, и, следовательно, в музыке происходит познание алогическим началом самого себя. Другими словами, субъект музыкального суждения есть сплошное и неразличимое, алогическое становление, основанное на самом себе» [6, с. 293].

Так Лосев формирует своё основоположение о субъекте, а вслед за ним – и основоположение творчества, в котором определяется предикат музыкального суждения. Последний и алогичен, и в то же время сходен с самим субъектом. «Субъект чисто музыкального действия (творчества) есть сплошная и взаимопроникнутая слитость свободного полагания инобытийного материала для творчества и необходимого ограничения себя этим самым инобытийным материалом» [6, с. 294]. Здесь Лосев, вероятно, подразумевает то обстоятельство, при котором музыка становится свободной платформой для самовыражения «алогического эйдоса», *reason-and-action* отождествлением, напряжённым самопротивоборством. И, наконец, в основоположении чувства утверждается, что «чистое музыкальное бытие есть сплошная и взаимопроникнутая

слитость алогически становящегося субъекта с самим собою» [6, с. 294]¹.

На основе выдвинутых основоположений, разобранных нами выше, Лосев стремится продемонстрировать *сходство музыки и математики*. Обе, во-первых, относятся к сфере смысла; во-вторых, трактуют его функционально-становящуюся стихию, подразумевают «его составимость и разлагаемость на сплошно становящиеся, взаимопроникнутые, неотделимые друг от друга, бесконечно малые приращения» [6, с. 296–297]; в-третьих, в основе обеих лежит «чистое число».

В то же время проводятся и чёткие *различия между ними*: в математике главенствует *чистая логика*, в музыке – *алогическое, выразительное*.

1. Число и время, лежащие в основе музыки, – это *алогически-инобытийное* выражение или выражение гилетическое, которое имеет свои законы, подразумевающие наличие алогического, выводимого из категорий самого смысла. В математике же фиксируются *чисто логические*, смысловые моменты без привнесения в них выразительности и эстетической красоты.

2. Математика представляет число вне его выражения, то есть не выразительно, а *чисто логически*. Музыка конструирует с помощью *алогического* начала числа во времени.

3. Поскольку музыка – это искусство, то она преследует *художественное* и в то же

время разумное (или, по-лосевски, «интеллигентное») выражение смысла. В математике это отсутствует. И на этом этапе вполне естественным выглядит заключение Лосева о том, что такое музыка: «Музыка есть чисто-алогически выраженная предметность жизни чисел, данных в аспекте чистой интеллигенции» [6, с. 298].

Логику музыкальной формы Лосев усматривает во времени и числе, поскольку музыка – это искусство времени. Размышляя о *времени*, учёный утверждает, что «время не есть ни движение, ни мера движения, ни вообще какая-то акциденция какой-то неведомой субстанции, но оно само есть нечто, что заслуживает самостоятельного анализа» [6, с. 307]. Понятие времени взаимосвязано с тремя другими понятиями: число – эйдос – топос. *Число* – это «подвижной покой самотождественного различия смысла» [6, с. 317], «*эйдос* есть единичность подвижного покоя самотождественного различия, данная как именно единичность; а *топос* – единичность подвижного покоя самотождественного различия, данная как самотождественное различие» [6, с. 326]. И здесь вновь Лосев прибегает к формированию основоположений музыкального предмета сквозь призму времени и числа. Музыкальный предмет, как утверждает учёный, это и тождество сущего с не-сущим – алогической инаковостью; и неразличимая сплошность, и подвижная сплошность, и текучая неразличимость; и единичность (смыслового) подвижного покоя; и гипостазированная инаковость численно оформленного времени (= движение).

Лосев приходит к формированию не только общих определений о том, что есть музыка и музыкальный предмет, время и число, но и к уникальному философскому пониманию важнейших элементов му-

¹ Здесь стоит отметить, что Лосев одним из первых в истории мировой философской мысли принял анализ музыкальной субъектности. Примерно в те же годы категория музыкального субъекта становится предметом исследования Т. Адорно, однако его интересы сосредоточены главным образом на социально-философской проблематике, в то время как Лосев задействует остро модный в то время феноменологический метод, оригинально синтезируя его с христианско-неоплатонической установкой.

зыкальной выразительности: ритма, ритмической и симметрической фигур, метрико-ритмического акцента, такта, мелодии, гармонии, темпа, высоты, тональности (гаммы), полного тона, каденции, светлоты, вещной определённости звука, длительности звука, цветности звука, динамическому акценту, массивности, объёмности, плотности и веса звука.

Анализируя «понятие музыкальной формы», Лосев вовсе не имеет в виду ту музыкальную форму как таковую (в узком смысле), которую преподают в музыкальных учебных заведениях. В его размышлениях нет речи о форме периода, одночастной, двухчастной или трёхчастной формах, рондо или сонатах...¹ Здесь всё внимание переключается на логический анализ диалектико-феноменологического аспекта музыкального искусства (в широком смысле).

Закон «золотого деления», по Лосеву, это закон выражения основных построений музыкального смысла. Лосев выводит несколько формул. Первая – формула отношения целого к меньшему и большему: $c/b = c/m$, означающая, что «отношение частей к целому везде в выражении самождественно» [6, с. 358].

Следующая, вторая, формула-равенство Лосева такая: $c/m = b/m$, что означает: «отношение частей к целому везде в выражении различно» [6, с. 359].

Из сравнения первых двух формул учёный выводит следующее отношение, которое представляет собой третью формулу: $c/b = b/m$ – «отношение целого к частям есть самождественное различие» [6, с. 360].

¹ Хотя Лосев в своей книге упоминает теорию анализа музыкальных произведений по системе Г. Э. Конюса, в соответствии с которой наглядно выступают универсальность и красота числового строения музыкальной формы.

В чём же кроется разгадка закона «золотого деления»? Вероятно, в музыке этот закон в большей степени применим к форме, хотя и каждая мелодическая линия, по сути, представляет собой его применение, где в промежутке две третьих ($2/3$) формы композитор приходит к кульминационному взлёту мелодии. Сам Лосев так поясняет разгадку закона: «Это есть 1) единое, то есть целостное выражение 2) чистого смысла (или числа) 3) в аспекте подвижного покоя самождественного различия» [6, с. 362].

Математика помогает раскрыть и другие важные тонкости в музыке. Ещё один принцип, в соответствии с которым формируется музыкальное построение, подчёркивается Лосевым через понятие движения и двух отличных между собой элементов. Музыкальное движение возникает тогда, когда «наряду с элементом a есть ещё элемент b , не сходный с a , хотя и сравниваемый с ним, поскольку оба они движутся в одном и том же направлении» [6, с. 362–363]. То есть, имея в виду целое как таковое, Лосев утверждает, что музыкальный смысл появляется, с одной стороны, благодаря наличию различия, инаковости звукового материала в отношении формы. С другой стороны, смыслом может быть и тождество, выражаемое музыкальной формой. Вариации, например, по Лосеву, выражают в музыке самождественное различие. Само движение составляет смысл музыки, а музыкальная форма представляет выражение смысла во времени. Наконец, смысл обретается с помощью покоя. «В пространстве подвижной покой создаёт окружность. В музыке подвижной покой создаётся при помощи принципа возвращения к исходному пункту» [6, с. 366]. И речь здесь идёт не только о музыкальных произведениях, написанных в форме рондо (оно как раз и подразумевает постоянное возвра-

щение к одному и тому же тематизму). Исходным пунктом или покоем может считаться одна и та же тональность, в которой начинается и заканчивается подавляющее число музыкальных произведений, написанных в классико-романтической традиции. И в жизни человека этот принцип так же работает: где бы человек не побывал, он всегда возвращается домой, где его ждёт покой. Смысл музыки заключается в одном, едином, единичности, что помогает выразить музыкальная форма.

Вслед за А. Ф. Лосевым музыку выражением времени, числового становления считает профессор Московской консерватории К. В. Зенкин, широко комментирующий труд Лосева. В одном из своих комментариев Зенкин, знаток «лосевской философии музыки» [9, с. 139], обращает внимание читателя на лосевскую трактовку музыки романтизма как хаотической, по сути, лишённой формы, иррациональной, сверхчувственной стихии: «... в мысли Лосева романтическая интуиция хаотического бесформенного становления как “музыкального” детализировала и наполнила конкретикой античное понятие “материя числа”, связи

которого с музыкой в самой античности не обнаруживались» [2, с. 64]. Так это или нет, однако сам Лосев пишет в своей книге о том, что трактует музыку не авторскую (композиторскую), а именно хаотическую, бесформенную, которую он называет абсолютной или чистой музыкой (своеобразная музыкальная материя).

Таким образом, музыка и математика взаимосвязаны не только внешне, но и внутренне. Относясь к сфере смысла, они с помощью математического анализа и числовых выражений добиваются до сути. В одной доминирует *чистая логика*, в другой – *алогическое, выразительное*. Время и число формируют логику музыкальной формы. Закон «золотого деления», по Лосеву, это закон выражения основных построений музыкального смысла. Различие и тождество, движение и покой, и всё же единое, единичность, целое... – понятия, применимые и в математике, и в музыке. Уже одни они могут рассказать многое о том, как понять красоту в музыкальном искусстве и как ориентироваться в обилии математических законов и формул. Где есть музыка, там обязательно найдётся место математике.

Примечания

1. Андрейкина М. В. Философия музыки: из научных взглядов А. Лосева и К. Зенкина // Музыка и время. 2017. № 7. С. 56–59.
2. Зенкин К. В. Музыка. Эйдос. Время. А. Ф. Лосев и горизонты современной науки о музыке. Москва: Памятники исторической мысли, 2015. 464 с. : ил.
3. Карпенко Е. А. Идея абсолютной музыки в философии А. Лосева // Молодой учёный. 2016. № 8 (112). С. 1258–1262.
4. Клюев А. С. Онтология музыки. Санкт-Петербург: Петрополис, 2010. 128 с.
5. Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: [в 2 томах] / [сост. и коммент. А. А. Тахо-Годи и др.]; под ред. А. А. Тахо-Годи. Москва: Время, 2002. Том 2. 688 с.
6. Лосев А. Ф. Из ранних произведений / [сост. и подгот. текста И. И. Маханькова; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи и Л. А. Гоготышвили; примеч. Л. А. Гоготышвили и др.]; [Журн. «Вопросы философии» и др.]. Москва: Правда, 1990. 656 с.
7. Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. Киев: Collegium, 1994. 286 с.
8. Петухова-Левецкая М. И. Философская концепция музыки А. Ф. Лосева и педагогика искусства // Известия Тульского государственного университета. 2014. № 4 (1). С. 48–54.
9. Тахо-Годи Е. А. «Очерк о музыке» А. Ф. Лосева – исчезнувший и обретенный текст // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 138–146.

References

1. Andreykina M. V. *Filosofiya muzyki: iz nauchnykh vzglyadov A. Loseva i K. Zenkina* [The philosophy of music: from the scientific viewpoint of A. Loseva and K. Zenkin]. *Muzyka i vremya* [Music and Time]. 2017, no. 7, pp. 56–59. (In Russian)
2. Zenkin K. V. *Muzyka. Eydos. Vremya. A. F. Losev i gorizonty sovremennoy nauki o muzyke* [Music. Eidos. Time. A. F. Losev and the horizons of modern science of music]. Moscow, Publishing house “Pamyatniki istoricheskoy mysli”, 2015. 464 p. (In Russian)
3. Karpenko E. A. *Ideya absol'yutnoy muzyki v filosofii A. Loseva* [The idea of absolute music in the philosophy of A. Losev]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. 2016, no. 8 (112), pp. 1258–1262. (In Russian)
4. Klyuev A. S. *Ontologiya muzyki* [Music ontology]. St. Petersburg, Publishing house “Petropolis”, 2010. 128 p. (In Russian)
5. Losev A. F. “Ya soslan v XX vek...”. *V 2 tomakh, tom 2* [“I was exiled to the 20th century...”. In 2 vol., vol. 2]. Moscow, Publishing house “Vremya”, 2002. 688 p. (In Russian)
6. Losev A. F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From the early writings]. Moscow, Publishing house “Pravda”, 1990. 656 p. (In Russian)
7. Losev A. F. *Problema khudozhestvennogo stilya* [The problem of artistic style]. Kiev, Publishing house “Collegium”, 1994. 286 p. (In Russian)
8. Petukhova-Levitskaya M. I. *Filosofskaya kontseptsiya muzyki A. F. Loseva i pedagogika iskusstva* [A. F. Losev's philosophical concept of music and pedagogy of art]. *Izvestiya Tula State University*. 2014. no. 4 (1), pp. 48–54. (In Russian)
9. Takho-Godi E. A. “Ocherk o muzyke” A. F. Loseva – ischeznuvshiy i obretennyy tekst [A. F. Losev's “Essay on music”, the text lost and found]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 2015, no. 9, pp. 138–146. (In Russian)

*

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХ ОПЕРНЫХ ПЕВЦОВ В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 20–40-х ГОДОВ XX ВЕКА

УДК 782

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10618

Л. С. Зорилова

Российская академия музыки имени Гнесиных

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с творческой индивидуальностью выдающихся оперных певцов в контексте отечественной массовой музыкальной культуры 20–40-х годов XX века. Дается теоретическое обоснование представлений о творческой индивидуальности личности, таланте и гениальности на примерах исполнительской деятельности Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, А. В. Неждановой, которые тесно сотрудничали между собой на оперной сцене Большого театра. Их сложившийся «триумвират» уже накануне Октябрьской революции возглавил «золотой век» русской вокальной школы. Их исполнительская деятельность стала выдающимся образцом совершенства, оказав сильнейшее влияние не только на последующие поколения таких выдающихся оперных певцов, как С. Я. Лемешев, Н. Обухова, Е. К. Катильская, но и на всю массовую отечественную музыкальную культуру XX–XXI веков.

Ключевые слова: отечественная культура, музыка, оперный певец, творчество, индивидуальность, концертная деятельность, поиск совершенства.

Larisa S. Zorilova

Gnessin Russian Academy of Music, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Povarskaya, str., 30/36, 121069, Moscow, Russian Federation

CREATIVE PERSONALITY OF OUTSTANDING RUSSIAN OPERA SINGERS IN THE CONTEXT OF MASS MUSICAL CULTURE OF THE 20–40th OF THE XX CENTURY

This article deals with the problems associated with the creative personality of outstanding opera singers in the context of the national mass music culture of the 20–40th of the twentieth century. The text of the article provides a theoretical justification of ideas about the creative individuality of the individual, talent and genius on the examples of the performance of F. I. Shalyapin, L. V. Sobinov and A. V. Nezhdanova, who worked closely together on the Opera stage of the Bolshoi Theater. Their established ensemble called “triumvirate” was already headed by the “Golden age” of the Russian vocal school on the eve

ЗОРИЛОВА ЛАРИСА СЕРГЕЕВНА – доктор культурологии, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных, член Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, Почётный работник высшей школы

ZORILOVA LARISA SERGEEVNA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor of the Gnessin Russian Academy of Music, a member of the Union of Russian Writers, member-correspondent of the International Academy of Pedagogical Education, Honored worker of higher school

e-mail: zorilova@mail.ru
© Зорилова Л. С., 2019

of the October revolution. Their performance became an outstanding example of excellence, having a strong influence not only on the next generation of such outstanding opera singers as S. Ya. Lemeshev, N. O. Obukhova, E. K. Katulskaya, but also on the entire mass domestic musical culture of the XX–XXI centuries.

Keywords: Russian culture, music, opera singer, creativity, individuality, concert activity, search for perfection.

Для цитирования: Зорилова Л. С. Творческая индивидуальность выдающихся русских оперных певцов в контексте массовой музыкальной культуры 20–40-х годов XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 137–144. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10618

Рассматривая отечественную музыкальную культуру 20–40-х годов XX века, нельзя не обратить внимания на роль выдающихся музыкантов, мастеров оперного искусства, которые уже при своей жизни получили мировую известность, без активной профессионально-творческой деятельности которых, невозможно было бы поднять на высокий исполнительский, художественно-творческий уровень музыкальное искусство рассматриваемого исторического периода. Это был период, который называли «золотым веком» русского вокального искусства, вершиной его стала совместная исполнительская деятельность Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова, А. В. Неждановой, оставившая незабываемый след в российской музыкальной культуре и получившая общественное название «триумвират», что означало триумф, рукоплескания троим, достойным друг друга выдающимся мастерам оперного пения.

Но прежде чем приступить непосредственно к анализу исполнительской деятельности выдающихся оперных певцов, следует конкретизировать такое понятие, как «творческая индивидуальность».

Рассматривая эту проблему в труде «Духовный мир современного человека», А. И. Арнольдов утверждал, что человек является высшей ценностью, а проблемы, связанные с его духовным миром и судьбой, –

важнейшими в современной цивилизации. Не случайно, по его мнению, и XXI век называют «Веком Человека» [1, с. 21].

А. И. Арнольдов говорил о необходимости антропологического Ренессанса в современной культуре, который бы позволил возродить всё лучшее, что было открыто в научном знании о человеке, повысить интерес к его проблемам, раскрытию его духовно-нравственного потенциала, новых возможностей для решения выдвигаемых задач. Эти идеи выдвигают и В. С. Садовская и В. А. Ремизов: «Вместе с тем и сам человек – это свой мир, это вселенная, это самодостаточный феномен ... Он сам – культура, её источник, её носитель, её реализатор и её цель» [10, с. 1].

Понятие человека невозможно свести к социальному или национальному статусу, интеллектуальным, профессиональным или эмоционально-психологическим характеристикам. Важна его роль в обществе, социальный статус и признание. Именно они поднимают человека, его личность на недосягаемую высоту, наделяя наивысшей ценностью за его заслуги и достижения, подтверждая его выдающийся статус, восхищаясь его деяниями, сохраняя их в своей памяти и передавая их из поколения в поколение как образцы совершенства.

Именно такой механизм всеобщего признания позволяет говорить о выдаю-

щейся творческой индивидуальности личности, её таланте и гениальности.

Начиная с 20-х годов XX века проблемы творческой индивидуальности попадают в сферу теоретических размышлений учёных, музыкантов, художников – всех тех, кто имеет непосредственное отношение к искусству. При этом стала оцениваться не только индивидуальность автора как создателя творения, но и исполнителей, без которых музыкальное творение не может обойтись. Кроме того, в этот период много внимания было уделено изучению воздействия творений, их исполнителей на массовую музыкальную культуру.

Не случайно русский философ и культуролог М. М. Бахтин обращал особое внимание на содержательную сторону искусства, на отношение к нему, на процесс его воздействия и преобразования окружающей действительности. В этом процессе огромную роль играет личность творца, его мысли и чувства, система взглядов и ценностей. Согласно его мнению, внутреннюю связь всех элементов личности гарантирует чувство ответственности за то, что эта личность пережила и поняла, за то, что собирается передать другим, а также чувство вины за то, что сделал неправильно, неверно или неточно: «Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьёзность его жизненных вопросов. Личность должна стать сплошь ответственной: все её моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду её жизни, но и проникать друг в друга в единстве вины и ответственности» [4, с. 7–8].

Интерес к проблеме творческой индивидуальности проявляли исследователи в разных областях искусствознания на мате-

риале музыкального и театрального творчества. Б. В. Асафьев посвятил этому вопросу специальную статью «Кризис личного творчества» [2], в которой разрабатывал вопросы, связанные с пониманием творческой индивидуальности музыканта, создателя (композитора и исполнителя) музыкальных творений и их социальной значимости в обществе. Одна из центральных идей учёного – выявление исторического характера личностного творчества. Б. В. Асафьев неоднократно обращался к вопросу о социально-историческом генезисе утверждения Я в искусстве, в выявлении самооценности художественной индивидуальности [3, с. 99].

Созвучны идеям Б. В. Асафьева по данной проблеме многие мысли А. В. Луначарского. Под творческой индивидуальностью А. В. Луначарский понимал «художника-виртуоза», «артиста огромной мощи в смысле впечатления, которое он производит на воспринимающую его среду» [8, с. 182]. Он подчёркивал при этом, что не только непосредственное педагогическое воздействие, но и сами общественные отношения, общественный строй выступают активной силой, формирующей ту или иную творческую индивидуальность. Именно в работах А. В. Луначарского, Б. В. Асафьева, а затем и А. Н. Сохора и других советских теоретиков искусства начинает активно разрабатываться проблема взаимоотношения артиста и социальной среды.

Проблема поиска смысла творческой индивидуальности – многогранная проблема, которая и по сей день интересует учёных и мыслителей, заставляет их искать новые грани и делать существенные выводы и в целом относится к категории тех проблем, которые никогда не перестанут интересовать деятелей культуры и искусства, поскольку уникальная творческая личность, индивидуальность всегда будет стремиться

к самосовершенствованию, в каких бы социальных условиях она не находилась.

Вопрос о роли творца, его индивидуальности, гениальности, как наивысшего уровня совершенства, поднимался в теоретических трудах, в практической режиссёрской и педагогической деятельности выдающихся мастеров советского театра и кино: К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова, В. И. Пудовкина, С. М. Эйзенштейна и многих других, идеи которых дают серьёзнейшую основу для осмысления творческой индивидуальности личности и её реализации в искусстве.

К. С. Станиславский – русский актёр, режиссёр, знаменитый реформатор театрального искусства, основатель психолого-педагогической, художественно-творческой системы, которой пользуется всё мировое театральное искусство, в том числе и музыкальное. В центре своей системы он видел творческую индивидуальность личности, без которой невозможно воспроизведение действительности в художественной форме. Занимаясь самообразованием, стремясь к совершенству, он безгранично любил свою профессию и дело, которому служил. Не случайны его слова: «Цель искусства переживания заключается в создании на сцене живой жизни человеческого духа и в отражении этой жизни в художественной сценической форме» [11, с. 440].

Развивая себя как мастера-актёра, а затем и как художника-режиссёра, он всегда стремился разгадать внутренний мир героя, смысл и значение тех художественных образов, которые воплощал на сцене, и требовал как режиссёр, как педагог этого от других. Его спектакли пользовались огромной популярностью, а актёры с его помощью добились огромных успехов, так как учились действительно глубоко и всесторонне при-

никать в смысл действий, поступков, мыслей и чувств своих героев.

К. С. Станиславский тесно сотрудничал с В. Ф. Комиссаржевской (до революции) и уже после революции с такими выдающимися актёрами, как А. Н. Грибов, М. Н. Кедров, А. К. Тарасова, К. Н. Еланская, Б. Н. Ливанов, а также на протяжении своего творческого пути с оперными певцами, среди которых Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. В. Нежданова, Н. А. Обухова, Е. К. Катульская, С. Я. Лемешев (начинающий свою карьеру) и многими другими. Он проявил себя как Творец-новатор, стремился и преодолевал старые традиции, искал новые средства для передачи образного содержания, «правдивого отражения действительности». Главное в его деятельности было стремление показать не самого актёра или отдельный эпизод, а представить органическое единство всех компонентов действия, спектакля как произведение искусства, взаимодействие между собой актёров, их «ансамбль», который окружён соответствующими декорациями, освещением, музыкой, сопровождающим фоном. Совокупность всех средств выразительности, на которые обращал внимание К. С. Станиславский, создавало единое целое, где был важен любой компонент, даже самый незначительный. Им было подготовлено огромное количество блестящих спектаклей, в том числе и оперных («Богема» Д. Пуччини, 1927, «Майская ночь» Н. А. Римского-Корсакова, 1928, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, 1929, «Золотой петушок» Н. А. Римского-Корсакова, 1932, «Севильский цирюльник» Д. Россини, 1933, «Кармен» Ж. Бизе, 1935 и другие), которые он ставил вплоть до своей смерти (1938). Они стали своеобразными идеальными образцами театрального искусства, представляя творческую индивидуальность личности многих актёров,

оперных певцов, передающих своё мастерство зрителям, укрепляющих традиции русского искусства, которые не утратили своего предназначения. Среди них особое место занимали Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов и А. В. Нежданова – блестящие, всемирно известные вокалисты, благодаря которым период их творчества был назван «золотым веком» русского оперного искусства. Их ансамбль «триумвират» был неповторим, ему рукоплескали повсюду. Они встретились в Большом театре в 1902 году, и в дальнейшем их связывала любовь к искусству, совместное творчество, личная дружба, взаимопомощь, которые поднимали талант каждого на недостижимую высоту. Они плодотворно сотрудничали, с огромным восхищением относились друг к другу и учились друг у друга. В. А. Теляковский сказал о них: «Шаляпин в театре, в деле искусства был строг к другим, но и строг к себе. Собинов был слаб к другим, но и слаб к себе. Собинов редко нападал на своих партнёров по опере, лишь бы не трогали его, Шаляпин вмешивался во всё, ругался, спорил, горячился на сцене ...» [6].

Из воспоминаний А. В. Неждановой мы можем понять, насколько певцы были дороги друг другу. Она говорила о том, что Ф. И. Шаляпин был для неё идеалом великого художника-певца. А. В. Нежданова пела с ним и чувствовала огромный трепет и творческий подъём. «Мне лично он дал много полезных советов ... Выступление в тех операх, в которых участвовал Фёдор Иванович, для меня было настоящим праздником. Он вносил столько жизни, веселья, юмора, так был комичен ... что все участвующие забывали, что они находятся на сцене ... Благодаря ему особенно живо проходили у нас ансамбли» [9, с. 68].

Но особенно тепло А. В. Нежданова вспоминала о Л. В. Собинове, с которым она

долгие годы пела в Большом театре. «Лично для меня Леонид Витальевич дорог не только как пленительный, прекрасный артист, превосходный певец-художник, но и как на редкость чуткий, любимый, близкий друг ...» [9, с. 72].

Творческая индивидуальность, неповторимость этих гениев смогла оказать сильнейшее влияние на мировую оперную классику, показать всё величие русской музыкальной (вокальной) школы и заложить основы творческого поиска для последующих поколений. И сегодня исполненные ими творения являются недостижимыми образцами профессионализма, мастерства и совершенства. Их жизненный и творческий путь был непрост. Они много трудились над своими партиями, произведениями концертного репертуара, даже над народными песнями, которые исполняли на эстраде, по радио, всегда пытаясь понять смысл исполняемого и адекватно его воспроизвести.

Так, Ф. И. Шаляпин – знаменитый русский бас, несмотря на свою популярность и мастерство, на протяжении всей своей жизни, какое бы произведение ни исполнял, глубоко и всесторонне работал над создаваемыми образами, такими, например, как царь Борис, Иван Грозный или бурлаки, которые тянут баржу по Волге. Все его герои, их мысли, чувства, поступки подвергались серьёзнейшему анализу и осмыслению, с тем чтобы найти нужные интонации, более верные художественные краски. Слова и тексты подвергались не только смысловому, но и историческому анализу, заставляли певца всесторонне изучать ту эпоху, к которой относился тот или иной герой, его индивидуальные особенности и личностные качества. Всё это Ф. И. Шаляпин стремился понять и передать в процессе своего исполнения. «Серьёзное отношение к исполнительскому мастерству, присущее

Ф. И. Шаляпину, со всей полнотой отражала истинную творческую индивидуальность артиста – не только исполнителя чужой художественной воли, но и создателя новой творческой интерпретации образа, который не умаляет авторский замысел, а обогащает его» [7, с. 87].

Л. В. Собинов – выдающийся тенор, которого до сих пор часто называют «лучшим Ленским», работал над этой партией всю жизнь, завершив ею и свою творческую карьеру в 1933 году. Это исполнение было столь совершенным, что Э. А. Старк, искусствовед и музыкальный критик, писал: «... здесь произошло то, что редко можно видеть на сцене: исполнитель сливался с исполняемым» [12].

Дважды возглавляя Большой театр (1917–1918 и 1921), Л. В. Собинов одновременно давал огромное количество концертов на эстраде, многие из которых носили благотворительный характер. Во время Первой мировой войны он передал в помощь раненым 200 тысяч рублей, школе слепых в Киеве – прислал в подарок рояль, помогал студентам, художникам, музыкантам: «Щедрость его была легендарной ... Раздавал он весело, радушно, приветливо, и это гармонировало со всей его творческой личностью: он не был бы великим артистом, приносящим столько счастья любому из нас, если бы ему не было свойственно такое щедрое благожелательство к людям. Здесь ощущалось то бьющее через край жизнелюбие, каким было насыщено всё его творчество ... Стиль его искусства был так благороден потому, что был благороден он сам» [13, с. 139].

Уже до революции, объехав многие страны мира и выступая с огромным успехом в театре Ла Скала в Милане, в Париже, Лондоне, Мадриде и других городах, получив мировую известность, Л. В. Собинов и

после революции много работал, постоянно осваивая всё новые и новые партии. Их было более 40, но над многими он продолжал работать всю жизнь. Его концертный репертуар был также очень широк, в него входили практически все лучшие романсы русских композиторов, а композиторы, в свою очередь, специально посвящали ему свои произведения. Среди них особое место занимали романсы С. В. Рахманинова: «Какое счастье» на стихи А. А. Фета, «Ветер перелётный» на стихи К. Бальмонта, «Арион» на стихи А. С. Пушкина, «Буря» на стихи А. А. Фета, «Сей день я помню» на стихи Ф. И. Тютчева, а также романс А. С. Аренского «Знакомые звуки» на стихи А. Н. Плещеева и многие другие. О своей любви к русскому романсу Л. В. Собинов говорил так: «... я очень высокого мнения о русской романсовой литературе, и, признаюсь, исключительно ей я обязан своим музыкальным образованием. Я того мнения, что только на русских романсах можно развить музыкальную фразу. В них музыкальное изложение и текст идут рука об руку» [5].

Кроме того, Л. В. Собинов исполнял и народные песни, которые очень любил с детства, среди них такие, как «Ах, ты, ноченька», «Уж я полем шла», «Последний нонешний денёчек», «Уж я золото хороню» и другие.

Народные песни и русские романсы с огромным успехом пела и А. В. Нежданова, имея огромный дореволюционный опыт, выступала на эстраде, по радио, перед рабочими, крестьянами, военнослужащими, на митингах, собраниях. Она верила в лучшее будущее, участвуя в общественной жизни страны, часто пела в массовых концертах с огромной аудиторией, исполняя лучшие свои произведения, не упрощая их. Арии, романсы и народные песни воспринимались с огромным восторгом, и часто слу-

шатели, стоя и бурными овациями, приветствовали певицу.

Виртуозно владея своим мастерством, А. В. Нежданова стремилась раскрыть самые сокровенные тайны, заложенные в исполняемом произведении. Её обаяние было настолько сильно, что многие музыканты, восхищаясь, учились у неё исполнительскому мастерству, умению находить необыкновенные краски, интонации. Так, К. Н. Игумнов, выдающийся пианист, профессор, послушав в её исполнении «Вокализ» С. В. Рахманинова, который был написан композитором специально для А. В. Неждановой, сказал, что её голос по красоте превосходит всё, что только можно превзойти. И под этим впечатлением он всю жизнь мечтал научить так же красиво петь рояль, и был счастлив, когда это ему удавалось. Во время Великой Отечественной войны и в последние годы своей жизни (умерла в 1950 году) А. В. Нежданова много выступала по радио, воодушевляя бойцов, поддерживая людей и на фронте, и в тылу, занималась педагогической деятельностью в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, в студии Большого театра, оперно-драматической студии имени К. С. Станиславского, передавая молодому поколению музыкантов своё мастерство, помогая раскрыть новые таланты.

Искусство А. В. Неждановой, Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова оказало сильнейшее влияние на последующее поколение выдающихся мастеров, в том числе исполнительскую деятельность Н. Обуховой, Е. К. Катульской, С. Я. Лемешева. Они, осваивая опыт своих знаменитых предшественников, раскрывали свою индивидуальность, тайны внутреннего мира собственной личности и тайны тех творений, которые исполняли. Тем самым они оказывали сильнейшее духовно-творческое, нравственно-э-

стетическое, патриотическое воздействие на всю отечественную культуру, в том числе и на эстрадное музыкальное искусство. Огромная концертная деятельность, выступления по радио, а в дальнейшем и записи произведений в их исполнении совершали чудеса, наполняя эмоциональным чувством прекрасного, помогая преодолеть различные трудности, победить зло, где бы оно ни находилось.

Подводя итог сказанному, следует сделать некоторые выводы.

Творческая индивидуальность личности – важнейшая характеристика человека, активно взаимодействующего с обществом. Она обусловлена социально-культурными, историческими, национальными чертами. Такая личность отличается целостностью, оригинальностью, неповторимостью, особенностями мировоззрения, интеллекта, эмоционально-волевой сферы, обладает природным даром, талантом, ярко выраженными творческими способностями, умениями воплощать свой талант в творениях, доведённых до совершенства.

Чем выше талант, тем более совершенны созданные им творения, воплощающие с наибольшей полнотой и силой духовно-нравственный, эстетический мир мыслей и чувств, тем существеннее его влияние на общество, культуру, искусство, отдельного человека.

Выдающиеся музыканты своим профессионализмом, мастерством, своей творческой индивидуальностью представляли собой эталонные образцы высокохудожественного исполнительства, способствовали развитию эстрадно-джазового искусства, формировали музыкальные интересы, вкусы, предпочтения народных масс, создавали массовое музыкальное искусство, оказывая существенное влияние на всю отечественную культуру 20–40-х годов XX века.

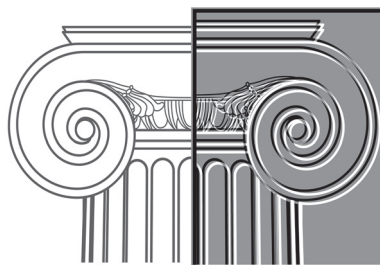

Примечания

1. Арнольдов А. И. Духовный мир современного человека. Москва : МГУКИ, 2011. 163 с.
2. Асафьев Б. В. Кризис личного творчества // Современная музыка. 1924. № 4.
3. Асафьев Б. В. О симфонической и камерной музыке : Пояснения и приложения к программам симфонических и камерных концертов. Ленинград : Музыка : Ленингр. отд-ние, 1981. 216 с.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Издание 2-е. Москва : Искусство, 1986. 404 с.
5. Большой театр. Леонид Собинов, Антонина Нежданова // Оперное искусство [Электронный ресурс]. URL: http://studbooks.net/1033673/kulturologiya/opernoe_iskusstvo
6. Дарский И. Гений и «Сальери» // Независимый альманах «Лебедь». 2005. № 454. URL: <http://lebed.com/2005/art4407.htm>
7. Зорилова Л. С. О работе Фёдора Ивановича Шаляпина над образом Бориса Годунова // Вестник АХИ. 2017. № 8. С. 83–92.
8. Луначарский Л. В. В мире музыки : Статьи и речи / сост., ред. и коммент. Г. Б. Бернандта и И. А. Саца ; предисл. И. А. Саца. 2-е издание, дополненное. Москва : Советский композитор, 1971. 539 с., 9 л. портр.
9. Поляновский Г. А. А. В. Нежданова. 2-е издание. Москва : Музыка, 1976. 144 с., 12 л. ил.
10. Садовская В. С., Ремизов В. А. Культурная личность: базовый ресурс общества или побочный «продукт» его развития? [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philosophia/4_102774.doc.htm
11. Станиславский К. С. Моё гражданское служение России : Воспоминания. Статьи. Очерки. Речи. Беседы. Из записных книжек. Москва : Правда, 1990. 652 с., [8] л. ил. : ил.
12. Старк Э. А. Сценические образы Л. В. Собинова // Л. В. Собинов : Жизнь и творчество : [сборник] / отв. ред. Я. О. Боярский. Москва : Музгиз, 1937.
13. 100 великих вокалистов / автор-составитель Д. К. Сами. Москва : Вече, 2003. 480 с.

References

1. Arnoldov A. I. *The spiritual world of modern human*. Moscow, 2011. 163 p. (In Russian)
2. Asafyev B. V. Crisis of personal creativity. *Sovremennaya muzyka [Modern music]*. 1924, no. 4. (In Russian)
3. Asafyev B. V. *About symphonic and chamber music: Explanations and appendices to the programs of symphony and chamber concerts*. Leningrad, Publishing house «Music», 1981. 216 p. (In Russian)
4. Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. 2nd edition. Moscow, Art Publishing House, 1986. 404 p. (In Russian)
5. Bolshoi theater. Leonid Sobinov, Antonina Nezhdanova. *Opernoe iskusstvo [Opera art]*. Available at: http://studbooks.net/1033673/kulturologiya/opernoe_iskusstvo (In Russian)
6. Darsky I. Genius and Salier]. *Independent Almanac "Lebed"*. 2005, no. 4. Available at: <http://lebed.com/2005/art4407.htm> (In Russian)
7. Zorilova L. S. About the work of Fedor Ivanovich Chaliapin on the image of Boris Godunov. *Bulletin of the Academy of Choral Art*. 2017, no. 8, pp. 83–92. (In Russian)
8. Lunacharsky L. V. *In the world of music: Articles and speeches*. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Soviet composer", 1971. 539 p. (In Russian)
9. Polyansky G. A. A. V. *Nezhdanova*. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Music", 1976. 144 p. (In Russian)
10. Sadovskaya V. S., Remizov V. A. *Cultural personality: the basic resource of society or a by-product of its development?*. Available at: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Philosophia/4_102774.doc.htm (In Russian)
11. Stanislavsky K. S. *My civil ministry in Russia: Memories. Articles. Essays. Speech. Conversations. From notebooks*. Moscow, Publishing house "Pravda", 1990. 652 p. (In Russian)
12. Stark E. A. Stage images of L. V. Sobinov. In: Boyarsky Ya. O., ed. *L. V. L. V. Sobinov: Life and creativity*. Moscow, Musical State Publishing House, 1937. (In Russian)
13. Sami D. K. *100 great vocalists*. Moscow, Publishing house "Veche", 2003. 480 p. (In Russian)

ТЕХНОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОГО
ВОСПИТАНИЯ

ПОТЕНЦИАЛ АРТПЕДАГОГИКИ В ГАРМОНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 37.013

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10619

Т. В. Христидис

Московский государственный институт культуры

В статье предпринята попытка обосновать возможности артпедагогических методик в гармонизации развития личности. Различные виды искусства активно реализуются в образовании, социально-культурной сфере, культурно-досуговой деятельности как средство художественно-творческого и эстетического развития личности. Наиболее применяемые в педагогике современные арт-методики: музыкальное искусство, изо-творчество, имаготерапия (артимаго), библиотворчество (библиотерапия), кинези-терапия и другие. С целью гармонизации развития личности артпедагогические методы используются в синтезе. Все артпедагогические методики предоставляют личности возможность самопознания и самовыражения в творчестве, что способствует разностороннему и гармоничному личностному развитию и росту самоактуализации.

Ключевые слова: артпедагогика, артпедагогические методики, арт-терапия, развитие личности, гармонизация развития, искусство, художественно-творческая деятельность.

Tatyana V. Khristidis

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotekhnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE POTENTIAL OF ART PEDAGOGY IN THE HARMONIZATION OF PERSONAL DEVELOPMENT

The article attempts to justify the possibility of art pedagogical methods in the harmonization of personal development. Various types of art are actively implemented in the system of work in the social and cultural sphere, in cultural and leisure activities as a means of artistic, creative and aesthetic development of the individual. The most used in pedagogy modern art techniques: music art, artmaking, imagotherapy (artimago), librarianship (bibliotherapy), kinesitherapy, etc. in order to harmonize the development of personality, art pedagogical methods are used in synthesis. All art pedagogical techniques provide the individual with the opportunity of self-knowledge and self-expression in creativity, which contributes to the versatile and harmonious personal development and growth of self-actualization, can be effectively applied in education.

Keyword: art pedagogy, art pedagogical techniques, art therapy, personality development, development harmonization, art, artistic and creative activity.

ХРИСТИДИС ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KHRISTIDIS TATYANA VITALYEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

Для цитирования: Христидис Т. В. Потенциал артпедагогике в гармонизации развития личности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 146–152. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10619

Разностороннее и гармоничное развитие личности, по мнению большинства современных педагогов (В. П. Беспалько, И. А. Лернер, В. С. Леднев) [2], является основной целью воспитательно-образовательного процесса. Достижение этой цели возможно благодаря включению человека в разные виды деятельности, среди которых особое место занимает творческая, в результате чего у него формируется высокий и устойчивый уровень самооценки, развитая саморефлексия.

Педагогическая наука, определяя наиболее эффективные пути гармонизации развития личности, разрабатывая современные методики, особо выделяет артпедагогические, ставшие сегодня популярными в учреждениях образования и культуры.

Актуальность применения артпедагогических методик в гармонизации развития личности определяется проблемами, которые мы наблюдаем в современной воспитательно-образовательной среде, когда содержание воспитательно-образовательной практики не всегда обеспечивает психологически комфортное, целостное и гармоничное развитие личности из-за перегруженности учебных планов в образовательных организациях среднего, средне-специального и высшего уровня; традиционные образовательные методики и образовательная среда большинства учебных заведений не создают условия для разностороннего развития личности; в образовательных организациях не достаточно оценивается роль искусства и творческой деятельности во всестороннем и гармоничном развитии обучающихся; не всегда является приоритетной в процессе образо-

вательной деятельности забота о психическом здоровье человека.

В связи с этим совершенствование существующих и разработка новых, более эффективных средств и методов, способствующих гармоничному развитию личности детей, подростков и взрослых, для артпедагогике достаточно злободневная проблема.

Различные виды искусства активно реализуются в системе работы в социально-культурной сфере, в культурно-досуговой деятельности как средство художественно-творческого и эстетического развития личности.

Артпедагогика опирается на научные разработки психологии и психотерапии: концепцию классического психоанализа о содержании и мотивации культурной активности З. Фрейда (творчество есть аспект сублимации); о коллективном бессознательном К. Г. Юнга; о «трансцендентной функции» и символическом развитии в творческом развитии [1].

Проблемами воздействия искусства на развитие личности занимались педагоги, разработавшие концептуальные основы использования арт-методик в образовании: Ю. П. Азаров, Л. Н. Азарова, Е. А. Журавлева, Н. М. Сокольникова, Т. С. Комарова, Л. Д. Лебедева, Е. В. Ольшанская, Н. Ф. Спинжар и другие; специалисты в области психологии и различных направлений психотерапии (сказкотерапии, музыкотерапии и т.д.): И. В. Вачков, Т. Ю. Калюшина, С. В. Шушарджан, В. И. Петрушин, А. И. Копытин, О. А. Карабанова, Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева и другие.

Наиболее применяемые в педагогике современные арт-методики: музыкальное

искусство, изотворчество, имаго-терапия (артимаго), библиотворчество (библиотерапия), кинези-терапия и другие.

Виды искусства и художественного творчества, которые лежат в основе арт-методик, используются не для развлечения людей, пришедших заполнить своё свободное время, а с целью положительного изменения сознания и деятельности человека через художественную деятельность под руководством артпедагога, также в некоторых случаях – для решения психокоррекционных и психотерапевтических задач.

С целью гармонизации развития личности артпедагогические методы используются в синтезе. Так, например, музыкальное и танцевальное творчество в процессе развития «тела и души» основано на движении под музыку (эвритмия).

Эмоциональное развитие человека имеет тесную взаимосвязь с мышечным тонусом, это отмечали известные физиологи И. П. Павлов, В. М. Сеченов и другие, считая, что «мышечный панцирь» тормозит импульс и свободное выражение эмоций [6]. Снятие физического напряжения в танце или в ритмических упражнениях, в сочетании с музыкой, создаёт условие для выражения положительных эмоций, чувств, мыслей человека, является мощным фактором, противодействующим нарушениям в коммуникативной сфере человека.

Система К. С. Станиславского также строится на методе психофизических действий, когда актёр может вызывать различные эмоциональные состояния, что помогает осознавать свои чувства.

Синтез музыкально-ритмических движений, или ритмическая гимнастика, – достаточно активный метод развития тела и души. Швейцарский педагог и композитор Э. Жак-Далькроз определил ритми-

ческую гимнастику как самостоятельную отрасль музыкальной педагогики. По его мнению, музыка является наилучшим регулятором поведения человека и гармонизации его чувств, а особенно – во взаимосвязи с движением.

Музыкально-ритмическая методика широко используется артпедагогами, включает в себя игровые, суггестивные, интерактивные формы работы, направленные на гармоничное развитие личности.

Зрительно-музыкальная методика, основанная на интеграции музыки и изобразительного искусства, также эффективно используется в артпедагогике. Музыкальное и зрительное восприятие гармонизирует эмоциональное состояние, регулирует поведенческие реакции человека.

Задачи использования методики «артимаго» вполне конкретны: воспитание и развитие способности адекватно реагировать на возникновение неблагоприятных ситуаций, привлекая художественные образы; развитие способности к творческому воспроизведению специально показанного образа; на основе избранного художественного или иного образа тренировка способности в мобилизации волевых качеств и потенциала личности в достижении поставленной цели в жизни и творчестве.

Одним из наиболее привлекательных методик в артпедагогике является изотворчество. Рисунок в этом случае рассматривается в первую очередь как символическое выражение отношения человека к окружающему миру, людям, культуре и самому себе. Изобразительное пространство, образы в рисунке становятся средством психологической защиты, выражением любви или агрессии, отражением своих положительных или отрицательных эмоций. Как вид художественного творчества рисунок – это чаще всего проекция личности в сим-

волическом выражении реального отношения окружающих или ожидаемого отношения близких людей. Важным здесь является сам процесс изотворчества, а качество рисунка, по необходимости, может выступать критерием определения творческих способностей.

В артпедагогике к основным методикам относится и художественное чтение (библиотерапия). Термин «библиотерапия», как воздействие на личностное развитие человека книжного чтения, был предложен отечественным учёным В. Н. Мясичевым. Этот термин стал активно применяться в России и США в первой половине XX века. Литературный материал, используемый для чтения и интерпретации, обладает развивающим потенциалом, представляет собой эффективное средство решения психологических проблем через идентификацию с персонажами художественных произведений.

Разновидностью библиотворчества (библиотерапии) является сказкотворчество (сказкотерапия). Особая эффективность данного метода в работе с детьми объясняется тем, что период дошкольного и школьного детства обеспечивается спецификой деятельности ребёнка в этом возрасте, а также притягательной силой сказки, позволяющей свободно мечтать и фантазировать. Сказка позволяет раздвигать рамки обычной жизни, сталкиваться со сложными явлениями и чувствами, в доступной форме постигать мир чувств и переживаний, является наиболее доступной формой для формирования нравственных и духовных ценностей.

Следует сказать ещё об одной современной форме артпедагогике, направленной на развитие творческих способностей, воспитание духовности, раскрытие личностных качеств, – это посещение музеев.

Представляет интерес *интерактивный музей «Алисиум»*, название которого основано на книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Это образовательный многофункциональный центр для творческого развития детей, с новыми формами и новыми проектами, связанными не только с межличностными коммуникациями «человек – человек», но и «человек – природа». Идея чёрно-белой книги с минимальным количеством иллюстраций и контекст, в котором можно придумывать, предложенные авторами проекта, оригинальны и новы. Современный писатель Е. Вервицкая здесь проводит уроки этикета. Инсценировки и игры чередуются с лекциями, детей обучают навыкам коммуникации, формируют нравственные ценности. Важным является то, что в работе через интерактивные и творческие формы и методы у детей развивают не только творческие способности, но и закрепляют полезные навыки, необходимые в реальной жизни.

Музейные формы артпедагогике активно используются сегодня и в работе с взрослыми людьми. Так, например, в Москве организован проект «Музейный СтарТрек», задуманный как творческая лаборатория, раскрывающая потенциал музейной работы для развития творческих способностей и поддержания социальной активности людей старшего возраста. Через использование музеями города Москвы практик «культуры участия» данная категория людей имеет возможность включаться в социокультурное пространство города, развивать творческие способности, получать новые знания.

В рамках проекта была организована научно-практическая конференция «Музеи и старшее поколение: практики соучастия в эпоху социальных вызовов» (26–27 сентября 2019 года). На арт-проекте «Выставка Клавдии Семёновны» участники «сере-

бряного» возраста осваивали новые артпедагогические технологии – «бегемотопись», «скобкогравюра», граффити, неоклассика под руководством современных художников и артпедагогов.

Артпедагогические методы, сочетаясь с арт-терапевтическими при организации коррекционной, обучающей и развивающей деятельности в образовательных учреждениях, дают положительный эффект в обучении детей с разными вариантами нарушений развития. Это подтверждают научные исследования, связанные с изучением взаимодействия арт-терапии и артпедагогики [3].

Артпедагогу важно видеть и понимать глубокое взаимопроникновение артпедагогики с общей и возрастной психологией при решении задач личностного и творческого развития человека. Основой для понимания этой взаимосвязи являются идеи Л. С. Выготского о формировании психики ребёнка с учётом культурно-исторического опыта. Он, рассматривая сложные психические процессы, доказал, что они являются продуктом исторического развития и имеют социальную природу.

Опираясь на положения Л. С. Выготского о зонах ближайшего развития, роли искусства в воспитании и преодолении психических отклонений личности, артпедагогика ведущей целью определяет процесс, а не результат творческой деятельности. Однако гармоничное развитие личности всегда будет результатом творческой деятельности, даже если не определяются критерии оценки, не оценивается конкретный творческий продукт.

Безусловно, уровень развития художественно-эстетических предпочтений, нравственно-этических норм, а также коммуникативных навыков у взрослых и у детей различен, однако средства искусства

не имеют никаких ограничений, абсолютно одинаково подходят людям разного возраста и людям с ограниченными возможностями здоровья.

Гармония определяется «богатством различного», подчёркивал отечественный педагог Ю. П. Азаров, «объединение противоположного и несоединимого – путь к гармоничному развитию личности» [1].

В работе специалистов учреждений культуры и дополнительного образования делается акцент на овладение людьми навыками в каком-либо виде творчества (музыка, изобразительное искусство, хореография и т.д.), а также на умении разработать научно-практические основы использования средств искусства в воспитательно-образовательном процессе. Безусловно, это требует разработки специальной артпедагогической системы развития личности, включающей отбор содержания психолого-педагогических и художественно-творческих методов.

Таким образом, все артпедагогические методики предоставляют личности возможность самопознания и самовыражения в творчестве, что способствует разностороннему и гармоничному личностному развитию и росту самоактуализации, эффективно могут применяться как в образовании, так и в социально-культурной сфере.

Гармонизация развития личности средствами артпедагогики обоснована синтезом различных видов художественно-творческой деятельности: музыкальной, изобразительной, речевой, театрализованной, вокальной, танцевально-хореографической и т.д. И это задача достаточно сложная, требующая большого внимания, знаний индивидуально-психологических и возрастных особенностей личности, профессиональных навыков и компетенций педагога.

Примечания

1. Азаров Ю. П. Радость учить и учиться : Педагогика гармоничного развития. Москва : Политиздат, 1989. 335 с. (Библиотечка семейного чтения).
2. Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. Москва : Изд-во Института профессионального образования МО России, 1995. 342 с.
3. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании : учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений / Е. А. Медведева, И. Ю. Левченко, Л. Н. Комиссарова, Т. А. Добровольская. Москва : Издательский центр «Академия», 2001. 248 с.
4. Копытин А. И. Теория и практика арт-терапии. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 366 с., ил., табл. (Серия «Золотой фонд психотерапии»).
5. Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. Санкт-Петербург : Речь, 2003. 256 с.
6. Мишина Е. И. Роль искусства в воспитании личности // Актуальные проблемы педагогики и психологии : сборник статей 4-й Международной научно-практической конференции (18 февраля 2019 года, Москва). Москва : МГИК, 2019. С. 62–68.
7. Практикум по арт-терапии / под ред. А. И. Копытина. Санкт-Петербург : Питер, 2000. 443 с., ил.
8. Христидис Т. В. Артпедагогические технологии в инклюзивном образовании // Психолого-педагогическое сопровождение личности в образовании: союз науки и практики : сборник статей IV Международной научно-практической конференции «Психолого-педагогическое сопровождение личности в образовании: союз науки и практики», Одинцовских психолого-педагогических чтений, 21 февраля 2016 г. / [отв. ред. В. Е. Цибулькинова]. Москва ; Одинцово : Перо, 2016. С. 72–76.
9. Христидис Т. В. Артпедагогика как область научно-практического знания // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 140–145.

References

1. Azarov Yu. P. *Radost' učit' i učit'sya: Pedagogika garmonichnogo razvitiya [The joy of learning and learning: Pedagogy of harmonious development]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1989. 335 p. (In Russian)
2. Bepalko V. P. *Pedagogika i progressivnye tekhnologii obucheniya [Pedagogy and progressive learning technologies]*. Moscow, Publishing House of the Institute of Professional Education, 1995. 342 p. (In Russian)
3. Medvedeva E. A., etc. *Artpedagogika i artterapiya v spetsial'nom obrazovanii [Art pedagogy and art therapy in special education]*. Moscow, Publishing house "Academia", 2001. 248 p. (In Russian)
4. Kopytin A. I. *Teoriya i praktika art-terapii [Theory and practice of art therapy]*. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2002. 366 p. (In Russian)
5. Lebedeva L. D. *Praktika art-terapii: podkhody, diagnostika, sistema zanyatiy [The practice of art therapy: approaches, diagnostics, system of classes]*. St. Petersburg, Publishing House "Russian Language", 2003. 256 p. (In Russian)
6. Mishina E. I. *Rol' iskusstva v vospitanii lichnosti [The role of art in the education of the individual]. Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii. Sbornik statey 4-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 fevralya 2019 goda, Moskva) [Actual problems of pedagogy and psychology. A collection of articles of the 4th International Scientific and Practical Conference (February 18, 2019, Moscow)]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2019. Pp. 62–68. (In Russian)
7. Kopytin A. I., ed. *Praktikum po art-terapii [Art therapy workshop]*. St. Petersburg, PITER Publishing House, 2000. 443 p. (In Russian)
8. Khristidis T. V. *Artpedagogicheskie tekhnologii v inkluzivnom obrazovanii [Art-pedagogical technologies in inclusive education]*. In: Tsibulnikova V. E., ed. *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie lichnosti*

- v obrazovanii: soyuz nauki i praktiki. Sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie lichnosti v obrazovanii: soyuz nauki i praktiki", Odintsovskikh psikhologo-pedagogicheskikh chteniy, 21 fevralya 2016 g. [Psychological and pedagogical support of the person in education: the union of science and practice. A collection of articles of the IV International scientific and practical conference "Psychological and pedagogical support of the person in education: the union of science and practice", Odintsovo psychological and pedagogical readings, February 21, 2016]. Moscow, Odintsovo, publishing house "Pero", 2016. Pp. 72–76. (In Russian)*
9. Khristidis T. V. The pedagogic as a field of scientific knowledge. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 6 (74), pp. 140–145. (In Russian)

*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ЛЮБИТЕЛЬСКОГО КОЛЛЕКТИВА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «МАСТЕРСТВО ХОРЕОГРАФА»

УДК 378.14

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10620

Т. С. Борисенко

Белгородский государственный институт искусств и культуры

В статье проанализированы основные аспекты совершенствования подготовки студентов по дисциплинам профессионального блока в условиях непрерывного образовательного процесса, предложены направления обновления содержания и расширения объёма практической подготовки будущих руководителей хореографических любительских коллективов. Продемонстрирована преемственность Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС ВО 3+ и ФГОС ВО 3++) по направлению подготовки 51.03.02 – «Народная художественная культура», профиль «Руководство хореографическим любительским коллективом», и выявлены факторы, определяющие необходимость их модернизации. Совершенствование подготовки студентов по дисциплинам профессионального блока приведёт к личностному и профессиональному росту студентов.

Ключевые слова: мастерство хореографа, профессионально-педагогическая компетентность, самосовершенствование, свободное развитие человека, собственная конкурентоспособность, художественно-творческая деятельность.

Tatyana S. Borisenko

Belgorod State Institute of Arts and Culture, Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

THE MAIN ASPECTS OF IMPROVING THE TRAINING OF THE FUTURE HEAD OF THE AMATEUR CHOREOGRAPHIC GROUP IN THE DISCIPLINES OF THE PROFESSIONAL UNIT

The article analyzes the main aspects of improving the training of students in the disciplines of the professional unit in the context of a continuous educational process, suggests directions for updating the content and expanding the scope of practical training for future leaders of amateur choreographic groups. The continuity of federal state educational standards (GEF HE 3+ and GEF HE 3++) in the direction of preparation is demonstrated. 51.03.02 Folk art culture, profile "Leadership of amateur

БОРИСЕНКО ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры хореографического творчества факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры

BORISENKO TATYANA SERGEEVNA – senior teacher of the Department of Choreographic Creativity, the Faculty of Directing, Acting, and Choreography, the Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: Savchenkots@mail.ru

© Борисенко Т. С., 2019

choreographic collective” and factors determining the need for their modernization are identified. The main aspects of improving the training of students in the disciplines of the professional block have all chances to cause the student’s personal movement, its internal increment – the implementation of the functions of professional development and formation, the function of accumulating personal and professional experience, responsibility for conclusions and actions.

Keywords: labor aspect, individual psychological characteristics, choreographer skill, professional competence, self-improvement, free development of a person, own competitiveness, artistic and creative activity.

Для цитирования: Борисенко Т. С. Совершенствование подготовки будущего руководителя хореографического любительского коллектива по дисциплине «Мастерство хореографа» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6 (92). С. 153–160. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10620

В настоящее время особую актуальность приобретает заинтересованность работодателей в сфере искусства и культуры в высококвалифицированных специалистах, в том числе по направлению подготовки 51.03.02 – «Народная художественная культура», профиль «Руководство хореографическим любительским коллективом».

Утверждение и реализация проекта Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования 3++ внесли серьёзные корректировки в цели, содержание, структуру образовательного процесса, определив основным ориентиром современного высшего образования России – «творческое развитие человека» [3, с. 49].

Решение проблемы качества и уровня профессионально-педагогической подготовки работников сферы культуры и искусства видится учёными-исследователями, практиками в ориентации студентов на приобретение важных для профессии знаний, умений, профессионального опыта, в стремлении к творческой деятельности, самостоятельности и адаптивной мобильности будущих руководителей хореографических любительских коллективов. Планируемые и измеряемые индивидуальные реальные достижения студентов по результатам

обучения в обобщённых, эталонных аспектах включены «в единую систему стратегии преподавания и оценивания» [5, с. 22].

В настоящее время существует актуальное противоречие между должностными обязанностями руководителя клубного формирования (любительского объединения, студии, коллектива самодеятельного искусства, клуба по интересам), которые были определены в едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих 2019 года [2], и подготовкой руководителя хореографического любительского коллектива согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования [13]. Это противоречие подтверждается, как результат, отсутствием данных профессий в Национальном реестре профессиональных стандартов РФ 2019 года [10].

В разделе «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии» (утверждённые Приказом Минздравсоцразвития РФ от 30.03.2011 года № 251н) отмечены должностные обязанности «руководителя клубного формирования» [2], а в требованиях Федерального государственного образовательного стандарта высшего образо-

вания 3++ – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.02 – «Народная художественная культура», профиль «Руководство хореографическим любительским коллективом» [14].

В ФГОС ВО отмечается, что будущий руководитель хореографического коллектива должен овладеть комплексом компетенций, в том числе сформированностью компетенций управления коллективом любительского художественного творчества. Например, учебной дисциплине «Мастерство хореографа» (обязательная часть) соответствует «универсальная компетенция “Командная работа и лидерство” (УК-3) – способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде; общепрофессиональная компетенция (ОПК-3) – способность соблюдать требования профессиональных стандартов; профессиональные компетенции, устанавливаемые программой бакалавриата, формируются на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников (при наличии)» [13]. К сожалению, расширенный поиск профессионального стандарта «Руководитель хореографического любительского коллектива» в рекомендуемом программно-аппаратном комплексе «Профессиональные стандарты» ВНИИ труда Минтруда Российской Федерации результатов не показал [10].

Поэтому молодые специалисты в качестве руководителей любительского хореографического коллектива не всегда устраивают руководителей учреждений культуры. Таким образом, возникает проблема совершенствования подготовки будущих руководителей хореографических любительских коллективов. В. Ю. Никитин отмечает: «Выстроить взаимодействие государственных документов (образовательных стандартов,

профессиональных стандартов, квалификационных требований, тарификационных сеток) – архисложная, но очень актуальная задача» [7, с. 118].

Следовательно, для устранения подобной ситуации одного стремления мало. Необходимо предпринимать организационные меры, нацеленные на ослабление или разрешение обозначенных противоречий.

В настоящее время отмечается дисбаланс между требованиями, предъявляемыми к соискателям рабочих мест со стороны работодателей, и качеством подготовки профессионалов. Речь идёт не только о специальной профессионально-педагогической подготовке, но и о нравственно-этических навыках и качествах личности, его педагогической, технической подготовке, а также умении формировать коллектив и управлять им. Особую значимость приобретает формирование климата в коллективе, необходимого для осуществления эффективной профессиональной деятельности.

В современном обществе резко возрос спрос на профессионально компетентного, творческого, самостоятельного специалиста, готового к поиску, генерированию новых идей, принятию нетрадиционных решений на любом, даже самом ответственном уровне.

Проверка практикой неоднократно подтверждает: без основательного познания истории и теории хореографии не развивается хореографическое искусство. Это отмечали в своих трудах выдающиеся хореографы, искусствоведы и педагоги Ж.-Ж. Новерр, В. В. Ванслов, К. Я. Голейзовский, Р. В. Захаров, Ф. В. Лопухов, И. А. Моисеев, И. В. Смирнов, В. И. Уральская, Т. А. Устинова, М. М. Фокин, Н. В. Шереметьевская, Ю. М. Чурко, Н. И. Эльяш и многие другие. Они также утверждали, что знание выра-

зительных средств хореографии, их общих пластических закономерностей и овладение методами, приёмами создания хореографического произведения – основа мастерства хореографа, автора танца.

Состояние научной разработанности исследуемой проблемы следует оценить как противоречивое. С одной стороны, накоплен значительный эмпирический материал, отражающий и фиксирующий уровень подготовленности руководителя хореографического любительского коллектива, вместе с тем доля исследований, посвящённых совершенствованию подготовки студентов по дисциплинам профессионального блока, в частности – по основной дисциплине «Мастерство хореографа», в условиях непрерывного образовательного процесса – весьма незначительна.

Таким образом, основные аспекты совершенствования подготовки студентов по дисциплинам профессионального блока в условиях непрерывного образовательного процесса определяют постановку организационных, педагогических и творческих задач:

1. Признать, что при модернизации высшего образования и разработке новых подходов к организации и содержанию профессиональной подготовки будущего руководителя хореографического любительского коллектива актуальной формации по учебным дисциплинам профессионального блока необходимо:

- поменять подходы к отбору абитуриентов, организовав исследование их личностных данных на соответствие профессии;
- гарантировать качественный психолого-педагогический компонент подготовки будущего руководителя хореографического любительского коллектива на базе широкого применения психолого-педагогических

технологий и организации прогноза становления личностных качеств студентов.

2. Принципиально важным направлением работы образовательного учреждения, влияющим на качество подготовки бакалавров по дисциплинам профессионального блока, может стать организация информационных телекоммуникативных систем, которые дадут возможность использовать электронные образовательные технологии обучения для теоретической подготовки студентов. Системный подход к использованию электронного обучения студентов должен быть реализован на основе единства методов и средств, применяемых в вузе при обучении всем учебным дисциплинам конкретной образовательной программы. По данным проекта «Программы развития электронного обучения на 2014–2020 годы» [8], в 2015 году доля студентов вузов в общем количестве студентов, осваивающих программы высшего профессионального образования с использованием электронного обучения в России, составляла только 3% [7].

3. На основе дифференцированного и лично ориентированного подходов обстоятельства улучшения подготовки будущего руководителя хореографического любительского коллектива по дисциплинам профессионального блока дают возможность увеличить и личностное направление процесса обучения с поддержкой технологий индивидуальной и групповой работы со студентами, содействующих актуализации мотивационной деятельности студента, выстраиванию успешной образовательной линии движения. Например, одной из интерактивных технологий является технология обучения в сотрудничестве (*cooperative learning*) на практических занятиях. Она подразумевает: инструктирование преподавателем студентов о целях

упражнения и о последовательности действий; деление студентов на группы (3–5 человек) и распределение ролей и заданий; выполнение поручения или заданий, при этом преподаватель выступает как организатор взаимодействия студентов, как консультант и как ведущий презентацию итогов выполнения упражнения или упражнений. Учебные задания структурируются таким образом, что все члены микрогруппы оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми и при этом достаточно самостоятельными в овладении материалом и решении задач [15].

Индивидуальные занятия преподавателя со студентами в вузе являются составной частью учебного процесса и включены в расписание учебных занятий. Целью данных занятий является создание условий для реализации индивидуальной траектории обучения студентов, формирования у них общекультурных и профессиональных компетенций [1].

4. Формирование индивидуально-го стиля деятельности в процессе обучения по дисциплинам профессионального блока. В настоящее время более известной в практической психологии и педагогике считается классификация профессий, созданная Е. А. Климовым [4]. В основу классификации профессии положен «аспект труда», то есть того, на что или на кого ориентирована функциональная, модифицирующая деятельность человека-профессионала. Сообразно объектам труда выделяются профессиональные сферы. Здесь мы имеем профессии, связанные с искусством и творчеством (художники, актёры, музыканты, танцоры и т.д.).

Ведущей тенденцией успешной подготовки будущего руководителя хореографического любительского коллектива в быстро меняющемся мире становится реализация

технологии формирования профессиональной компетентности руководителя хореографического любительского коллектива. Это обуславливает интерес отечественной педагогической науки к изучению и внедрению в практику образования компетентностного подхода.

Но, к сожалению, в практике подготовки специалистов творческой направленности эта проблема мало изучена. При этом интерес абитуриентов в получении творческих профессий в области культуры и искусства заметно возрастает.

5. Остаются животрепещущими и вопросы воспитания будущих руководителей хореографических любительских коллективов в процессе обучения по дисциплинам профессионального блока. Необходимо расширять формы образовательной деятельности, содействующие развитию профессионально значимых свойств. Например, организовывать «круглые столы», конференции, профессиональные конкурсы, мастер-классы, что способствует совмещению профессионально-ориентирующей функции и развивающей, профессиональному становлению и подъёму креативного уровня студентов.

6. К усвоению теоретического материала по дисциплинам профессионального блока надо подходить как к научно-познавательной деятельности, на базе которой должно развиваться хореографическое искусство как неотъемлемый элемент профессиональной деятельности будущего руководителя хореографического любительского коллектива. Заслуженный деятель искусств России, народный артист РСФСР, профессор И. В. Смирнов писал: «Хореограф – профессия творческая. Она требует от человека, выбравшего её, очень многого: и знаний, и трудолюбия, и умения работать с людьми, и, конечно же, таланта» [11, с. 49].

7. Совершенствование подготовки студентов по дисциплинам профессионального блока предполагает: психологический анализ личности, учёт возрастных особенностей студентов, формирование у будущего руководителя хореографического любительского коллектива представлений о себе. Особенно необходимо подчеркнуть значимость непрерывного самосовершенствования, которое является одним из основных требований к профессии руково-

дителя хореографического любительского коллектива.

Таким образом, вышеназванные аспекты совершенствования подготовки будущих руководителей хореографического любительского коллектива по дисциплинам профессионального блока содействуют личностному развитию студента, накоплению профессионального опыта. И именно подобный профессионал, на наш взгляд, необходим сегодня в области культуры и искусства.

Примечания

1. Бакшеева Э. П., Рассказова Н. П. Опыт организации индивидуальных занятий преподавателя со студентами в вузе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 4/2. С. 127–131.
2. Единый квалификационный справочник 2019 год. Раздел «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии» [Электронный ресурс]. URL: <http://bizlog.ru/eks/eks-20/>
3. Карникова О. П. Профессиональная подготовка бакалавров по направлению 071500.62 «Народная художественная культура» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2015. № 14 (126). С. 187–191.
4. Климов Е. А. Психология профессионала: Избранные психологические труды. Москва : Изд-во Московского психолого-социального института ; Воронеж : МОДЭК, 2003. 456 с.
5. Михайленко Л. В. Компетентностный подход в оценивании качества результатов обучения студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № S22. С. 51–55. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14775.htm>
6. Наумов В. Н. Использование дистанционных образовательных технологий в подготовке студентов заочной формы обучения // Образовательные технологии и общество. 2015. Том 19, № 1. С. 612–619.
7. Никитин В. Ю. Критерии профессионализма в хореографическом искусстве // Вестник Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой. 2019. № 4 (63). С. 107–125.
8. Программы развития электронного обучения на 2014–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://4portfolio.ru/view/view.php?id=9892>
9. Резник С. Д., Игошина И. А. Студент вуза: технологии обучения и профессиональной карьеры. Москва : Инфра-М, 2019. 391 с.
10. Реестр профессиональных стандартов [Электронный ресурс]. URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/>
11. Смирнов И. В. Искусство балетмейстера : учебное пособие для культурно-просветительских факультетов вузов культуры и искусств]. Москва : Просвещение, 1986. 192 с., [8] л. ил.
12. Телегин А. А. Композиция и постановка танца : учебное пособие. Самара, 1998. 84 с.
13. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Бакалавриат. Направление подготовки 51.03.02 Народная художественная культура : утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12 марта 2015 г. № 223 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70829526/#ixzz4bypuuD5G>

14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.02 Народная художественная культура (уровень бакалавриата) :утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 8 декабря 2017 г. № 1178) [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510302.pdf>
15. Якимович И. Г. Технология обучения в сотрудничестве на практических занятиях в вузе // Вопросы методики преподавания в вузе. 2015. № 4 (18). С. 61–67.

References

1. Baksheeva E. P., Rasskazova N. P. Opyt organizatsii individual'nykh zanyatiy prepodavatelya so studentami v vuze [Experience in organizing individual lessons of a teacher with students at a University]. *Historical and socio-educational idea*. 2016, vol. 8, no. 4/2, pp. 127–131. (In Russian)
2. *Edinyy kvalifikatsionnyy spravochnik 2019 god. Razdel "Kvalifikatsionnye kharakteristiki dolzhnostey rabotnikov kul'tury, iskusstva i kinematografii"* [Unified Qualification Guide 2019. Section "Qualification Characteristics of the Positions of Workers in Culture, Art, and Cinematography"]. Available at: <http://bizlog.ru/eks/eks-20/> (In Russian)
3. Karnikova O. P. Professional'naya podgotovka bakalavrov po napravleniyu 071500.62 "Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura" [Professional training of bachelors in the direction 071500.62 "Folk art culture"]. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2015, no. 14 (126), pp. 187–191. (In Russian)
4. Klimov E. A. *Psikhologiya professionala: Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Professional psychology: selected psychological works]. Moscow, Voronezh, Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute, Publishing house "MODEK", 2003. 456 p. (In Russian)
5. Mikhaylenko L. V. Kompetentnostnyy podkhod v otsenivanii kachestva rezul'tatov obucheniya studentov [Competency-based approach in assessing the quality of student learning outcomes]. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2014, no. S22, pp. 51–55. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14775.htm> (In Russian)
6. Naumov V. N. Ispol'zovanie distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy v podgotovke studentov zaочноy formy obucheniya [The use of distance learning technologies in the preparation of part-time students]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo* [Educational Technology and Society]. 2015, vol. 19, no. 1, pp. 612–619. (In Russian)
7. Nikitin V. Yu. Standards of professionalism in choreographic art. *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*. 2019, no. 4 (63), pp. 107–125. (In Russian)
8. *Programmy razvitiya elektronnoy obucheniya na 2014–2020 gg.* [E-Learning Development Programs 2014–2020]. Available at: <http://4portfolio.ru/view/view.php?id=9892> (In Russian)
9. Reznik S. D., Igoshina I. A. *Student vuza: tekhnologii obucheniya i professional'noy kar'ery* [University student: educational technology and professional career]. Moscow, Publishing house «Infra-M», 2019. 391 p. (In Russian)
10. *Reestr professional'nykh standartov* [Register of professional standards]. Available at: <http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/> (In Russian)
11. Smirnov I. V. *Iskusstvo baletmeystera* [Art of the choreographer]. Moscow, Publishing house "Prosveshchenie", 1986. 192 p. (In Russian)
12. Telegin A. A. *Kompozitsiya i postanovka tantsa* [Composition and statement of dance]. Samara, 1998. 84 p. (In Russian)
13. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya. Uroven' vysshego obrazovaniya. Bakalavriat. Napravlenie podgotovki 51.03.02 Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura. Utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 12 marta 2015 g. № 223* [Federal State Educational Standard for Higher Education. Level of higher education. Undergraduate. Direction of preparation 51.03.02 Folk art culture. Approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 12, 2015 No. 223]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70829526/#ixzz4bypuuD5G> (In Russian)

14. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.02 Narodnaya khudozhestvennaya kul'tura (uroven' bakalavriata). Utverzhden prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 8 dekabrya 2017 g. № 1178 [Federal State Educational Standard of Higher Education in the area of training 03/03/02 Folk art culture (undergraduate level). Approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of December 8, 2017 No. 1178]. Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510302.pdf> (In Russian)*
15. Yakimovich I. G. *Tekhnologiya obucheniya v sotrudnichestve na prakticheskikh zanyatiyakh v vuze [Learning technology in cooperation in practical classes at a University]. Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze [Problems of teaching methods at a University]. 2015, no. 4 (18), pp. 61–67. (In Russian)*

*